



Егор
ГАЙДАР

Анатолий
ЧУБАИС

**РАЗВИЛКИ
НОВЕЙШЕЙ
ИСТОРИИ
РОССИИ**



Егор Гайдар, Анатолий Чубайс

**Развилки новейшей истории
России**

И. Ясин. История из первых рук

В чем главное достоинство этой книги? Она ясно и просто объясняет, какие решения принимались в эти судьбоносные годы, на каких развилках истории возникала в них нужда, какими были ограничения, вынуждавшие действовать так, а не иначе, даже если это «иначе» гораздо больше нравилось авторам. Подчеркну всем нам известное обстоятельство: авторы — не историки, а именно те люди, которые вырабатывали и принимали эти судьбоносные решения и взяли на себя всю полноту ответственности за них. Редкий случай в нашей истории — они обладали всеми качествами, необходимыми для выполнения своей высокой миссии. В других случаях, каковых большинство, ответственнейшие решения с отдаленными последствиями принимались людьми, обладавшими весьма искаженными представлениями о реальности и руководимыми сомнительными, а нередко мелкими, корыстными интересами. Всякий раз подобные решения выводили страну на боковые, а то и тупиковые траектории развития, из которых потом надо было выбираться с потерями.

Книга разделена на главы, посвященные определенным периодам нашей истории XX века, из которых самый короткий всего два года (1992–1993) — тот, в котором работали они. Чубайс, правда, работал на госслужбе и позднее, до марта 1998 года, но это уже было другое время. Главные их свершения относятся именно к 1992–1993 гг. И ни в какой другой период масштабность вызовов, встававших перед Россией в этом веке и требовавших немедленных ответов, не была столь плотной. Мне могут сказать — а война, а индустриализация? Да, тоже не слабо. Но все же в тех случаях в интеллектуальном плане задачи, как мне кажется, были попроще.

Насколько я знаю, историки ныне делятся на концептуалистов и позитивистов. Первые, опираясь на факты, строят теории, позволяющие, по их мнению, предсказывать будущее. Так, Маркс пришел к выводу, что капитализм в монополистической стадии уничтожает рыночную экономику и ведет к социалистическому, плановому хозяйству. Ленин и Сталин решили, что управление таким

хозяйством должно строиться по типу крупной фабрики, и попытались реализовать эту схему в России. Их опыт вооружил позитивистов против подобных теорий и подтолкнул к выводу, что от них вообще надо отказаться: факты, события, короткие связи между ними — и никаких гаданий.

Но человеческое стремление к пониманию дороги, которая ведет в будущее, неистребимо. И в новейших попытках, я полагаю, будут строиться концепции, исходящие из ранее возникших институтов и анализа возможностей их трансформации в складывающихся условиях. В качестве примера упомяну изданную Институтом Гайдара в 2011 году книгу Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста «Насилие и социальные порядки». Современная либеральная демократия, или порядок открытого доступа в их терминологии, складывается как комплекс институтов вследствие стремления элит к снижению насилия. Идеи подтверждаются историческими примерами.

Подобно этому сходные идеи излагаются в книге Е. Гайдара и А. Чубайса. Только здесь берется за основу исторический материал, рассматриваются важнейшие развилки российской истории 1929–2009 гг. и показываются обстоятельства их прохождения — выбор политических решений и последствия, включая институты, складывающиеся в результате. Результатом политических решений, принятых в конце 20-х годов — начале 30-х годов, стала советская планово-административная экономика, нарастание кризиса которой привело к развилкам 90-х. Решения 1992–1993 гг. привели к созданию в России рыночной экономики, ставшей новым этапом в развитии страны.

Приведу пример из самой книги — либерализация цен. Критики утверждают, что она была проведена в угоду либеральной схеме, «вашингтонскому консенсусу» и нанесла большой урон стране. Реальная ситуация в стране была такова, что запасов зерна в крупных городах было до февраля — марта 1992 г., а урожай в России начинают собирать с июля. Валюты для закупки продовольствия не было. Денежное обращение было разлажено за последние годы, а после путча ГКЧП ряд республик, объявивших о своей независимости, продолжали эмитировать рубли без разрешения Центрального банка. Но зерно в стране было. Развилка состояла в решении двух вопросов:

1. Силой отобрать у колхозов хлеб, сохранив государственные цены, или либерализовать цены, сделав выгодной продажу хлеба государству. Надо добавить к этому, что силы у правительства было немного, а желание применить ее (как у большевиков в 1919 году) — еще меньше.

2. Ввиду разлаженности денежного обращения укрепить его, ввести национальную валюту и до осуществления этих мер отложить либерализацию, чтобы не допустить высокой инфляции; или либерализовать цены как можно скорее, а затем предпринимать меры по финансовой стабилизации.

Особого выбора не было. Цены были либерализованы со 2 января 1992 года. За это пришлось заплатить высокую плату в виде инфляции, достигшей 2600 %. Только в марте удалось ввести корреспондентские счета для центральных банков союзных республик, оформляя их эмиссию как технические кредиты. Национальная валюта была введена в августе 1993 года. Но что важно: либерализация цен и внешней торговли вместе с введением свободы внутренней торговли в России, во-первых, сняли остроту товарного дефицита. А во-вторых, у нас появился важнейший институт рыночной экономики — свободные цены. Другие необходимые комплементарные институты стали пристраиваться чуть позднее.

Уже много позже, в 2010 году, я имел случай спросить Лешека Бальцеровича, автора польских рыночных реформ, знал ли он о вашингтонском консенсусе в 1990 году. Он ответил, что не знал.

Я не собираюсь в предисловии пересказывать содержание книги. Описанный эпизод — один из самых ярких и поучительных в том коротком отрезке времени, в котором сосредоточились и самые значимые события, и главные дела авторов. За короткий период, где-то около 500 дней, в России были созданы институциональные основы рыночной экономики. Я говорю об этом с уверенностью, потому что к середине 1993 года уже была пройдена большая часть пути массовой приватизации — важнейшего дела А. Б. Чубайса. Другое его важнейшее дело — финансовая стабилизация — осуществлялось уже в следующий период — 1995–1997 гг. Но она уже в меньшей степени включала формирование институтов рыночной экономики. Но в итоге либерализация, приватизация и финансовая стабилизация образовали ее жизнеспособное ядро. И это важнейшая заслуга двух замечательных

людей, написавших данную книгу. Тем, кто до сих пор считает их виновниками чуть ли не всех бед нашей страны, надо ее прочитать. Хорошо бы при этом задуматься, что непосредственные впечатления и легковесные суждения иной раз должны уступать место взвешенным размышлениям — в частности, о том, что подлинная роль важнейших политических решений обычно осуществляется не немедленно, а через долгое время и постепенно. Расцвет российской рыночной экономики еще впереди, я в это верю.

Чем дальше идет изложение во времени, тем менее значимые события оно отражает и тем ближе оно к нашему сегодня. А это значит, что все большее влияние на него оказывает политическая злоба дня. С 1999 года прямого участия в определении государственной политики авторы уже не принимали. Их суждения по-прежнему чрезвычайно интересны, но все больше вопросов, по которым с ними хочется поспорить. Авторы пишут о развилках, перед которыми оказалось новое руководство страны после ухода Б. Н. Ельцина: 1) реализовать экономические реформы, выработанные для его второго президентства и не воплощенные в жизнь, или отказаться от них; 2) создавать после завершения трансформационного кризиса и перехода к восстановительному росту инструменты, позволяющие решать финансовые проблемы при неблагоприятной конъюнктуре, или бросить все средства, поступающие от быстрого роста нефтяных цен, на решение текущих задач. Третья развилка, о которой они пишут, — договоренность или конфликт между государством и крупным бизнесом, проблема, которой пришлось заниматься А. Б. Чубайсу с 1997 года, со времени его второго прихода в правительство. Здесь эта проблема подается как «победа при Связьинвесте», тогда как это был только выигрыш одного сражения в начинающейся войне.

На мой взгляд, все эти развилки, тесно связанные между собой, объективно знаменовали переход от этапа рыночных реформ и трансформационного кризиса к этапу либерализации российской экономики на рыночных началах. И здесь ведущая развилка состояла в том, каковы будут главные движущие силы модернизации — высокая деловая активность, максимальное использование возможностей предпринимательства, пробужденных реформами, или же инициативы и ресурсы государства, а стало быть, бюрократии, которая жаждала реванша над возомнившими о себе олигархами. Второй путь был

привычной, в русле давней российской традиции, он казался менее рискованным. Теперь уже авторы не влияли на выбор политики, и выбор был сделан в пользу второго варианта. Я говорю об этом отнюдь не потому, что думаю, будто Гайдар и Чубайс не понимали важности этой развилки. Они и пишут о ней, правда вскользь (стр. 120–124). Просто я могу позволить себе прямо сказать то, о чем им вслух говорить было труднее по политическим мотивам. Но сказать все же надо, ибо эта развилка на самом деле и по сей день не пройдена. Не случайно мы вновь заговорили о модернизации, об инвестиционном климате. В «тучные годы» как-то эти темы не казались актуальными.

Между тем очевидно, что рыночная экономика взамен плановой нужна была для того, чтобы использовать частную инициативу, высокую деловую активность как основные силы подъема нашей экономики. Если же для этих сил не создаются благоприятные возможности, то ренту от нефтяной конъюнктуры нужно большей частью направлять в резервы, на случай как хорошей, так и плохой конъюнктуры, зная, что иначе она либо будет генерировать инфляцию, либо в ином случае не будет возможности предотвратить еще одну финансовую катастрофу.

Это мое замечание, я надеюсь, поможет лучше прочесть соответствующие разделы книги.

В заключение хочу обратить внимание на «развилки нашего времени».

Во-первых: сохранять или не сохранять консервативную финансовую и денежную политику? Авторы считают: безусловно сохранять. Инвестиции, развитие — в основном дело частного бизнеса, а не государства.

Во-вторых: инновации или деградация? Я присоединяюсь к их мнению, что инновационная экономика и создание ее предпосылок — естественный выбор, только требующий времени и серьезных усилий.

В-третьих, и это, я думаю, сегодня самая важная развилка: ужесточение политического контроля или демократизация?

Авторы предупреждают: «неприемлемы логические конструкции по типу — „пусть сначала нам сделают демократическую политическую систему, а потом мы начнем создавать инновационную экономику“». Возможно, они имели в виду меня. Я действительно считаю, что без демократии создавать современную рыночную

экономику невозможно. Но согласен, что надо не выдвигать предварительные условия, а работать параллельно, последовательно продвигаясь по обоим направлениям. Но в конце концов наступит момент, когда без демократизации дальнейшее движение станет невозможно. В сущности, этим выводом завершают свою книгу Гайдар и Чубайс.

Замечательные люди, замечательная книга. Я человек ангажированный, я их люблю. Но не потому считаю замечательными, что люблю, а наоборот. В начале 90-х я их мало знал. Но понимал, что нужно сделать для нашей страны. И поэтому мог оценить их заслуги, когда они это сделали. Надеюсь, со временем все большее число моих сограждан также станет это понимать и ценить.

А. Чубайс. От автора

Это очень острое ощущение, когда ты понимаешь, что в эти дни или даже в эти часы огромная страна проходит историческую развилку. Прямо как в русских былинах — «налево пойдешь... направо пойдешь...» С той только разницей, что речь идет не о чудо-богатыре, а почти о ста пятидесяти миллионах человек, многие из которых даже и не подозревают, что в этот момент решается их судьба, а может, и жизнь. В 90-е годы с нашей страной это происходило, как минимум, четырежды. Так случилось, что в какие-то из этих моментов мы — Егор Гайдар и вся наша команда — имели прямое отношение к выбору.

Возможно, эта книга родилась именно поэтому, тем более что мы не планировали ее писать. Нам много раз, особенно в последние годы, приходилось анализировать, что мы сделали правильно, а что — нет. Но, анализируя, надо понимать не только то, что было, но и то, чего удалось избежать. Это особенно важно в переломных эпохах, когда заданный политикой коридор очень узок и почти всегда приходится выбирать из всех имеющихся плохих сценариев наименее плохой.

Егор Гайдар был не только выдающимся экономистом, но и очень глубоким историком. Он умер, едва успев дописать свою часть книги, не дожив до пятидесяти пяти лет. Сейчас, в 2011 году, я с изумлением наблюдаю, как многое из того, о чем он написал в книге еще в начале 2009-го, проявляется на наших глазах в экономико-политической динамике в нашей стране, в Европе, в США. Это лишний раз доказывает, что история учит. Учит, по крайней мере, тех, кому она небезразлична.

Именно для них мы и написали эту книгу.

Введение

Концепция исторического детерминизма, согласно которой более развитые страны показывают менее развитым картину их будущего, — ключевой элемент марксистской теории, оказавшей серьезное влияние на общественную мысль XIX–XX веков. В соответствии с этой концепцией у истории есть свои законы, она предопределена. Речь идет лишь о том, когда неизбежное свершится.

На протяжении десятилетий в нашей стране эта концепция была частью идеологии властей предрекающих. Действительно, системные изменения характеристик жизни общества — душевого валового внутреннего продукта, урбанизации, структуры занятости, уровня образования, рождаемости, продолжительности жизни, политической системы — в более развитых странах похожи на те, что происходят в менее развитых десятилетиями позже. Так что в классических трудах К. Маркса, несомненно, была доля истины. Но опыт XX века показал и границы исторического детерминизма.

При общих закономерностях развитие стран жестко не предопределено. То, что происходит в странах догоняющего развития, не всегда дублирует опыт стран-лидеров мирового экономического роста. Это показывает хотя бы то, что первый масштабный социалистический эксперимент был проведен не в Англии, наиболее развитой стране XIX века, а в России, которую в начале XX века никак нельзя было отнести к странам-лидерам экономического развития.

Произошедшее в истории окаменевают. Историкам всегда хочется объяснить, что случившееся было закономерно. При советской власти было опубликовано множество работ, посвященных неизбежности революции в России. Но почти никто не писал об этом до того, как крушение царского режима стало реальностью. С начала 1990-х годов было издано немало книг, посвященных неизбежности краха социалистического режима в СССР. Но почти никто из их авторов до середины 1980-х годов даже не упоминал о возможности такого развития событий.

Слова об отсутствии сослагательного наклонения в истории банальны, но правильны. Что случилось, то случилось. Однако, как

люди, причастные к принятию ряда ключевых решений в политике России, можем засвидетельствовать, что представление о том, что всё, что произошло, было неизбежным, — неточно. В истории есть развилки, определяющие события на годы вперед. Без понимания этого трудно оценить происходившее в нашей стране и в мире на протяжении последних десятилетий.

Было бы неверным обсуждать развилки позднесоветского и постсоветского периода, не вспомнив о тех альтернативах, которые стояли перед руководством советского государства в конце 1920-х — середине 1960-х годов. Поэтому начнем с главных развилок российской истории после революции 1917–1922 годов.

1928–1984 годы

Ключевая из послереволюционных развилок — выбор политики по отношению к крестьянству, сделанный в 1928–1929 годах. К 1926 году новая экономическая политика, сутью которой было сочетание авторитарной власти Коммунистической партии, доминирование государственной собственности в промышленности и наличие относительно свободной торговли, устойчивой, подкрепленной золотом валюты, себя вполне оправдывала. После периода бурного восстановительного роста 1923–1924 годов Россия продолжала развиваться, хотя не столь динамично (*рис. 1*).

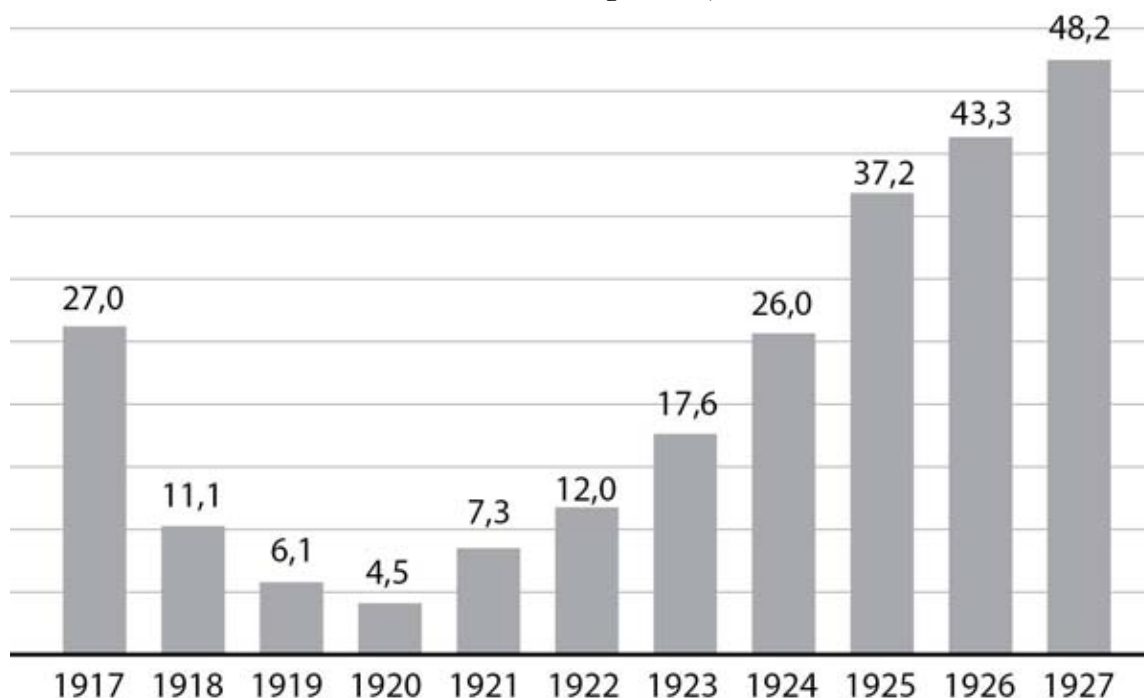


Рис. 1. Валовое промышленное производство России (объем в ценах 2000 г., млрд руб.)

Источник: Симчера В. М. Развитие экономики России за 100 лет. Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы. М.: Наука, 2006. С. 325.

Важнейшим препятствием на пути дальнейшего ускорения экономического роста была политика. Коммунистический режим, взявший власть в крестьянской стране, идеология которого во многом

была основана на опыте Великой Французской революции, опасался повторения истории Вандеи, развития событий по сценарию Франции после краха якобинской диктатуры в 1794 году. Отсюда настороженное отношение к обеспеченному крестьянству, к тем, кто вкладывал деньги в развитие своего хозяйства и кого тогда называли кулаками. Отсюда проведение по отношению к ним репрессивной политики, лишение их избирательных прав. Учтем, что в 1920-е годы сельские жители составляли большую часть населения России: в 1926 году — 82,1 %, в 1928–1929 годах — 80 %^[1].

Когда вы объясняете работающему и неглупому человеку, что, если он будет развивать свое хозяйство, его ждут неприятности, предугадать реакцию нетрудно. Он будет ограничиваться прилично устроенным, стационарным, ориентированным на личное потребление хозяйством и не ввязываться в инвестиционные авантюры. Однако стране нужна была форсированная индустриализация. Мир уходил вперед. От того, в какие сроки пройдет индустриализация в Советском Союзе, зависела судьба страны и правящего в ней режима.

Суть той исторической развилки: **отмена дискриминационных мер по отношению к наиболее продвинутой части крестьянства или принудительная его коллективизация?**

Первый путь означал изменение политики по отношению к тем, кто был готов развивать производство, применять современные технологии, то есть к кулакам. Он предполагал сохранение денежной стабильности, рыночных институтов и обеспечение устойчивости авторитарной власти Коммунистической партии. Этот путь десятилетия спустя получил название «китайского». Решение о том, выбирать ли этот путь, принималось в Советском Союзе на уровне экономического развития, очень близкого тому, который был характерен для Китая во время начала реформ Ден Сяопина (рис. 2).



Рис. 2. Сопоставление СССР в 1930 году и Китая в 1980 году по ВВП на душу населения и доле городского населения

Наиболее откровенно такой сценарий развития событий был сформулирован главным идеологом ВКП(б) Н. Бухариным в его статье 1925 года «Обогащайтесь!». Впоследствии по политическим причинам Бухарин был вынужден отречься от собственных слов. Но в ходе дебатов 1928–1929 годов его позиция, как и позиция главы советского правительства Н. Рыкова, не изменилась.

Второй путь был предложен И. Сталиным. Суть его — решение проблемы ускорения экономического роста за счет изъятия хлеба из деревни по ценам ниже тех, за которые его готовы продавать крестьяне; принудительная коллективизация, то есть восстановление в новом виде крепостного права. При этом варианте развития событий крестьяне становились гражданами второго сорта с денежными доходами, многократно меньшими, чем в городе, лишенными социальных гарантий, таких как пенсионное обеспечение. Они получили сильный стимул любыми путями поменять свой статус, эмигрируя в город. Такие каналы были: армия и ударные стройки.

Для Бухарина важнейшим аргументом в выборе стратегии экономико-политического развития было то, что в крестьянской стране, где основа армии — крестьяне, заставить армию силой

отбирать хлеб в деревне невозможно^[2]. Но Сталин доказал, что можно. Цена выбранного решения по этой исторической развилке была велика — миллионы сосланных в Сибирь кулаков, миллионы крестьян, умерших от голода в 1932–1933 годах.

Еще одна развилка социалистического времени: **выбор пути развития сельского хозяйства после смерти Сталина.**

Этот вопрос советскому руководству пришлось решать в 1953–1957 годах. К 1953 году кризис сельского хозяйства, связанный с выбранной в 1928–1929 годах политикой закабаления крестьян, стал реальностью^[3]. Но нет документов, подтверждающих намерения кого-то из руководителей партии и государства пойти по пути, по которому в 1979 году пошел Дэн Сяопин, то есть распустить колхозы.

Н. Хрущев предложил вернуться к идее, популярной в начале 1930-х годов, — освоению целинных и залежных земель. Его оппоненты предлагали вложить средства в повышение продуктивности сельского хозяйства в Центральной России^[4]. Точка зрения Хрущева получила поддержку. В краткосрочной перспективе ее реализация дала неплохие результаты (рис. 3).

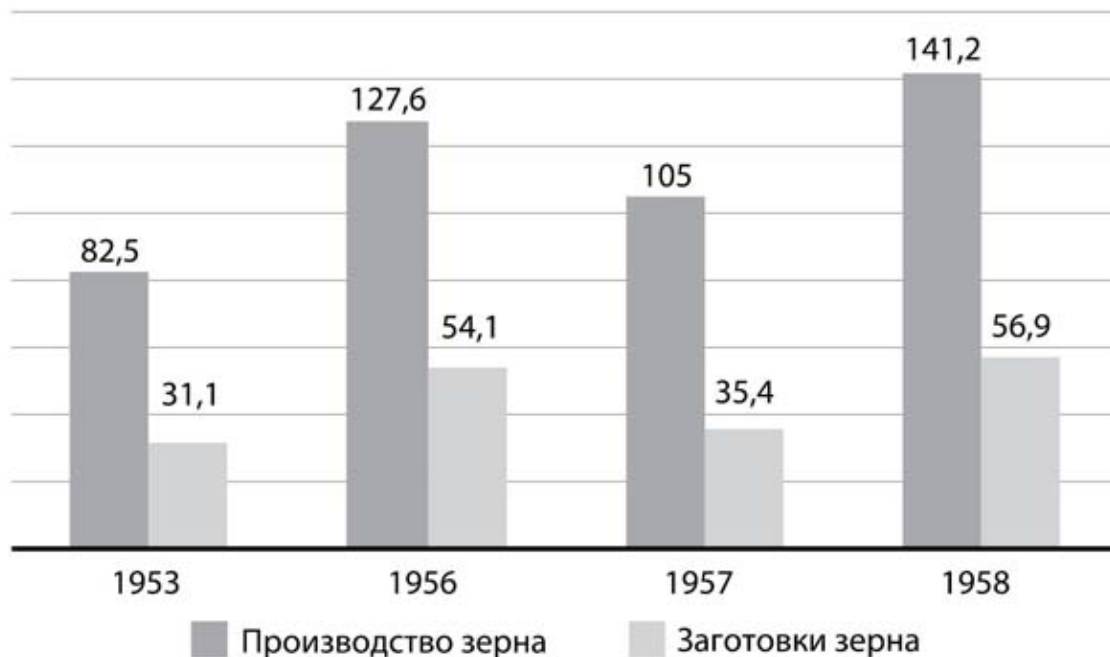


Рис. 3. Среднегодовое производство и заготовки зерна в СССР в 1953–1958 годах, млн тонн

Источник: Народное хозяйство СССР в 1959 году. Стат. ежегодник. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1960. С. 314–315, 322–323.

Однако в более долгосрочной перспективе она оказалась опасной: увеличилась зависимость поставок зерна от погодных условий, влиявших на урожайность на землях, которые раньше относились к категории целинных и залежных. Между тем кризис в сельском хозяйстве Центральной России продолжал углубляться.

Другая развилка, вставшая перед властью в 1953–1957 годах: **в какой степени надо было либерализовать политический режим, уйти от массовых репрессий.**

Арест и расстрел Л. Берии, тональность дискуссии на Пленуме ЦК КПСС 22–29 июня 1957 года показали, что борьба по этому вопросу была жесткой. Суть альтернативы понять нетрудно: сохранять репрессивный режим, жертвами которого могут стать и люди, причастные к власти, либо его в той или иной мере либерализовать, чтобы гарантировать жизнь и свободу, по меньшей мере, руководству страны. Большая часть правящей элиты поддержала Н. Хрущева в выборе *второго варианта*. Это ярко проявилось в ходе Пленума ЦК КПСС 1957 года, когда военные во главе с маршалом Жуковым не допустили отстранения Хрущева от власти.

Либерализация режима имела серьезные экономические последствия. Ведь нерыночная огосударствленная экономика могла результативно работать только в условиях тотального страха перед репрессиями. Но невозможно гарантировать неприкосновенность жизни и свободы начальства, не ослабив репрессии против обычных граждан. И когда страх ушел, в экономике возникли новые проблемы^[5].

К 1965 году стало очевидно, что в советском народном хозяйстве не всё в порядке. Симптомом был переход от положения крупного нетто-экспортера зерна, которым долгие десятилетия была Россия, к положению нетто-импортера. Замедлились и темпы промышленного роста, измеряемые как по советской, так и по экспертной западной статистике (*рис. 4*).

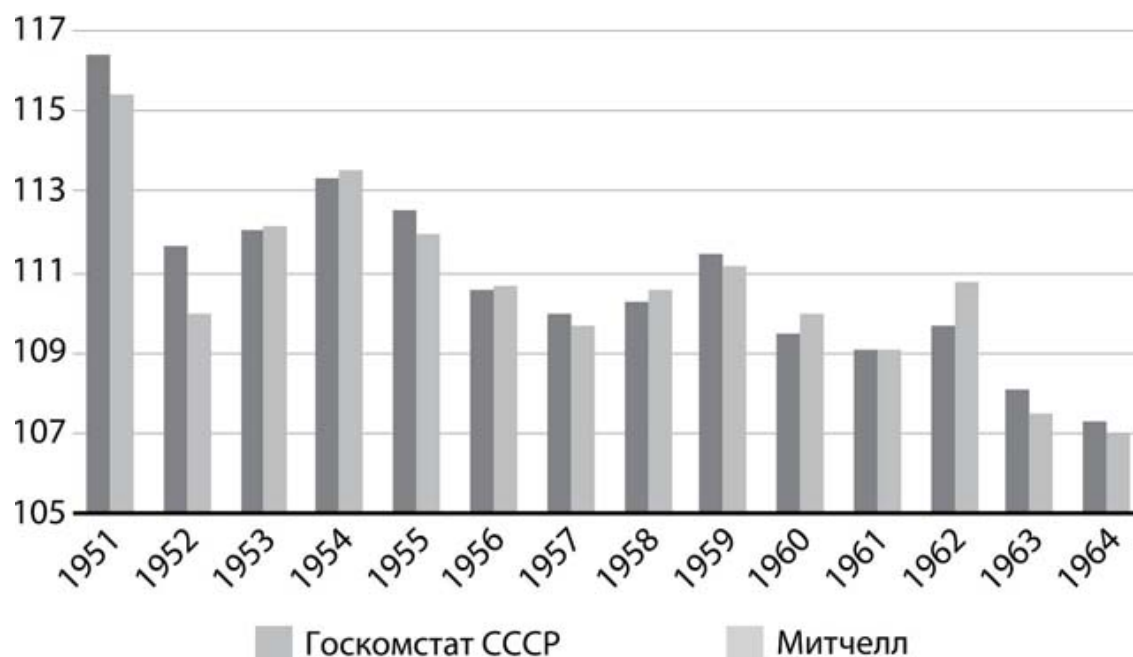


Рис. 4. Темпы роста промышленного производства в России в 1951–1964 годах, % к предыдущему году

Источники: Народное хозяйство СССР. Стат. сборник. М.: Статистика. Разные годы; Mitchell B. R. *International Historical Statistics. Europe 1750–1993*, 4th edition. P. 424; Moorsteen R. and Powell R.P. *The Soviet Capital Stock, 1928–1962* (Homewood, III, 1966).

Было очевидно, что с системой управления советской экономикой надо что-то делать. Отсюда в 1965–1968 годах возникла новая историческая развилка, которая свелась к **выбору стратегии и арсенала реформ**.

Суть реформ, предложенных председателем правительства А. Косыгиным, была в наборе осторожных мер по увеличению роли рыночных механизмов в экономике. При всей ограниченности этих реформ результаты оказались впечатляющими. Пятилетка 1966–1970 годов была одной из самых успешных в позднесоветский период (рис. 5).

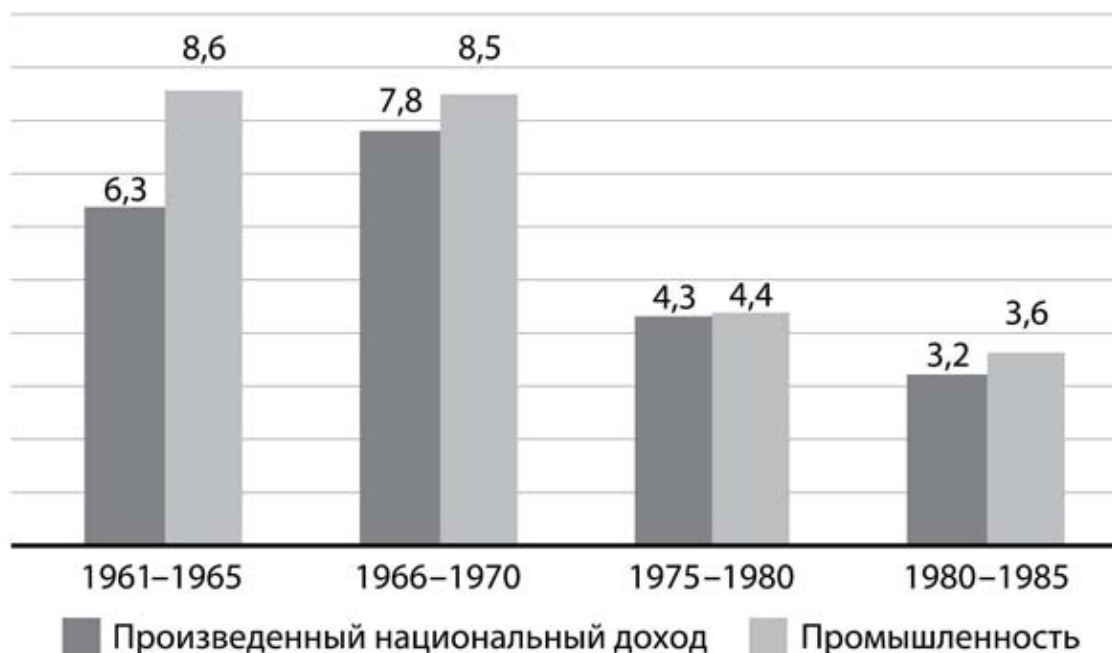


Рис. 5. Среднегодовые темпы прироста национального дохода и промышленного производства в СССР в 1961–1985 годах, %

Источник: Народное хозяйство СССР. Стат. сборник. М.: Статистика. Разные годы.

Даже ограниченные меры по усилению связи прибыли с возможностями предприятий увеличивать инвестиции, по расширению права стимулировать работников при успешных результатах деятельности дали результаты.

На эту развилку наложилась другая: **что делать с Восточной Европой?**

Этот регион, господство над которым Советского Союза стало результатом Второй мировой войны, был тесно интегрирован в европейскую цивилизацию. Он был более развит в экономическом отношении, чем СССР. Однако после событий в Восточной Германии 1953 года и Венгрии 1956 года стало ясно, что СССР готов применить силу, чтобы сохранить свой контроль над восточноевропейскими странами. Но признаки либерализации режима в Советском Союзе дали гражданам этих стран надежду, что и у них возможны либерализация политического режима и даже рыночные реформы.

В Венгрии либерализация режима произошла после событий 1956 года, а в 1967 году уже обсуждалась программа ограниченных рыночных реформ. Поэтому было вполне естественно, что в соседней

Чехословакии новые власти попытались сочетать рыночные реформы и политическую либерализацию. Однако советское руководство видело за этим сценарий развития событий, при котором НАТО станет контролировать Чехословакию и получит возможность нарушить взаимодействие советских войск в Венгрии, Польше и Восточной Германии. Принять такую перспективу оно не могло. К тому же режим в социалистической стране, выбравшей альтернативный путь развития, сочетающий демократию и рыночную экономику, для советского руководства был неприемлем. Как итог — решение о вводе советских войск в Чехословакию.

Внешняя и внутренняя политики взаимосвязаны. Ввод войск в Чехословакию оказал влияние на происходившее в самом СССР. Партийное руководство укрепились в убеждении, что все эксперименты с либерализацией режима, рыночными реформами опасны, могут привести к утрате власти. Экономические реформы, начатые в середине 1960-х годов, были свернуты. В то же время открытие крупных нефтяных месторождений в Западной Сибири позволяло компенсировать потери, связанные с неэффективностью сельского хозяйства и вынужденным массовым импортом продовольствия.

1985–1991 годы

К началу 1980-х годов советская экономика стагнировала (рис. 6). Страна стала одним из крупнейших импортеров сельскохозяйственной продукции (рис. 7).

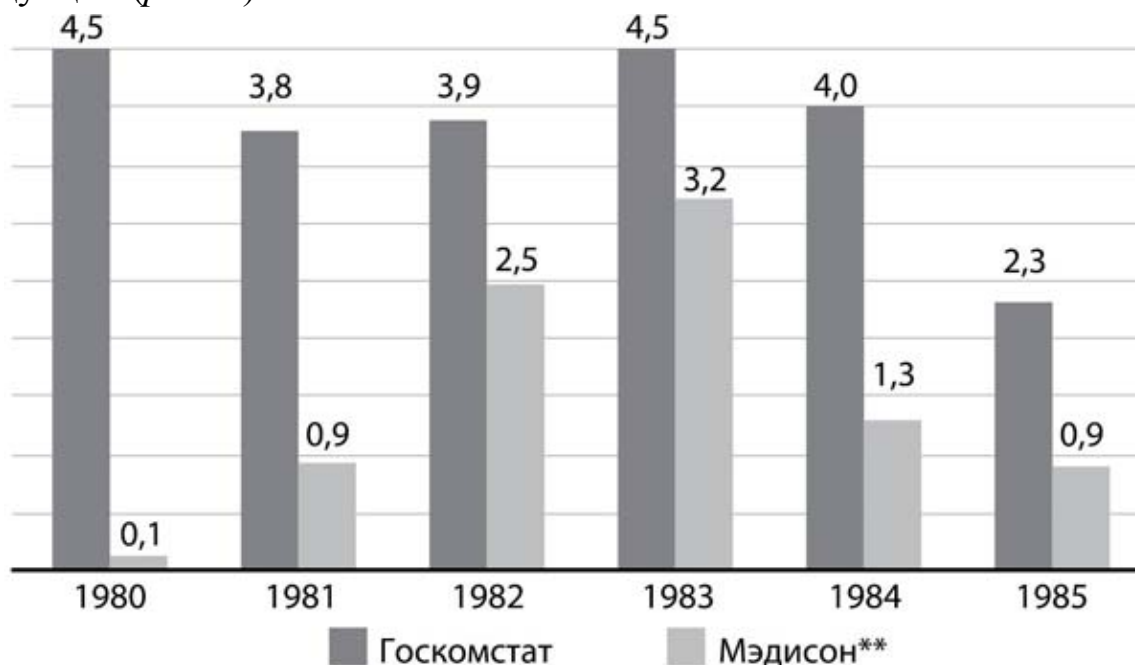


Рис. 6. Темпы роста валового национального продукта СССР* в 1980–1985 годах, % к предыдущему году

* Темпы прироста ВВП СССР.

** Рассчитано на основе объемов ВВП СССР в международных долларах 1990 года (Geary-Khamis dollars).

Примечание. По данным Г. Офера, среднегодовой темп роста ВВП СССР за 1980–1985 годы составил 2 %.

Источники: Народное хозяйство СССР в 1988 году. Стат. сборник. М.: Финансы и статистика, 1989; Maddison's Historical Statistics (длинные исторические ряды). — <http://www.ggdcc.net/maddison/>; Ofer G. Soviet Economic Growth. 1928–1985 // Journal of Economic Literature Vol. 25, № 4, pp. 1767–1833. — <http://www.jstor.org/stable/pdfplus/2726445.pdf>

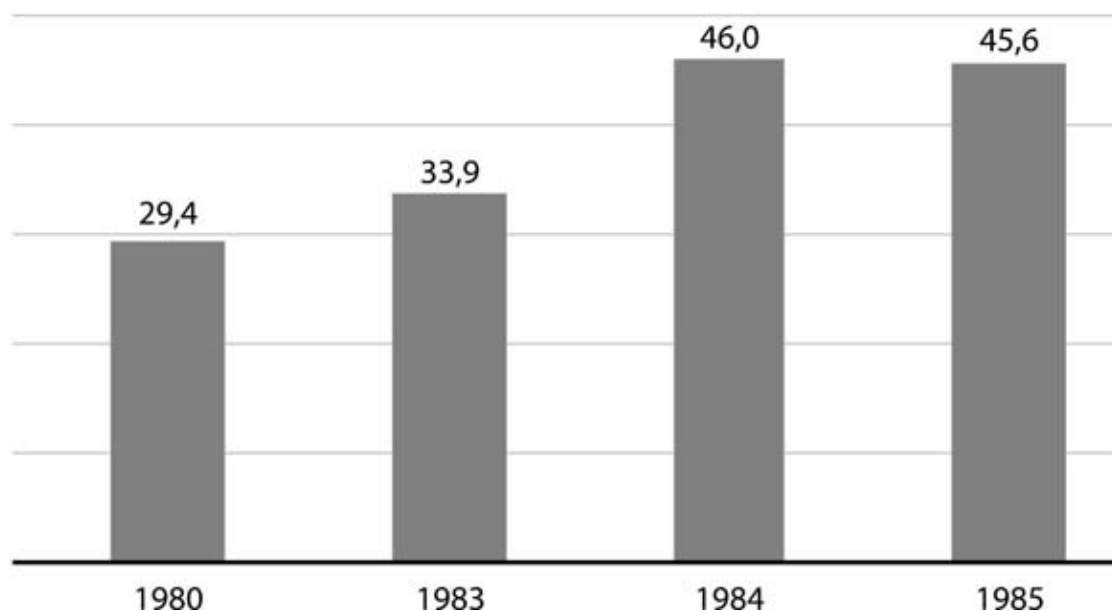


Рис. 7. Импорт зерна в СССР в 1980–1985 годах, млн тонн*

** Данные по импорту зерна в 1981–1982 годах отсутствуют.*

Источник: Социалистические страны и страны капитализма в 1986 году. Стат. сборник. М.: Статистика, 1987.

Было очевидно, что экономика утратила динамизм. Политбюро ЦК КПСС сформировало Комиссию по совершенствованию управления народным хозяйством во главе с председателем правительства Н. Тихоновым. Перед ней стояла задача разработать меры, способные восстановить темпы экономического развития. Политический режим был не слишком популярен, но устойчив. Был шанс, что меры, которые он предложит и навяжет обществу, будут приняты без серьезного сопротивления.

Руководителем Научной секции Комиссии был назначен Д. Гвишиани — зять бывшего премьер-министра А. Косыгина, заместитель председателя Комитета по науке и технике. В секцию вошли руководители основных экономических институтов СССР. Гвишиани представил руководству страны программу осторожных экономических реформ.

К этому времени выйти на китайский путь развития было уже невозможно. Иной была и структура занятости, и доля сельского населения. Рассматривалась другая альтернатива — проведение экономических реформ, сходных с осуществленными в Югославии и Венгрии. Руководство экономического блока Секретариата КПСС,

рассмотрев представленные материалы, заявило Д. Гвишиани, что такая экономическая политика выходит за пределы политических реалий, что на деле речь идет о введении в СССР рыночного социализма (хотя в тексте этот термин не употреблялся), а это неприемлемо по идеологическим соображениям^[6]. Отметим, что разговор этот состоялся до резкого падения цен на нефть, нефтепродукты и газ — важнейшие экспортные продукты нашей страны, то есть до начала острого и глубокого экономического кризиса в СССР.

К середине 1980-х годов СССР стал одним из крупнейших импортеров зерна. Вследствие низкой эффективности колхозного сельского хозяйства снабжение городов продовольствием зависело от поставок зерна по импорту. За импортное зерно СССР расплачивался экспортом нефти, нефтепродуктов, газа и металлов. Возможности экспортировать изделия обрабатывающей промышленности из-за невысокого качества продукции были крайне ограничены. Но в период между августом 1985 года и маем 1986 года цены на нефть снизились вдвое (рис. 8), доходы от экспорта нефти резко упали.

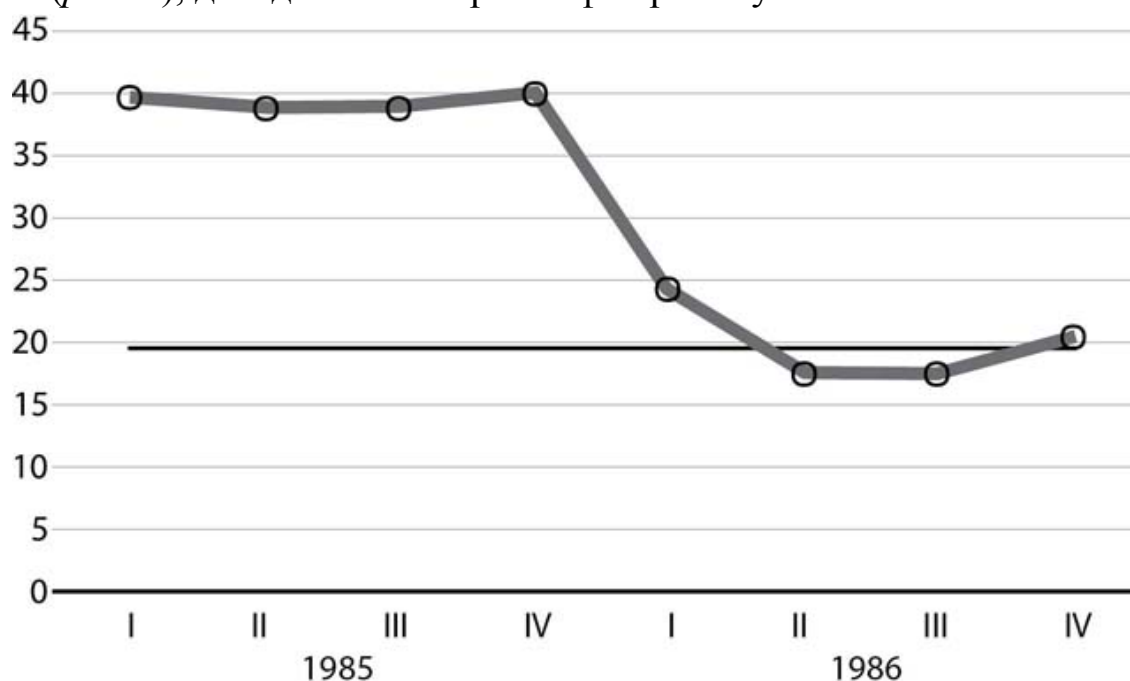


Рис. 8. Поквартальная динамика цены на нефть в 1985–1986 годах на фоне среднего исторического уровня (цены приведены к постоянному уровню 2000 года), доллары за баррель

Источник: *International Financial Statistics*, 2004.

Советское руководство оказалось на развилке: **как реагировать на резко изменившуюся внешнеэкономическую, финансовую ситуацию?**

Первый вариант — резко повысить цены на продовольствие. Однако это означало нарушение неявного, неписаного договора власти и населения. Суть этого договора, сложившегося после отказа от массовых репрессий, состояла в том, что народ не спрашивает, почему вы находитесь у власти, хотя мы вас никогда не выбирали, а власть гарантирует народу стабильность условий жизни, один из элементов которой — стабильность цен на важнейшие продукты потребления.

Второй вариант — сократить расходы на производство вооружений, на содержание армии и инвестиции. Этот путь означал неизбежный конфликт с силовыми структурами и хозяйственной элитой, а также рост социальных проблем в моногородах.

Третий вариант — прекратить поставки нефти и нефтепродуктов в Восточную Европу по бартерным контрактам, переадресовать их в страны, способные платить за нефть и нефтепродукты конвертируемой валютой. Но это означало роспуск восточноевропейской части советской империи, отказ от результатов Второй мировой войны.

Четвертый путь — не делать ничего, брать кредиты на Западе, сохранить сложившуюся структуру импорта, надеяться, что цены на сырьевые товары вновь поднимутся. Он и был выбран, результат известен (*рис. 9 и рис. 10*).

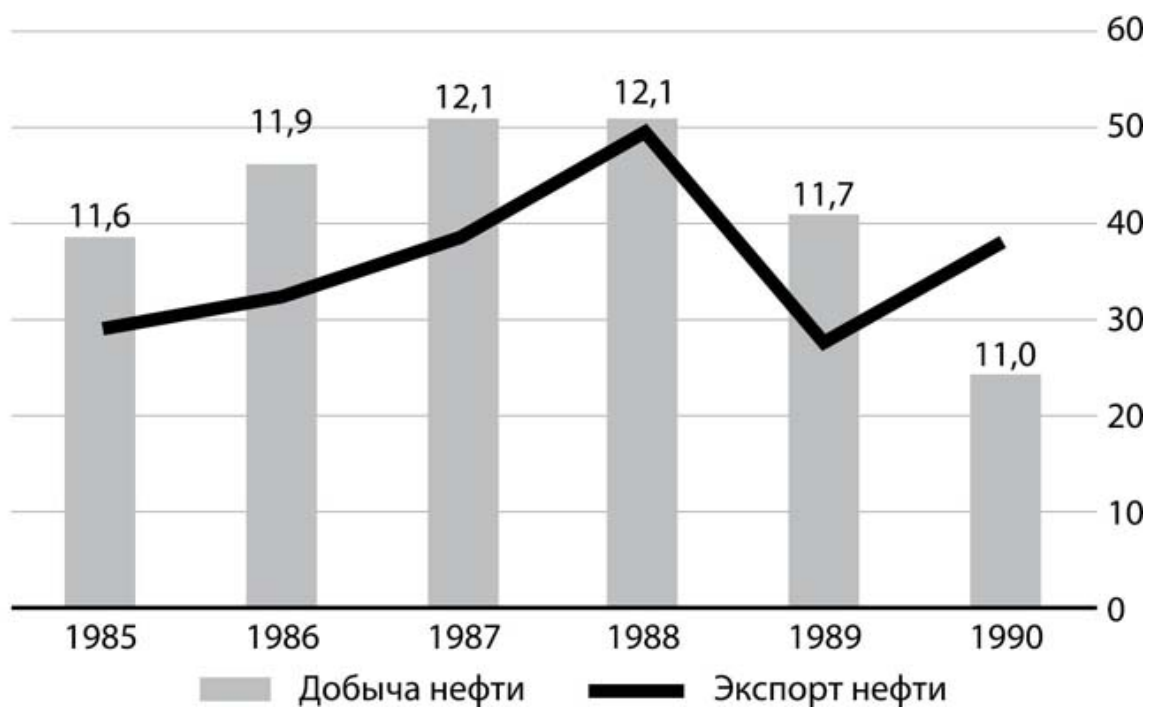


Рис. 9. Добыча нефти в СССР (млн баррелей в день) и экспорт сырой нефти из СССР на свободную конвертируемую валюту (млн тонн, правая шкала) в 1985–1990 годах

Источники: US energy department; Народное хозяйство СССР в 1990 году. Стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1991. С. 646.

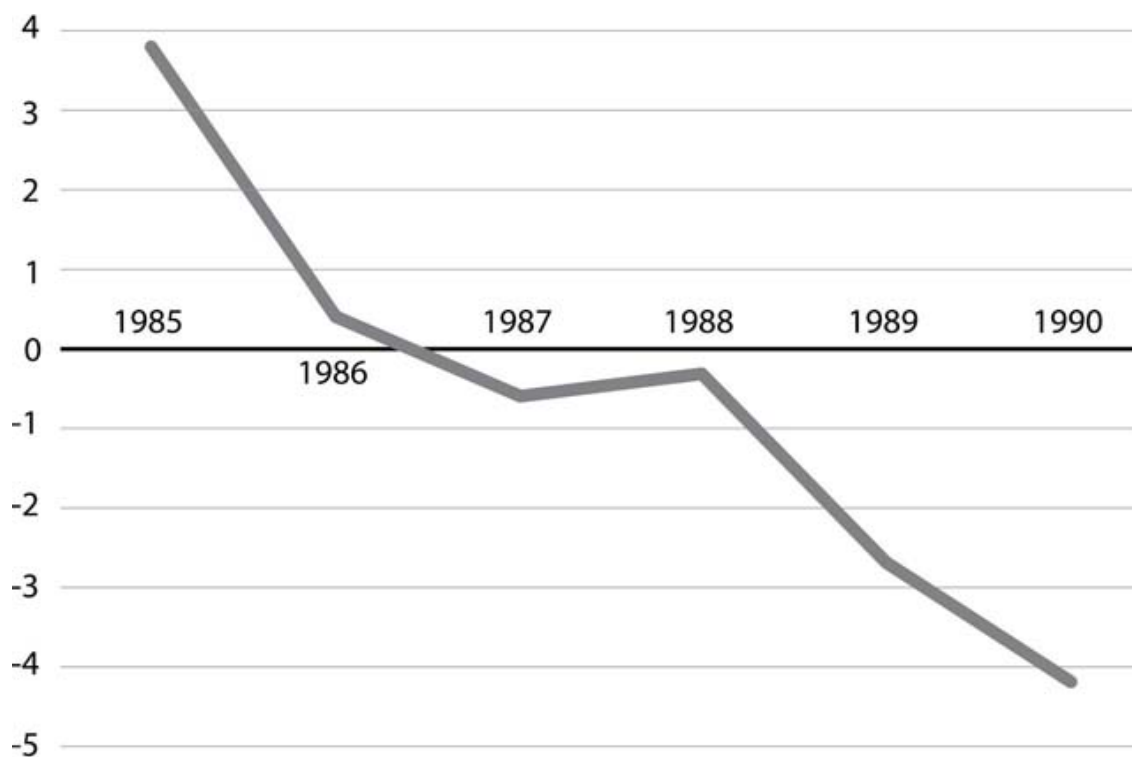


Рис. 10. Темпы прироста промышленного производства СССР в 1985–1990 годах, % к предыдущему году

Источник: Народное хозяйство СССР. Стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1995, 1988, 1990.

К 1988–1989 годам стало ясно, что возможность привлечения коммерческих кредитов с западных финансовых рынков сократилась. Затем их вовсе перестали предоставлять. Это сделало острый экономический кризис советской экономики неизбежным.

С этим связана еще одна развилка конца 1980-х годов: **политическая либерализация или ужесточение режима?**

Если невозможно сохранить условия действовавшего на протяжении десятилетий неявного договора, то, в надежде договориться с обществом, можно смягчить политический режим. Или, напротив, идти на ужесточение репрессий, что означало обострение конфликта с Западом, полную потерю шансов на получение западных государственных кредитов. К тому же такая политика могла спровоцировать развитие событий по образцу начала 1917 года в России. Однако политическая либерализация на фоне экономического кризиса создавала серьезные риски устойчивости режима.

Был избран вариант либерализации. Вероятно, повлияло то, что Г. Плеханов назвал «ролью личности в истории»^[7]. М. Горбачев не хотел крови и репрессий.

Углублявшийся экономический кризис, протекавший на фоне либерализации режима и первых относительно свободных, хотя и манипулируемых выборов 1989 года, требовал проведения глубоких экономических реформ, менявших саму суть сложившейся системы управления народным хозяйством.

* * *

К концу 1980-х годов в стране в более или менее структурированном виде были представлены три идеологические платформы. *Первая* требовала навести порядок «по-сталински», посредством жестоких репрессий. *Вторая* сводилась к тезису: «Ленин — хороший, Сталин — плохой». При этом ленинский «военный коммунизм» 1918–1920 годов рассматривался как вынужденный, а поворот к НЭПу — как «подлинно ленинский» курс. На этой платформе вырастал «социализм с человеческим лицом», рыночный социализм. *Третья платформа* — капитализм, путь развития, основанный на частной собственности, рынке и демократии.

Эти платформы определяли, наряду с политической, и новую экономическую развилку: **каким образом реформировать вошедшую в кризис экономическую систему социализма?**

Каждая платформа имела свою историю. За *сталинской идеологией* стояли 70 лет тотального промывания мозгов с «железным занавесом», намертво закрывшим страну от мира. Сталинисты были не только в ЦК КПСС, КГБ и военно-промышленном комплексе. С середины 1980-х годов портрет Сталина можно было увидеть на лобовых стеклах многих автомашин. В политическом раскладе сил у сталинистов были серьезные позиции, что показал путч ГКЧП в 1991 году. Однако такая экономическая логика противоречила бы выбранному М. Горбачевым политическому вектору, ориентированному на «гласность и перестройку». Попытка развернуть экономику назад на фоне движения политики вперед была бы слишком противоречивой в это время.

Вместе с тем, еще со времен чехословацких событий 1968 года в СССР идеология рыночного социализма ушла в полуподполье.

Однако лучшие интеллектуалы советской экономической науки (А. Аганбегян, Т. Заславская, С. Шаталин, Г. Попов, Н. Петраков, П. Бунич и многие другие) продолжали отстаивать идеи *рыночного социализма*. К середине 1980-х годов за этой идеологической платформой стояли 25 лет развития, симпатии большинства интеллигенции, определенный авторитет части партийных и правительственных кругов.

В ее рамках развивались идеи, частично реализованные в ходе косыгинских реформ середины 1960-х годов, а также содержащиеся в предложениях Комиссии по совершенствованию управления народным хозяйством под руководством Гвишиани, отвергнутые партийной верхушкой в 1985 году. Суть их была направлена на укрепление хозяйственной самостоятельности государственных предприятий, расширение прав трудовых коллективов, осторожное реформирование в области прав собственности — введение аренды и разрешение создавать кооперативы.

Именно эти идеи начали реализовываться: в 1987–1989 годах парадигма рыночного социализма проявилась в законах «О государственном предприятии (объединении)» и «О кооперации», «Об аренде». Все эти меры были половинчатыми: расширение прав государственных предприятий не отменяло плановые задания и не предоставляло им реальной свободы в ценообразовании, официальный «плюрализм форм собственности» не давал подлинного старта формированию в стране института частной собственности. Даже сам термин «рыночный социализм» фактически был под запретом до конца 1980-х годов.

Половинчатость этих реформ была опасна еще и тем, что они не подкреплялись мерами по финансовой стабилизации. Напротив, безудержная денежная эмиссия при сохранении регулирования цен на продукцию госпредприятий и фактическом выходе из-под контроля кооперативного сектора порождала колоссальные диспропорции, разрушавшие экономику страны.

Текущие противоречия и трудности в реализации в СССР концепции «рыночного социализма» дополнялись не менее острыми стратегическими: как обеспечить достаточный уровень и эффективность инвестиций? С этой проблемой столкнулась Югославия, чья рыночная экономика была основана, по сути, на

кооперативной собственности. Аналогичные проблемы возникали у производственных кооперативов по всему миру. Везде собственники, они же — работники предприятия, предпочитали голосовать за увеличение расценок и рост заработной платы, а не за снижение себестоимости и направление дохода или прибыли на инвестиции. Они предпочитали потреблять сегодня, нежели вкладывать деньги в новые технологии, которые окупятся лишь через несколько лет, то есть объективно выступали против модернизации предприятий. В рамках социализма, даже рыночного, это противоречие оказалось неразрешимым.

Половинчатость и противоречивость «рыночного социализма» становилась все более очевидной к концу 1980-х годов. И хотя в официальной экономической науке и в печати по-прежнему действовало табу на открытое обсуждение этих проблем, в закрытом, а потом полуоткрытом режиме обсуждались десятки программ, преодолевавших ограничения «рыночного социализма». В них разнятся детали, последовательность действий, но суть одна: необходима легализация частной собственности, приватизация государственного имущества, либерализация цен и восстановление рыночных механизмов, интеграция страны в мировую экономику, введение конвертируемости рубля, финансовая стабилизация и демонополизация экономики.

Уникальность политического момента была в том, что, по опросам ВЦИОМ, большинство россиян, на фоне разрушавшейся на глазах отечественной экономики, в 1991 году было готово поддержать все эти меры, кроме либерализации цен (*табл. 1*). Однако без нее любая программа рыночных реформ обречена на неудачу. Руководство СССР это понимало, но, опасаясь социального взрыва, не решалось на либерализацию цен.

Таблица 1

Вопрос: «Поддерживаете Вы или не поддерживаете следующие меры российского руководства?» Ответы в % к числу опрошенных

Меры	Поддерживают	Не поддерживают	Затруднились ответить
Ускоренная приватизация (передача в частные руки) жилья	64	17	19
Ускоренная приватизация (передача в частные руки) государственных предприятий	44	34	22
Разрешение свободной купли и продажи земли	54	30	16
Переход к свободным рыночным ценам (либерализация цен)	26	56	18

Источник: Шпилько С. П., Хахулина Л. А., Куприянова З. В., Бодрова В. В., Зубова Л. Г., Ковалева Н. П., Красильникова М. Д., Авдеенко Т. В. Оценка населением социально-экономической ситуации в стране (по результатам социологических опросов 1991 года). Научный доклад. М.: ВЦИОМ, 1991. С. 8.

Отсюда череда ничем не закончившихся программ экономических реформ. Критической точкой стало лето — начало осени 1990 года, дискуссия вокруг программы «500 дней». Для условий жесткого экономического кризиса в ней было слишком много политики и популизма^[8]. Однако при этом обозначались основные действия, необходимые для стабилизации экономики и изменения экономической системы — приватизация, финансовая стабилизация, либерализация цен, демонополизация, интеграция в глобальную экономику. Программа создавала базу политического взаимодействия главы государства, президента СССР М. Горбачева и харизматического политика, наиболее популярного, по меньшей мере, в России, председателя Верховного Совета РСФСР Б. Ельцина.

На наш взгляд, это был последний шанс провести упорядоченные реформы в Советском Союзе, возможно, сохранив страну. Но большая часть партийно-хозяйственной элиты была против «500 дней». В представленном виде эта программа не имела шансов на реализацию, поскольку включала такие положения, как необходимость резкого снижения бюджетных расходов на оборонный комплекс^[9]. Как следствие — странные военные учения под Москвой осенью 1990 года^[10].

Именно после них Горбачев отказался от поддержки программы экономических реформ. Это предопределило дальнейшее развитие событий^[11]. С этого момента они стали развиваться в калейдоскопическом темпе, а экономическая реформа, по сути, ушла на второй план, несмотря на разворачивавшееся разрушение экономического механизма. Вплоть до августа 1991 года ее заменили сложные политические маневры, а иногда — просто метания лидеров СССР на фоне нараставшей угрозы военного переворота.

Отказавшись от поддержки курса на управляемые рыночные реформы, Горбачев был вынужден сделать выбор в пользу ужесточения политических репрессий. Это наглядно показали события в Прибалтике в январе 1991 года. Советские газеты так описывали то, что происходило в Литве: «7 января в Литву были брошены десантные подразделения. 8 января десантники начали действовать. По выражению комментатора программы „Время“, они „взяли под охрану“ Дом печати и несколько других объектов в городе. Дом печати брали под охрану с применением огнестрельного оружия. Есть раненые. Сообщение с Литвой прекращено. Не работает аэропорт, не ходят поезда. <...> 11 января председатель Гостелерадио Леонид Кравченко распорядился отключить информационные каналы крупного независимого агентства новостей „Интерфакс“, услугами которого пользовались многие западные журналисты в Москве»^[12].

Заведующий Отделом национальной политики ЦК КПСС В. Михайлов 11 января 1991 года информировал руководство ЦК КПСС о происходившем в Литве: «По сообщению ответственных работников ЦК КПСС (т.т. Казюлин, Удовиченко), находящихся в Литве, 11 января с.г. в г. Вильнюсе взяты под контроль десантников здания Дома печати и ДОСААФ (в нем размещался департамент охраны края), в г. Каунасе — здание офицерских курсов. Эта операция прошла в целом без сильных столкновений»^[13].

Действия силовых структур СССР встретили энергичное сопротивление. Парламенты России, Украины, Белоруссии, Казахстана, Моссовет и Ленсовет осудили произошедшее в Литве. Стачкомы Кузбасса потребовали отставки президента СССР, роспуска Съезда народных депутатов. Запад, несмотря на кувейтский кризис, сделал жесткие заявления, адресованные советскому руководству.

Лучше всего сложившееся положение определил М. Горбачев, сказав на сессии союзного парламента: «Дело пахнет керосином»^[14].

Ю. Щекочихин так описывал комментарии властей, посвященные событиям в Вильнюсе: «Еще не утвержденный министром МВД СССР Б. К. Пуго не смог толком объяснить депутатам, что это за всевластный „комитет национального спасения“, который способен вывести на улицы Вильнюса танки, а объяснение министра обороны СССР Д. Т. Язова ничего, кроме оторопи, не вызвало. Сославшись на то, что он сам всех деталей не знает (так как, по его словам, „не был на месте происшествия“) и никакого приказа для танково-десантной атаки не отдавал, он выдвинул свою версию вильнюсской трагедии. Она заключается в следующем: когда избитые возле парламента члены „комитета национального спасения“ пришли к начальнику Вильнюсского гарнизона, то их вид так подействовал на генерала, что он отдал приказ захватить телецентр, который непрерывно транслировал „антисоветские передачи“. То есть по объяснению маршала Язова, кровавая трагедия у телецентра была вызвана эмоциональным порывом одного отдельно взятого генерала! <...> И если трагедия в Вильнюсе вызвана действиями одного генерала, то их можно рассматривать как самодеятельный мятеж, за который — как во всяком цивилизованном обществе — военачальник должен быть наказан по закону»^[15].

В это время один из ближайших соратников М. Горбачева, его помощник А. Черняев писал ему о своем видении происходившего: «На этот раз выбор таков: либо Вы говорите прямо, что не потерпите отпадения ни пяди от Советского Союза и употребите все средства, включая танки, чтобы этого не допустить. Либо Вы признаете, что произошло трагическое неконтролируемое из центра событие, что Вы осуждаете тех, кто применил силу и погубил людей, и привлекаете их к ответственности. В первом случае это означало бы, что Вы хороните все то, что было Вами сказано и сделано на протяжении пяти лет. Признаете, что сами Вы и страна оказались не готовы к революционному повороту на цивилизованный путь и что придется вести дела и обращаться с народом по-прежнему. Во втором случае дело еще можно было бы поправить во имя продолжения перестроечного курса. Хотя что-то необратимое уже произошло»^[16].

Ужесточению репрессий мешали экономические реалии. Чтобы прокормить города, нужно было импортировать зерно. Чтобы не остановились заводы, производство на которых зависит от импортных комплектующих, нужны были их поставки. А валюты не было. Шансы на то, что СССР мог получить государственные кредиты на Западе, при таком варианте развития событий отсутствовали.

Отсюда новая развилка: **продолжать курс на ужесточение политического режима и отказаться от любых реформ или вернуться на путь политических реформ в том виде, в котором он был обозначен по состоянию на лето 1990 года?**

М. Горбачев весной 1991 года выбрал второй вариант. Его ближайшее окружение — председатель Совета Министров СССР В. Павлов, председатель КГБ СССР В. Крючков, первый заместитель председателя Совета обороны СССР О. Бакланов, министр внутренних дел Б. Пуго, председатель Крестьянского Союза СССР В. Стародубцев, президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР А. Тизяков, министр обороны СССР Д. Язов, вице-президент СССР Г. Янаев — выбрало первый.

Кульминацией развития событий вокруг этой развилки стали 19–21 августа 1991 года. Сегодня часто пишут о том, что путч был опереточным, не имел шансов на успех. Так ли это? В распоряжении организаторов путча были войска, боевая техника, части специального назначения. Два года назад в Китае власти жестко, пролив немало крови, подавили массовые выступления в Пекине. Мало что в российской истории свидетельствовало о том, что такое не случится в Москве. Это была реальная развилка. Найдется ли у властей надежный полк, готовый выполнить приказ и задавить танками, перестрелять из пушек тех, кто собрался у Белого дома вечером 20 августа 1991 года? Ответа на этот вопрос не знал никто. Такого полка не нашлось. Развилка была пройдена. Коммунистический режим рухнул.

В те дни страна встала перед новой исторической развилкой: **что делать республиканским органам власти после того, как в мировой сверхдержаве реально исчезла центральная власть — пытаться сформировать новый союзный центр или каждому идти своим путем?**

Элита всех бывших союзных республик уверенно выбрала независимость. Через несколько дней после провала КГЧП большая часть союзных республик объявила о своей независимости. 24 августа 1991 года провозгласила свою независимость Украина. Тогда же Россия признала независимость Литвы, Латвии и Эстонии. 27 августа заявила о суверенитете Молдавия, 30 августа — Азербайджан, затем Армения, Узбекистан и Киргизия^[17].

28 августа вышел Указ Президиума Верховного Совета Украины о подчинении военных комиссариатов на территории Украины Министерству обороны республики^[18]. Председатель Верховного Совета Украины Л. Кравчук 29 августа вызвал к себе командующих всех военных округов, дислоцированных на Украине, и объявил им, что теперь они подчиняются украинским властям. Украина подчинила себе пограничные войска на своей территории. Таможенной пограничной границы между Россией и Украиной, Россией и Белоруссией, Россией и Казахстаном не было. Создать ее на всем протяжении в короткий срок было невозможно. Похожее происходило и в Прибалтике.

Центральные банки бывших союзных республик без согласия Госбанка СССР эмитировали безналичные деньги, которые затем легко обращались в наличные. Союзный бюджет практически лишился налоговых поступлений. После событий августа 1991 года у союзного руководства не было войск, которые бы выполнили его распоряжения. Такое государство существовать не может. Горбачев и руководители союзных республик заявили, что в создавшейся ситуации продолжение работы союзных органов власти невозможно. Съезд народных депутатов СССР принял решение о самороспуске^[19].

Хотя позиция республик по их независимости была вполне определенной, существовал выбор: **пытаться ценой компромиссов сохранить в той или иной форме фактически не существовавший Советский Союз или легально оформить его роспуск.**

Фоном для решения этого вопроса был углублявшийся экономический кризис. В стране не было ни зерна, ни валюты для его закупки^[20]. Ситуация с зерном становилась все более напряженной. Первый заместитель председателя Комитета СССР по закупкам продовольственных ресурсов В. Акулинин 6 сентября 1991 года писал

председателю Комитета по оперативному управлению народным хозяйством страны И. Силаеву и его заместителю Ю. Лужкову (6 сентября 1991 года): «В целях стимулирования заготовок зерна и масла семян в государственные ресурсы на 1991 год продлена практика закупки их у хозяйств на свободно конвертируемую валюту. Однако средства на указанные закупки не предусмотрены»^[21].

Он же — в Комитет по оперативному управлению народным хозяйством страны (27 сентября 1991 года): «Уважаемый Иван Степанович! Госкомпрод СССР ранее информировал Вас о критическом положении, сложившемся с ресурсами продовольственной пшеницы на мельзаводах... В настоящее время из-за неудовлетворительного поступления зерна по импорту положение со снабжением хлебопродуктами может резко ухудшиться. <...> В связи с этим просим Вас поручить Минэкономики СССР, МВЭС СССР и Внешэкономбанку СССР: принять меры к поставке в страну в счет оформленных кредитов в сентябре — октябре с.г. не менее 1,2 млн тонн пшеницы; незамедлительно изыскать валютные источники и закупить за рубежом дополнительно с поставкой в страну до 1 ноября 1991 года не менее 1 млн тонн продовольственной пшеницы»^[22].

Первый вариант — сохранение Союза при отсутствии действенных инструментов принуждения — это долгий поиск согласия между государствами, которые объявили себя независимыми по вопросам, где их интересы противоречат друг другу. В условиях углубляющегося экономического кризиса это стратегия опасная и нереалистичная.

Второй вариант — признание свершившегося факта. Если Советского Союза нет, а восстанавливать его силой Россия не готова, то необходимо его мирно распустить, сосредоточить свои усилия на создании российской государственности. Именно это решение было принято в Беловежской Пуще и с более широким кругом участников подтверждено в Алма-Ате 21 декабря 1991 года^[23].

Еще одна опасная развилка, вставшая перед участниками переговоров по этим соглашениям: **ставить или нет вопрос о пересмотре границ между государствами, провозгласившими себя независимыми?**

По этой проблеме шла дискуссия в ходе переговоров в Беловежской Пуще. Б. Ельцин и Л. Кравчук обсуждали возможности

вывести вопрос о Крыме за рамки договоренностей, вернуться к нему позже. Для украинского руководства такое решение было неприемлемо. Кравчук, только что выигравший президентские выборы, не мог обсуждать вопросы территориальной целостности Украины.

Те, кто принимал решения, помнили об опыте Югославии. Они понимали, что пересмотр границ, сколь бы они ни были неразумны, — путь к войне. Участники переговоров сознавали и то, что сохранение неясно устроенных границ между республиками, изменявшихся иногда по прихоти одного человека, создаст серьезные проблемы, сделает миллионы российских граждан представителями национальных меньшинств в странах, где они живут десятилетиями. Это станет и для них, и для России серьезной и долгосрочной проблемой. Однако гражданская война по югославскому сценарию в стране, обладающей ядерным оружием, стоила бы и России, и миру дороже.

Суть компромисса, не прописанного явно на бумаге, но в целом реализованного, была проста: мы не предъявляем территориальных претензий, признаем существующие границы бывших союзных республик, не поднимаем вопросы ни о Северном Казахстане, ни о Восточной Украине. Однако наши партнеры передадут России находящееся на их территории ядерное оружие. Не сразу, с дополнительными усилиями и с помощью США, не заинтересованных в возникновении новых ядерных государств, этот компромисс был реализован к осени 1996 года.

Договоренности, достигнутые в Белоруссии 8 декабря 1991 года и подтвержденные 21 декабря в Алма-Ате, сделали возможным подписание 30 декабря соглашения по стратегическим ядерным силам. В нем были зафиксированы обязательства государств-участников содействовать ликвидации ядерного оружия на Украине, в Белоруссии и Казахстане, установлено, что к 1 июля 1992 года эти республики обеспечат вывоз тактического ядерного оружия на центральные предзаводские базы для его разукomплектования под совместным контролем. Было оговорено, что стороны не видят препятствий перемещению ядерного оружия с территории Белоруссии, Казахстана и Украины на территорию РСФСР^[24].

1992–1993 годы

В декабре 1991 года роспуск СССР был поддержан Верховным Советом РСФСР^[25]. Это было предпосылкой стабилизации положения, ухода от угрозы гражданской войны, но не снимало фундаментальных экономических проблем. Страна по-прежнему была банкротом, валютные резервы оказывались близки к нулю. Денег не хватало не только на закупку зерна, но даже на оплату фрахта судов для доставки тех его объемов, которые удавалось получить в счет зарубежных государственных кредитов. Запасов зерна по оптимистичным прогнозам хватало примерно до февраля — марта 1992 года^[26].

Поэтому перед российским руководством встала важнейшая историческая развилка: **обеспечить снабжение продовольствием городов — силой или материальной заинтересованностью? Отобрать у колхозов хлеб, сохранив государственные цены, или, напротив, либерализовать цены, сделав для колхозов продажу хлеба государству выгодной?**

Отобрать хлеб силой — значит, пойти по пути, выбранному царским правительством в 1915–1916 годах в условиях острого кризиса зернового снабжения городов и армии. Этот путь в 1917 году продолжили Временное правительство и затем с большей жесткостью правительство большевиков. Это путь продразверстки, который В. Ленин называл «героическим походом за хлебом с пулеметами»^[27]. Результаты его известны — отобрать хлеб не удалось (*рис. 11*).

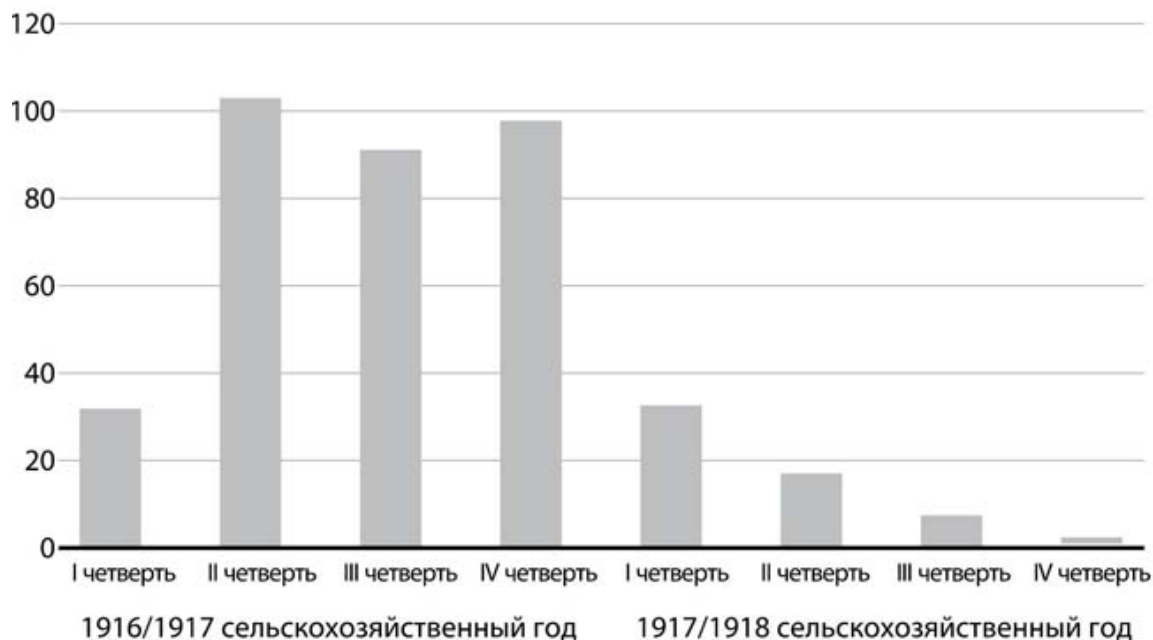


Рис. 11. Фактические заготовки зерна в 1916–1918 годах, млн пудов

Источник: Свидерский А. Четыре года продовольственной работы. Статьи и отчетные материалы. М.: Государственное изд-во, 1922. С. 130.

Выбор такого пути в 1991–1992 годах, при отсутствии надежных войск, неясности того, кому будет подчиняться милиция в районах, откуда вывозится хлеб, был авантюрой. Он всерьез даже не обсуждался. Все-таки сказалась разница интеллектуальной атмосферы, доминировавшей в 1910-х и в 1990-х годах. В 1910-х годах представление о благотворности государственного регулирования экономики было символом веры. Чтобы понять это, достаточно перечитать документы по продовольственному делу царского, Временного и большевистского правительств. В 1990-х годах, после того как опасность этатистских экспериментов в экономике стала очевидной, вера в целесообразность таких попыток снизилась.

Но если запасов зерна в крупных городах хватает до февраля — марта, урожай в России собирают, начиная с июля, валюты для закупки продовольствия за рубежом нет, то выход один — предложить селу цены, которые продавцы сочтут приемлемыми. А это значит пойти другим путем, путем либерализации цен, как это сделал В. Ленин весной 1921 года, когда столкнулся с политическим кризисом, вызванным параличом продовольственного снабжения городов.

К решению вопроса о либерализации цен руководство России подошло в ситуации отрицания значительной частью населения самой идеи перехода к свободным ценам, ожидания голода, роста недовольства.

Прохождение этой исторической развилки было политически сложным, но заданным. Однако технически реализовать вариант, позволявший избежать голода за счет либерализации цен в условиях постсоветского пространства, оказывалось непросто. Советская денежная система была устроена иначе, чем денежная система рыночных экономик. Ее основу составили так называемые межфилиальные обороты. В СССР было не важно, какое учреждение общесоюзной банковской системы и кому предоставит кредиты. Эти взаиморасчеты можно было уточнить к концу года, при необходимости списать накопленную задолженность. Такая система может работать только при жестком политическом контроле, когда ни одному из руководителей центральных банков союзных или автономных республик и в голову не придет без согласования с Госбанком СССР, без учета установленных им лимитов предоставить кредиты союзным республикам или областям.

Но сохранить такую систему в условиях политической либерализации и экономического кризиса невозможно. Центральные банки республик игнорировали указания Госбанка СССР, кредитовали республиканские правительства и крупные предприятия, имевшие возможность пролоббировать такие займы^[28].

Подобные примеры известны в экономической истории. Самый характерный — то, что произошло после краха Австро-Венгерской империи^[29]. В Венгрии и Австрии возникла гиперинфляция. Лишь Чехословакия избежала ее, введя свою валюту. Но тогда речь шла не более чем о трех государствах. На постсоветском пространстве их было пятнадцать. В такой ситуации наращивать денежную эмиссию было выгодно небольшим республикам в единой рублевой зоне. Это означало, что наибольшую опасность сохранение единой денежной системы представляло для России (*рис. 12*).



Рисунок 12. Доля России в промышленном производстве, национальном доходе, капитальных вложениях и экспорте СССР в 1990 году, %

Источники: Народное хозяйство РСФСР в 1990 году. Стат. ежегодник. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1991; Народное хозяйство СССР в 1990 году. Стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1991.

О том, как строились расчеты между бывшими союзными республиками по состоянию на лето 1992 года, можно увидеть на *рис. 13.*

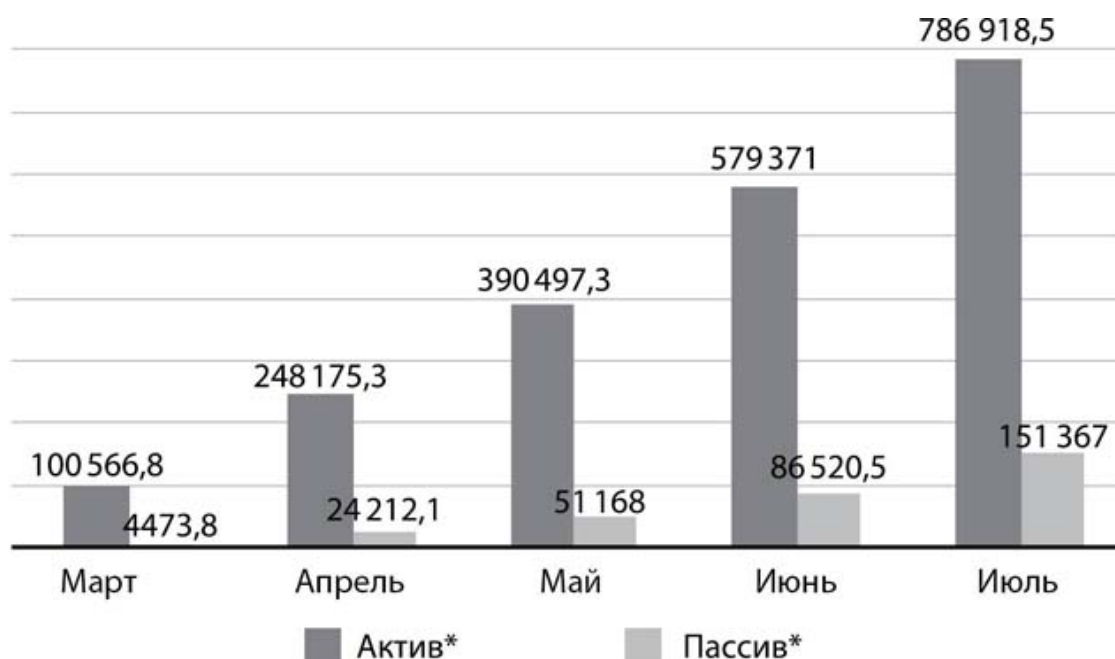


Рис. 13. Остатки по счетам стран СНГ в марте — июле 1992 года (по данным сводного баланса), млн рублей на 1-е число

* *Актив* — совокупность имущественных прав, которые принадлежат юридическому лицу в виде основных средств, неимущественных активов, финансовых вкладов, а также денежных требований к другим юридическим лицам. *Пассив* — совокупность всех обязательств (источников формирования средств) юридического лица. Содержит собственный капитал (уставный и акционерный), а также заемный капитал (кредиты, займы), сгруппированные по составу и срокам погашения.

Примечание. По состоянию на 1 июля 1992 года функционировало 1347 РКЦ, в которых было открыто 3698 субсчетов и корсчетов всем банкам в Российской Федерации.

Источник: Справки о состоянии расчетов. Архив Центробанка. Д. 5343. Август 1992 года. Л. 43–48.

Систему денежного обращения, как и банковскую систему, невозможно переделать за день. Но и объяснить людям, что хлеба с февраля — марта 1992 года до июля не будет, невозможно.

Отсюда еще одна историческая развилка: **либерализовать цены, не имея надежного контроля над денежным обращением, или отложить решение вопроса о либерализации до того, когда можно будет ввести российскую национальную валюту?**

Это было предметом обсуждений осенью 1991 года. Причем любое из этих решений было связано с немалыми рисками и не гарантировало успех. Первоначальный вариант, который был предложен и обсужден на заседании российского правительства в начале ноября 1991 года, состоял в том, чтобы с января 1992 года провести частичную либерализацию цен, позволявшую постепенно адаптировать экономику к изменившимся реалиям, с 1 июля 1992 года ввести российскую национальную валюту, перевести отношения с центральными банками государств, объявивших о своей независимости, на корреспондентские счета, либерализовать цены и ввести конвертируемость рубля по текущим операциям [\[30\]](#).

Но уже через две недели, проанализировав состояние продовольственного снабжения, мы пришли к убеждению, что этот вариант реализовать невозможно [\[31\]](#). Продовольственный кризис слишком глубок, шансов уйти от голода и связанных с ним катаклизмов до нового урожая нет. Тогда было принято решение о полномасштабной либерализации цен.

При реализации указа о либерализации цен правительство столкнулось с правовыми барьерами и особенностями менталитета советских граждан. Частная и любая иная несанкционированная властями торговая деятельность в советский период рассматривалась как предпринимательская, за занятие которой в УК РСФСР было предусмотрено суровое наказание. Многолетняя пропаганда сформировала представление о том, что торговля — это спекуляция, извлечение нетрудовых доходов. В результате имевшиеся и на предприятиях, и в семьях потребительские излишки не попадали на рынок, не снижалась острота товарного кризиса. Затруднена была и реализация в городах сельхозпродуктов, привозимых колхозниками из деревень.

В этих условиях группой ленинградских депутатов во главе с П. Филипповым и М. Киселевым был подготовлен и 29 января 1992 года подписан Б. Ельциным Указ Президента РФ «О свободе торговли», который оказал огромное влияние на развитие рыночных отношений в России. Он позволил миллионам россиян пережить тяжелые годы реформ, включившись в торгово-посредническую деятельность внутри страны и по импорту товаров из-за рубежа. Выбор варианта ускоренной либерализации цен и форсированного

снятия ограничений на торговлю предотвратил катастрофический сценарий на продовольственном рынке страны весной 1992 года. Однако в условиях разрушенного контроля над денежной эмиссией в стране за это пришлось заплатить очень высокую цену.

Одна из развилок этого периода — в последовательности реформ: **сначала приватизация, затем либерализация цен или наоборот?**

То, что эффективно функционирующий рынок предполагает наличие крупного сектора частной собственности, очевидно. Ясно и то, что частная собственность малоэффективна при отсутствии рынка. Это притча о курице и яйце: что должно быть раньше? В России вопрос был решен в пользу либерализации цен, создания рыночных механизмов интеграции в глобальный рынок, перехода к конвертируемости рубля и лишь затем к полномасштабной приватизации.

Либерализация цен — решение политически тяжелое, но технически легко исполнимое. Его необходимость, как описано выше, жестко диктовалась реалиями продовольственного снабжения в конце 1991 — начале 1992 года. Приватизация — технически сложный процесс, требующий создания законодательной базы и последующей разработки сотен отраслевых нормативных актов и конкретных решений по тысячам предприятий, затрагивающий миллионы занятых. Именно поэтому даже с технологической точки зрения запуск либерализации цен после приватизации означал бы ее отсрочку на 2–3 года, что было неприемлемо для продовольственного снабжения в стране.

В советских реалиях конца 1980-х — начала 1990-х годов в приватизации были заинтересованы прежде всего чиновники, то есть номенклатура. Эта социальная группа первой осознала перспективы и преимущества частной собственности. А поскольку именно у нее были реальные рычаги управления, она стала ими пользоваться для овладения собственностью. Это явление получило название стихийной или «номенклатурной приватизации».

Номенклатурная приватизация использовала разнообразные финансово-юридические технологии, самая «честная» из которых — аренда с выкупом. Директор крупного предприятия, как частное лицо, учреждал товарищество с уставным капиталом в пару сотен рублей, сдавал ему в аренду активы предприятия с правом выкупа по

балансовой стоимости, то есть за копейки. Далее оформлялся выкуп в строгом соответствии с договором и действующим законодательством.

Перед правительством стояла срочная задача ввести уже идущую незаконную и неуправляемую приватизацию в цивилизованные рамки. При этом реализовать можно было только такие методы приватизации, которые вписывались в существовавший расклад политических сил, соответствовали балансу интересов разных социальных групп. Административный ресурс принуждения к исполнению нормативных актов, принятых органами федеральной власти, в то время был близок к нулю. Надо было не издавать указы и постановления, которые верны по существу, но не будут исполняться, а выстроить реализуемую концепцию приватизации, не упуская при этом главной цели — формирования института частной собственности в России.

Поэтому, выбирая во всех развилках в приватизации, надо было учитывать, что, с одной стороны, «номенклатурная» неуправляемая приватизация к началу 1992 года уже разворачивалась полным ходом, с другой — возможности воздействия на ситуацию со стороны правительства были крайне ограничены. Это означает, что реальное окно возможностей вариантов приватизации было крайне узким. К сожалению, в большинстве всех последующих дискуссий о ходе приватизации эта простая истина не учитывается.

Важнейшая развилка того времени — **выбор между массовой бесплатной приватизацией и приватизацией за деньги.**

Концепция бесплатной ваучерной приватизации была предложена В. Найшулем еще в 1987 году. Она была воспринята авторами настоящей книги как слишком простая для решения сверхсложной задачи. В 1987 году авторы критиковали эту концепцию за то, что она не делает разницы между гигантами химической промышленности, пищевыми фабриками и нефтедобывающими предприятиями, не учитывает реальное состояние основных фондов, а значит — неизбежно породит миллионы обиженных и недовольных.

Приватизация за деньги в сравнении с бесплатной имела неоспоримые преимущества. Она не только позволяла быстрее передать предприятия в руки эффективных собственников, но и помогала сократить дефицит государственного бюджета. Вырученные средства могли пойти на выплату зарплат бюджетникам, на помощь социально незащищенным гражданам. Опираясь на эти аргументы,

удалось практически немедленно — менее через два месяца после прихода нового правительства — сформировать необходимую законодательную базу и запустить денежную приватизацию с начала 1992 года в сфере розничной торговли и предприятий бытового обслуживания. Лишь на этой небольшой части государственной и муниципальной собственности тогда можно было реализовать эту более последовательную и эффективную схему приватизации. Несмотря на бешеное сопротивление элиты советской торговли на федеральном уровне и в регионах, эту программу удалось осуществить в полном объеме.

Но уже весной 1992 года стало понятно, что в тех конкретных исторических условиях применительно к крупной промышленности денежные схемы приватизации, пусть и более эффективные, не вписываются в политическое окно возможностей. «Большую приватизацию» можно было разворачивать тогда только как бесплатную, ваучерную. Самый простой аргумент сводился к тому, что у граждан не было денег в объемах, сопоставимых с совокупной стоимостью всей государственной собственности. Нельзя было не учитывать и политические ограничения — Верховный Совет РСФСР все более смещался на коммунистические позиции, идея бесплатной приватизации пользовалась популярностью среди населения.

Принцип бесплатного раздела государственной собственности между всеми россиянами к тому времени уже был заложен и в законы «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР» и «Об именных приватизационных счетах (вкладах)», принятые в июле 1991 года Верховным Советом РСФСР по предложению председателя подкомитета по приватизации П. Филиппова. Российский парламент, избранный в процессе первых свободных альтернативных выборов, отражал настроения электората. Возможно, поэтому и среди его «демократических» фракций популярностью пользовался лозунг бесплатной приватизации. Даже фракции коммунистов и промышленников в тот момент также поддерживали ваучерную приватизацию.

Поэтому историческая развилка по «большой приватизации» к лету 1992 года выглядела так: **или законодательно упорядоченная бесплатная приватизация, или потеря контроля государства за разворачивающейся «номенклатурной» приватизацией.**

В этой логике и строилась «большая приватизация» — начавшееся с осени 1992 года массовое преобразование средних и крупных государственных предприятий в акционерные общества и продажа их акций в частную собственность в обмен на специально созданные средства платежа — приватизационные чеки (ваучеры).

Было нереально рассчитывать на то, что в ходе бесплатной приватизации предприятия сразу перейдут в руки эффективных собственников. Но в нее были заложены такие решения, которые рано или поздно должны были к этому привести. Так и произошло: сегодня практически не осталось собственников, не способных управлять своими активами или привлечь для этого профессионалов. Для достижения этого результата важнейшее значение имело правильное прохождение двух развилок.

Первая развилка сводилась к выбору: **наличные приватизационные чеки (ваучеры) или безналичные именные приватизационные счета (вклады)?**

В соответствии с упомянутым приватизационным законодательством 1991 года каждому гражданину страны в Сбербанке предполагалось открыть именной приватизационный счет (вклад), который нельзя было ни передать, ни продать. Оборот акций, приобретаемых за счет приватизационного вклада, был ограничен. Такая конструкция, ставшая результатом компромисса с левыми при принятии законов о приватизации, лишала эти банковские вклады граждан важнейшего качества — ликвидности. Тем самым надолго откладывалось выявление эффективных частных собственников, рушились надежды на зарождение в стране фондового рынка.

Кроме того, схема приватизационных счетов (вкладов) обрекала граждан на большие неудобства. Каждому жителю и большого города, и глухой деревни предстояло не только открыть специальный счет в банке, но и многократно делать переводы для приобретения пакетов акций приватизируемых предприятий. Бесплатная приватизация через счета в Сбербанке была организационно трудно реализуема, могла привести к техническому коллапсу, блокирующему весь процесс приватизации. Неудивительно, что руководители Сбербанка высказывали нежелание заниматься таким большим и рискованным проектом. Доверить приватизацию плохо управляемому сложнейшему сетевому государственному институту, лишенному каких бы то ни

было стимулов к его осуществлению, с точки зрения организации процесса было бы абсурдом.

Поэтому Указом Президента РФ от 14 августа 1992 года вместо счетов в Сбербанке были введены приватизационные чеки в документарной форме, предназначенные для выдачи каждому гражданину страны. Граждане, не желавшие переводить свою долю госсобственности в акции, могли продать приватизационные чеки на рынке. Свободно обращаясь, они создали не только спрос на акции приватизируемых предприятий, но и заложили основу для становления институтов фондового рынка. Приватизационные чеки стали котироваться на биржах, дав серьезный импульс их развитию. Курс ваучера отслеживался населением вместе с курсом доллара. Открылась возможность концентрации капитала, возникли инвестиционные фонды, появились тысячи профессионалов фондового рынка. Не случайно и сегодня российский фондовый рынок самый развитый на всем пространстве СНГ.

Вторая развилка — **выбор между собственностью трудовых коллективов и собственностью *членов* трудовых коллективов.**

Она содержала стратегический риск. Требование проводить приватизацию в пользу трудовых коллективов было популярным. Его поддерживали профсоюзы, советы трудовых коллективов, а за ними стояли директора предприятий. Без их поддержки провести приватизацию было нереально, но задача состояла в том, чтобы, пойдя навстречу этому требованию, не создать вместо советского кооперативный рыночный социализм.

При этом следует учитывать, что к моменту утверждения 11 июня 1992 года Программы приватизации Верховный Совет существенно полевел. Уступкой правительства стал второй вариант приватизации с передачей 51 % акций трудовому коллективу. Однако взамен удалось получить встречную уступку — акции передавались не трудовому коллективу, а *членам* трудового коллектива. Развилка «собственность трудового коллектива или собственность члена трудового коллектива» была пройдена правильно, законодательно было закреплено одно из коренных отличий между капитализмом и рыночным социализмом.

В итоге в ходе массовой бесплатной приватизации применялись варианты приватизации, каждый из которых политически уравнивал потенциально взрывные социальные группы — от

директоров до членов трудовых коллективов и пенсионеров. Конечно, было бы неверно говорить о том, что они были удовлетворены — скорее каждая из них была одинаково недовольна. Однако тем самым был достигнут баланс сил, который легитимировал права на собственность всех заинтересованных слоев, сохранял их заинтересованность в выборе варианта и запуске процесса приватизации. Многочисленные вынужденные компромиссы не подорвали стратегическую цель — создание института частной собственности в России.

Ваучерная «большая приватизация» началась в соответствии с Указом Президента РФ от 14 августа 1992 года. В ноябре — декабре того же года прошли первые чековые аукционы, началось акционирование государственных предприятий. Постепенно формировался рынок акций. Это заложило основу для дальнейшего перераспределения собственности рыночными методами.

Одновременно началась и не прекращавшаяся затем борьба против приватизации Верховного Совета РСФСР, ставшего к тому времени вполне прокоммунистическим. Приватизация едва не была остановлена весной 1993 года в ходе обострения противостояния президента и Верховного Совета. Критического столкновения удалось избежать благодаря поддержке населением Ельцина и его курса реформ на референдуме 25 апреля. Народ поддержал на референдуме курс реформ, но уже 1 мая демонстрации их противников в Москве закончились кровью. Это показало, насколько тяжелой оказалась экономическая, социальная и психологическая ломка для значительной части населения. И в дальнейшем острая борьба внутри правительства и вовне тормозила приватизацию, несколько раз ставила ее на грань отмены. Однако к середине 1994 года эта историческая развилка была пройдена: программа бесплатной «большой приватизации» на основе приватизационных чеков в России была выполнена полностью.

Наряду с примерами правильно пройденных развилок в приватизации можно привести примеры серьезных ошибок. Одна из них была сделана при обсуждении проблемы участия в приватизации граждан, не обладавших никакой компетенцией в этой сфере (проблема «бабушек»). Некоторые участники дискуссий считали, что для них необходимо создать посредника, специальный профессиональный институт — чековые инвестиционные фонды

(ЧИФы). Предполагалось, что тщательная проработка нормативной базы ЧИФов поможет правильно вложить ваучеры тем гражданам, которые не хотели их продавать, но и не могли оценить выгоды приобретения акций тех или иных приватизируемых предприятий. Оппоненты считали эту затею излишней и нереализуемой. Мы выбрали первый вариант, в результате чего в стране бизнесменами было учреждено несколько сотен ЧИФов, которые собрали более 40 млн чеков.

Проект чековых инвестиционных фондов провалился полностью: из-за непрофессионализма их менеджеров и банального воровства. Практически все 40 млн вкладчиков оказались обмануты. Этот провал оказал огромное влияние на формирование общего негативного отношения к приватизации. Сегодня ясно, что для реального контроля над ЧИФами надо было выстроить систему, сопоставимую по сложности и влиятельности с банковским надзором, который, как известно, сформировался в России только к концу 1990-х годов. Создать такую систему надзора в 1992–1993 годах было просто невозможно.

Несмотря на серьезные допущенные ошибки, «большая приватизация», ставшая необратимой, набирала обороты (*табл. 2*).

Таблица 2

Основные показатели приватизации в России в 1992–1995 годах

Нарастающим итогом с 1.01.1992	1.01.1993	1.01.1994	1.01.1995
Госпредприятия на самостоятельном балансе, ед.	204 998	156 635	126 846
Подано заявок, ед.	102 330	125 492	143 968
Отклонено заявок, ед.	5390	9985	12 317
Реализовано заявок, ед.	46 815	88 577	112 625
Продажная цена собственности, млрд рублей, в старых ценах	57	752	1867
Стоимость имущества по реализованным заявкам, млрд рублей, в старых ценах	193	653	1092
Госпредприятия, преобразованные в АО, акции которых выпущены в продажу, ед.	2376	14 073	24 048
Предприятия на аренде, ед.	22 216	20 886	16 826
В том числе на аренде с выкупом, ед.	13 868	14 978	12 806

Источники: Мингосимущество, РФФИ.

Как уже говорилось, процесс формирования эффективного собственника требовал времени, однако уже на этом начальном этапе многие предприятия обрели рачительных хозяев. Данные статистики, приведенные в *табл. 3*, свидетельствовали: в России, как и в других странах, частные предприятия работают эффективнее государственных. Впрочем, эти данные демонстрируют лишь первые признаки позитивного влияния частной собственности на эффективность производства и еще не говорят о подлинной победе частной собственности в России.

Таблица 3

Сравнение интегральной эффективности государственных и приватизированных предприятий за 1995 год по отраслям

Интегральная эффективность

Отрасли	АО с долей государства		
	Госпредприятия	Свыше 25% Менее 25%	
Черная металлургия	0,384	0,644	0,505
Цветная металлургия	0,534	0,259	0,726
Химическая промышленность	0,309	0,533	0,895
Машиностроение	0,128	0,696	0,922
Строительные материалы	0,178	0,807	0,775
Легкая промышленность	0,292	0,461	0,681
Пищевая промышленность	0,229	0,488	0,852
Медицинская промышленность	0,288	Нд	0,727

Примечание. Фактическая выборка составила 2438 предприятий на базе Регистра Госкомстата, в том числе 575 государственных предприятий, 596 приватизированных предприятий с долей государства более 25 % и 1267 приватизированных предприятий с долей государства менее 25 %. Интегральный показатель эффективности рассчитан на базе четырех показателей экономической эффективности (производительность труда,

рентабельность, фондоотдача, оборачиваемость оборотных средств) и четырех показателей финансового состояния (коэффициенты автономии, маневренности, обеспеченности собственными оборотными средствами и текущей ликвидности). Интегральный показатель вычислялся по каждой группе предприятий и оценивал данную группу по комплексу характеристик в целом. Интегральный показатель представляет собой достигнутый по данной группе уровень характеристик (индивидуальных показателей). Уровень каждого индивидуального показателя нормирован по сравниваемым группам предприятий от «0» до «1»: «0» — худшее значение среднего показателя, «1» — лучшее.

Источник: Леонтьевский центр. 1996.

1994–1996 годы

Этот период, насыщенный сложными развилками в экономической политике, был прологом к главной политической развилке всех 1990-х годов — президентским выборам 1996 года. Существенное падение производства, снижение уровня жизни населения, накапливавшаяся усталость от незавершенных реформ на фоне радикального изменения условий жизни для десятков миллионов граждан давали мощные политические козыри в руки коммунистической оппозиции. Коммунисты, контролировавшие парламент и большое число губернаторов в регионах, быстро оправившись после событий октября 1993 года, последовательно наращивали свой ресурс для предстоящих президентских выборов. Все более очевидным становилась суть надвигающейся исторической развилки: **продвижение России вперед по пути построения рыночной экономики и демократии или возврат к коммунистическому прошлому?**

Для характеристики экономической политики этого периода выберем две, пожалуй, наиболее насыщенные событиями сферы: макроэкономическую политику и приватизацию с использованием залоговых аукционов.

11 октября 1994 года произошло обвальное падение курса рубля. За один день курс доллара вырос с 2833 до 3996 рублей. Это событие, получившее название «черный вторник», вызвало настоящий политический шок и имело драматические политические и экономические последствия. Были отправлены в отставку председатель Центрального банка В. Геращенко и исполняющий обязанности министра финансов С. Дубинин. Один из авторов настоящей книги получил неожиданное предложение от председателя правительства В. Черномырдина создать новую экономическую команду в правительстве, принял его и уже 5 ноября 1994 года был назначен первым заместителем председателя правительства.

Каковы причины «черного вторника»? Денежная политика Центрального банка, не отличавшаяся достаточной жесткостью и в предшествующий период, весной — летом 1994 года стала еще более слабой. Под влиянием аграрного лобби, оборонно-промышленного и

топливно-энергетического комплексов нарастал вал кредитов Центрального банка, являвшихся, по сути, ничем не обеспеченной денежной эмиссией. Ослабленная команда реформаторов в правительстве не могла противостоять этим действиям, тем более, что почти во всем российском экономическом сообществе того времени связь между денежной политикой и инфляцией считалась малозначимой или вообще надуманной, а руководители Центрального банка открыто провозглашали главной целью политики ЦБ выделение кредитных ресурсов на поддержку отечественного товаропроизводителя. С учетом того, что и бюджетный дефицит в 1994 году достигал 10 % ВВП, финансово-экономический крах становился неизбежным. Банки, максимизируя доходы, развернули в августе — сентябре спекулятивные атаки на рубль, которые и стали спусковым крючком «черного вторника».

Новая экономическая команда правительства, сформированная в ноябре 1994 года, столкнулась с реальной угрозой перехода валютного кризиса в финансово-экономическую катастрофу. Инфляция, достигшая к декабрю 1994 года 16,4 % в месяц, в условиях рухнувшего валютного курса сопровождалась паникой на финансовых рынках на фоне последовательно сокращавшихся резервов Центрального банка. В январе 1995 года валовые валютные резервы ЦБ упали до критической величины в 1,5 млрд долларов, а чистые международные резервы — до 865 млн долларов. В условиях, когда ЦБ был вынужден осуществлять ежедневные валютные интервенции в объемах, превышавших в отдельные дни 100 млн долларов, риск суверенного дефолта измерялся несколькими сутками.

Спасти ситуацию мог только немедленный и радикальный пересмотр всей финансово-экономической политики страны. На то, чтобы выработать эту новую политику, добиться ее одобрения в правительстве и ЦБ, получить поддержку международных финансовых организаций, объявить и начать реализовывать ее, с учетом темпов сокращения валютных резервов страны, оставалось чуть более одного месяца. Главной целью этой политики были макроэкономическая стабилизация и снижение инфляции. Основные ее положения были зафиксированы в Заявлении правительства и Центрального банка «Об экономической политике в 1995 году» от 10 марта 1995 года, утвержденном Постановлением Правительства РФ от 15 апреля

1995 года № 334. Впрочем, реализацию этой политики пришлось начать немедленно — с 1 января 1995 года.

Ключевые задачи данной политики включали:

- запрет с 1 января 1995 года на прямые кредиты Центрального банка для финансирования дефицита федерального бюджета (кроме специально оговоренных случаев) и на централизованные кредиты правительства и ЦБ хозяйственным организациям;

- создание механизма неэмиссионного финансирования дефицита государственного бюджета;

- пересмотр налоговой политики, сокращение существующих и отказ от введения новых налоговых льгот;

- пересмотр проектировок и разработка нового федерального бюджета на 1995 год с целью сокращения дефицита и ограничения размера внутренних и внешних заимствований;

- упразднение с 1 января 1995 года отраслевых внебюджетных фондов и консолидация их средств в федеральном бюджете;

- возобновление процесса приватизации.

Для достижения этих задач было необходимо: во-первых, возобновить переговоры с международными финансовыми организациями и добиться подписания соглашения с ними и получения внешнего кредитования; во-вторых, добиться одобрения Государственной Думой, контролируемой коммунистами, соответствующих изменений в Закон «О Центральном банке», а также утверждения ею беспрецедентно жесткого бюджета; в-третьих, преодолеть нараставшее массовое забастовочное движение (прежде всего в угольной отрасли — с одновременным разворачиванием ее реформирования).

Перечисленные задачи по своему масштабу и сложности представляли собой, по сути, вторую волну реформ после реформ 1992 года. Их реализация противоречила интересам наиболее влиятельных лоббистских групп того времени — от аграриев, военно-промышленного и топливно-энергетического лобби до депутатов-коммунистов в Государственной Думе и региональных парламентах.

Не было поддержки этим мерам и в демократическом лагере. Так, лидер партии «Яблоко» Г. Явлинский в апреле 1995 года заявлял, что «институционально неизбежный уровень инфляции в этот подготовительный период — около 10 % в месяц»^[32]. И даже в декабре

1995 года, когда факты опровергли этот тезис, он продолжал считать, что «инфляция — это температура, а не болезнь. Болезнь же заключается в монополизме нашей экономики, отсутствии конкурентной среды, неумении предприятий завоевывать рынки... Если же мы будем только фанатично бороться с инфляцией... значит, не будут вырваны глубинные корни инфляции, питающие ее вопреки всем „макроэкономическим“ усилиям правительства. Бороться нужно не с инфляцией, а с ее причинами»^[33].

Тем не менее, подавляющее большинство задач было реализовано. Для восстановления макроэкономической сбалансированности был применен классический метод «номинального якоря». В июле на фоне созданных в первой половине 1995 года позитивных предпосылок был введен «валютный коридор» в диапазоне 4300–4900 рублей за доллар. Первоначально он был установлен на один квартал — до 1 октября 1995 года.

При введении валютного коридора в июле экономическая команда правительства публично заявила, что в случае, если он не будет удержан в течение квартала, вся команда уйдет в отставку. Его не только удалось удержать, но и с небольшим расширением продлить на IV квартал. Это имело принципиальное значение для устранения неопределенности относительно изменений валютного курса и способствовало повышению доверия к денежно-кредитной политике в целом.

В феврале 1995 года была достигнута договоренность о предоставлении кредитов со стороны МВФ и Мирового банка. В марте был утвержден федеральный бюджет на 1995 год. Развернувшиеся весной 1995 года забастовки шахтеров удалось приостановить уже к лету.

Перелом трендов в инфляции, динамике обменного курса и чистых международных резервов в течение 1995 года представлен в *табл. 4*.

Таблица 4

Обменный курс рубля, индекс потребительских цен и международные резервы России в 1995 году

Официальный обменный курс (на конец месяца), рублей за доллар		Индекс потребительских цен, %	Чистые международные резервы, млрд долларов
Январь	4048	17,8	0,865
Февраль	4473	11,0	1,252
Март	4897	8,9	1,858
Апрель	5130	8,5	2,203
Май	4995	7,9	3,964
Июнь	4538	6,7	5,773
Июль	4415	5,4	6,002
Август	4447	4,6	5,982
Сентябрь	4508	4,5	5,657
Октябрь	4504	4,7	6,261
Ноябрь	4580	4,5	5,393
Декабрь	4640	3,2	5,884

Источник: Центральный банк РФ.

Экономические реформы 1995 года дали импульс важнейшим стратегическим реформам, которые не могли принести немедленного результата, но оказали большое влияние на развитие страны. Началась разработка Налогового кодекса, документов по реформам пенсионного обеспечения, социального страхования, здравоохранения и образования. Стартовал переход на казначейское исполнение бюджета. Была принята долгосрочная программа снижения дефицита бюджета до 3 %. Приступила к работе правительственная комиссия по подготовке к вступлению России в ВТО. По большинству этих направлений удалось серьезно продвинуться вперед. Но задачи были настолько сложными, а сопротивление — сильным, что некоторые из них в полной мере не реализованы и по сей день.

Экономические преобразования, осуществленные в 1995 году, не могли пройти безболезненно. Первыми под ударом оказались коммерческие банки. Не будет преувеличением сказать, что практически весь новый банковский сектор России родился и вырос в условиях сверхвысокой инфляции. Неизбежными доминантами банковской активности в этой ситуации становятся краткосрочные

банковские операции, ориентированные на спекулятивный результат при крайне низкой эффективности и высоких затратах. Правительственная стратегия на снижение инфляции воспринималась банковским сообществом крайне скептически, адекватных мер по корректировке стратегий коммерческих банков добиться не удалось. Российские банки до 1995 года имели возможности компенсировать неудачные портфельные решения и высокие кредитные риски за счет беспроигрышных операций на валютном рынке, огромной процентной маржи и инфляционного обесценения всевозможных потерь.

Начало стабилизации требовало от банковских менеджеров, во-первых, рационального понимания ее макроэкономических последствий, а во-вторых, изменения стратегии конкурентного поведения. Основная ошибка ожиданий состояла в недооценке масштабов относительного изменения доходности рублевых и валютных активов. Понимая это, экономическая команда правительства пошла на прямой диалог с банками с тем, чтобы донести суть и степень серьезности начатого экономического маневра. Выступая в мае 1995 года на съезде Ассоциации российских банков, один из авторов настоящей книги, говоря о неизбежности снижения инфляции, «выразил абсолютную уверенность в завершении эры развития банков в условиях 15–20-процентной инфляции»^[34]. Однако подлинного понимания со стороны банков добиться не удалось.

Кризисные явления в банковской сфере начали проявляться уже в июне 1995 года: некоторые банки нарушили условия выполнения обязательств на рынке межбанковского кредитования (МБК). Однако рынок продолжал работать с прежней интенсивностью вплоть до 23 августа, когда из-за технического сбоя торги были приостановлены. Большинство маркетмейкеров покинуло рынок, опасаясь неизбежной цепочки неплатежей. Произошло почти десятикратное снижение дневных оборотов (с 1,14 трлн до 130 млрд рублей), приведшее к образованию дефицита ликвидных средств. Котировки по однодневным кредитам INSTAR выросли с 77 % перед началом кризиса до 275–350 % в последнюю неделю августа. По отдельным сделкам цена денежных ресурсов доходила до 2000 % годовых.

Этот коллапс межбанковского рынка был неизбежен, так как его обороты не соответствовали степени реального кредитного риска. Несмотря на драматические последствия и даже банкротство ряда

банков, в целом этот кризис межбанковского рынка сыграл положительную роль, так как выявил неэффективные банки и заставил Центральный банк усилить с 1996 года регулирование, уделяя гораздо больше внимания выполнению банками нормативных ограничений.

Крайне тяжелым следствием ужесточения денежно-кредитной и фискальной политики стал также рост неплатежей и задолженности по зарплате (в том числе особенно болезненно — в бюджетной сфере). Это вызвало справедливую критику правительства и его экономической команды. Разрешить проблему задолженности удалось лишь после 2000 года на фоне развернувшегося роста экономики и жестких мер естественных монополий по отказу от зачетных систем платежей.

В целом экономические реформы 1994–1995 годов позволили добиться существенной макроэкономической стабилизации, обуздали рост цен, снизив за год инфляцию в 5 раз, развернули экономическую ситуацию в стране с многолетнего падения ВВП к последовавшему позже первому росту в 1997 году. За финансовую стабилизацию пришлось заплатить высокую цену, однако заложенный фундамент позволил в последующие годы преодолеть проблемы, возникшие в результате жесткой макроэкономической политики.

* * *

В 1994–1996 годах важные развилки были пройдены и в сфере приватизации государственной собственности. Завершение бесплатной приватизации в середине 1994 года еще не означало реального перехода российской экономики под контроль частных собственников. В стране были зарегистрированы десятки тысяч акционерных обществ, граждане обменяли приватизационные чеки на их акции. Формально отношения собственности изменились, в некоторых случаях частная собственность даже стала реальностью. Но на большинстве предприятий новые собственники не могли воспользоваться законными правами, корпоративные механизмы подчинения им менеджмента, а тем более его смены, не работали. Реальными хозяевами предприятий оставались «красные директора», которые по-прежнему жили советской логикой. Им было безразлично, в чьих руках контрольный пакет акций, они полагали, что директора как командовали, так и будут командовать. Противостояние «директор

— акционер» за очевидным преимуществом тогда выигрывал директор.

Помимо этого, десятки промышленных гигантов оставались в государственной собственности. Они были изъяты из программы массовой приватизации под нажимом директоров, чье лобби в правительстве в 1993–1995 годах было очень влиятельным. Нефтяные гиганты, металлургические комбинаты, морские парохозяйства оставались под контролем директоров, многие из которых состояли в КПРФ, были решительными сторонниками государственной собственности, которая, по сути, предоставляла им неограниченный контроль над активами.

Надо учитывать, что в те годы и отраслевые министры были категорически против приватизации предприятий своих отраслей. Их поддерживал «крепкий хозяйственник» — первый вице-премьер О. Сосковец, второй человек по объему реальной политической власти в стране, силовики — А. Коржаков, М. Барсуков, А. Куликов. Рыночные экономические реформы как бы «зависли». Был велик шанс, что, начатые в 1992 году, они останутся очередной неудачной попыткой экономических преобразований в нашей истории.

В марте 1995 года В. Потанин предложил реализовать схему залоговых аукционов. Ее суть состояла в выставлении на аукцион права на залог крупных или контрольных пакетов акций крупнейших предприятий, остававшихся в государственной собственности. Победивший на аукционе банк должен был предоставить правительству кредит. Через полтора года правительство обязано было либо возратить кредит, либо передать предприятия в собственность банков-кредиторов. Идея залоговых аукционов, поддержанная О. Сосковцом, давала надежду на продолжение рыночных реформ.

Возникла развилка, содержащая не только экономические составляющие (передача контроля над крупнейшими государственными предприятиями в частные руки, получение реальных доходов бюджета), но и еще более важные политические. Реалиями того времени была утрата Б. Ельциным былой популярности из-за трудностей, связанных с проведением реформ и провалов в ходе чеченской войны. Налицо — широкая поддержка коммунистов, с одной стороны, и власть, дискредитированная тяжелейшим положением в экономике, низким уровнем жизни, невыплатами

зарплат и массовой бедностью — с другой. Впереди были реальные демократические выборы, символ того нового, что было привнесено в жизнь страны. Выборы, на которых по всем прогнозам Ельцин и демократы должны потерпеть поражение^[35].

Коммунисты не скрывали своих планов в экономической сфере. Было ясно, к чему их реализация должна была привести. Проводимая правительством политика сокращения государственных расходов и снижения уровня инфляции противоречила взглядам руководства КПРФ. Они считали, что дефицит бюджета может быть увеличен и покрыт за счет кредитной эмиссии. Но как только увеличилась бы мощность печатного станка, на финансовых рынках началась бы паника. Чтобы заткнуть дыру, пришлось бы все сильнее раскручивать маховик эмиссии — гиперинфляция была бы неизбежна.

Программа коммунистов на этот случай предусматривала замораживание цен прежде всего на продукты питания. Было понятно, что вслед за этим продукты исчезнут с прилавков. При фиксированных ценах предприятия не покроют своих затрат и потребуют дотаций. Вновь понадобится эмиссия денег. В такой ситуации международные финансовые институты не стали бы кредитовать Россию. Это означало прекращение кредитования страны и поставок продовольствия из-за рубежа. Неизбежным стал бы и дефолт по внешним суверенным обязательствам страны, отсрочек по выплатам ожидать не приходилось. Зато вполне реальным становился арест российской собственности за рубежом. В итоге страна не только потеряла бы трудные завоевания финансовой стабилизации 1995 года, но была бы отброшена к ситуации валютного кризиса 1991 года, из тисков которого с таким трудом удалось выйти. Неизбежны стали бы массовые социальные протесты, а как реагируют на них коммунисты — известно из нашей истории.

Была и другая сторона этой политической развилки. Чтобы проводить грамотную экономическую политику, необходимо опираться хотя бы на 50–75 специалистов высочайшей квалификации, уже накопивших опыт работы в министерствах и ведомствах в новых рыночных условиях. Таких специалистов у КПРФ не было, а никто в правительстве (может быть, за исключением нескольких человек) работать с коммунистами не стал бы. У КПРФ были люди с опытом работы в советской экономике, их главный экономист — бывший

председатель Госплана Ю. Маслюков. При таком кадровом обеспечении не было сценария, при котором бы Зюганов, став президентом, не разрушил бы экономику России.

В Польше наследники коммунистов на короткий срок вернулись к власти, но не остановили рыночных реформ. Однако российские коммунисты тех лет не были похожи на социал-демократов Польши. Польские социал-демократы не организовывали вооруженный мятеж против президента, как это сделали российские коммунисты всего за два года до этого. Более чем наивными представляются взгляды тех политологов, которые считают, что коммунисты, взяв власть, просто проиграли бы следующие выборы. Вся история КПСС однозначно доказывает: получив власть однажды, коммунисты ни на каких выборах без боя ее не отдают. Несостоявшийся поворот в исторической развилке — победа Зюганова в 1996 году — был бы катастрофой для России с тяжелейшими историческими последствиями.

Крупное предприятие, формально находившееся в государственной собственности, в действительности было под контролем генерального директора, нередко члена ЦК КПРФ. Он управлял его финансами и иными активами фактически бесконтрольно. Было ясно, за кого он «порекомендует» голосовать десяткам тысяч работников завода, какую помощь он окажет в финансировании избирательной кампании Зюганова.

Эти политические соображения необходимо было учитывать, выбирая путь в развилке, связанной с залоговыми аукционами: **отнять «командные высоты» у коммунистов, наполнить реальным содержанием формально узаконенную частную собственность или допустить поворот истории России вспять?**

Конструкция залоговых аукционов вполне технологично была вписана и в политический график. Банки предоставили государству кредит под залог акций предприятий на определенный срок, но срок этот наступал уже после выборов президента. Учитывая огромный дефицит бюджета, было весьма вероятно, что полученные кредиты государство банкам не вернет. При этом было понятно, что в случае победы на выборах Ельцина и невозврата кредита, по договору залога предприятия перейдут в собственность банков. А в случае победы Зюганова выданные кредиты банкам не вернут, но и предприятия в

собственность вряд ли отдадут. Банки оказались заложниками исхода выборов. Победа на выборах Ельцина для каждого из них определяла, станет он реальным собственником включенного в залоговые аукционы предприятия или нет. Именно эта экономическая логика и подтолкнула банкиров к соглашению в январе 1996 года в Давосе о поддержке на выборах Б. Ельцина.

Таким образом, совокупность экономических и политических факторов привела к решению о проведении залоговых аукционов. Их роль в реальном переходе контроля над экономикой в частные руки была весьма значимой. А влияние этого перехода на формирование политического расклада к выборам 1996 года — решающим.

В результате проведения залоговых аукционов задание по доходам от приватизации на 1995 год было выполнено, бюджет за год от приватизации получил 1 млрд долларов^[36], что было крайне важно с точки зрения выполнения обязательств государства перед бюджетниками. Всего состоялось 12 аукционов, доход от которых составил 5,1 трлн рублей, включая 1,5 трлн рублей погашенной задолженности предприятий государству, против предполагавшихся ранее 2–3 трлн по 29 предприятиям (табл. 5).

Таблица 5

Залоговые аукционы, проведенные в России в ноябре — декабре 1995 года

Дата	Компания	Доля, %	Средства, поступавшие в бюджет, млн долларов	Победители аукциона
17 ноября	Норильский никель	51	170,1	ОНЭКСИМбанк
8 декабря	ЮКОС	45	159	ЗАО «Лагуна» (фактически банк МЕНАТЕП)
7 декабря	ЛУКОЙЛ	5	141	ЛУКОЙЛ-Империя
7 декабря	Сиданко (ныне ТНК-BP)	51	130	Банк МФК (фактически консорциум из МФК и «Альфа-групп»)
28 декабря	Сибнефть	51	100,3	ЗАО «Нефтяная финансовая компания» (гарант — Столичный банк сбережений)
28 декабря	Сургутнефтегаз	40,12	88,9	НПФ «Сургутнефтегаз» (гарант — ОНЭКСИМбанк)
7 декабря	Новолипецкий металлургический комбинат	14,87	31	Банк МФК (фактически «Ренессанс Капитал»)
11 декабря	Новороссийское морское пароходство (Новошип)	20	22,65	Новороссийское морское пароходство (Новошип)
28 декабря	АО «Нафта-Москва»	15	20,01	ЗАО «НафтаФин» (фактически менеджмент самого предприятия)
17 ноября	АО «Мечел»	15	13	ТОО «Рабиком»
17 ноября	Северо-западное речное пароходство	25,5	6,05	Банк МФК
7 декабря	Мурманское морское пароходство	23,5	4,125	ЗАО «Стратег» (фактически банк МЕНАТЕП)

Источник: Википедия. Приватизация в России. — <http://ru.wikipedia.org/wiki/Приватизация>

Как известно, до настоящего времени залоговые аукционы подвергаются резкой критике. Следует признать, что часть ее справедлива: залоговые аукционы не были прозрачными, на них не было равенства, не соблюдались права третьей стороны. Победители аукционов имели несомненные преференции. Впрочем, все суды по залоговым аукционам подтвердили законность приобретения пакетов акций. При этом нельзя согласиться и с тем, что ради победы над коммунистами предприятия — «жемчужины» в короне российской империи — были розданы за бесценок. В действительности эти «жемчужины» находились в полном развале. А если учитывать политические риски, то их рыночная стоимость была крайне низкой. Именно приватизация позволила в последующие годы превратить разваленные предприятия в прибыльные бизнесы. Появившиеся в последнее время серьезные исследования независимых ученых подтверждают этот факт^[37].

К началу избирательной кампании в январе 1996 года по выборам президента рейтинги показывали популярность Б. Ельцина на уровне 3–6 %, Г. Зюганов значительно опережал его. Фактическим стартом

президентской избирательной кампании были выборы в Государственную Думу в декабре 1995 года. На них правящая партия «Наш дом — Россия» потерпела сокрушительное поражение, получив третье место с 10 %, а коммунисты победили, заняв первое место с 22 %. К этим результатам по партийным спискам добавилась победа коммунистов в мажоритарных округах, которая в итоге дала им контроль над Государственной Думой. Председателем Госдумы был избран коммунист Г. Селезнев.

Б. Ельцин начинал избирательную кампанию в крайне тяжелых условиях. Даже в феврале, когда он официально объявил о своем участии в выборах, по словам А. Ослона, директора Фонда «Общественное мнение» и одного из наиболее компетентных социологов страны, «его поражение казалось неминуемым»^[38]. Однако опираясь на профессионалов, штабу Ельцина удалось найти нестандартные решения, организовать эффективную избирательную кампанию. Важное значение имели медийные и финансовые ресурсы банкиров.

Ельцина в первом туре выборов поддержало преимущественно население Москвы и Санкт-Петербурга, крупных промышленных городов Севера России, Сибири, Дальнего Востока, некоторых национальных республик, а также россияне, проживавшие за рубежом. Зюганова поддержали преимущественно жители депрессивных сельских регионов Центральной России, Черноземья, Поволжья и некоторых республик Северного Кавказа. Принципиальное значение имел сам факт первого места Ельцина в первом туре, пусть даже достигнутый с минимальным перевесом — чуть более 3 % (табл. 6).

Таблица 6

Результаты выборов президента в 1996 году

Место Кандидат

Число поданных голосов, млн % к итогу

1	Б. Ельцин	26,6	35,28
2	Г. Зюганов	24,2	32,03
3	А. Лебедь	10,7	14,52
4	Г. Явлинский	5,6	7,34
5	В. Жириновский	4,3	5,70

Второй тур 3 июля

Место Кандидат

Число поданных голосов, млн % к итогу

1	Б. Ельцин	40,4	53,82
2	Г. Зюганов	30,1	40,31
3	Против всех	3,6	4,82
4			
	Недействительные бюллетени —		1,05
5			

После первого тура суть всей исторической развилки стала абсолютно очевидна. Вокруг Б. Ельцина удалось объединить не только его сторонников, но и всех не согласных с возвратом страны в

коммунистическое прошлое. Сторонники коммунистов и наиболее непримиримые противники действовавшей власти объединились вокруг Г. Зюганова. По итогам второго тура выборов действовавший президент России Ельцин одержал победу и был переизбран на второй срок.

1996–2000 годы

Во время президентских выборов 1996 года, как было описано выше, сформировался тактический союз власти с олигархами, который был направлен на то, чтобы не допустить прихода к власти коммунистов. Опираясь на поддержку зарождавшегося класса собственников и значительной части интеллигенции, реформаторы победили.

Однако тактический характер этого союза проявился сразу после президентских выборов в стратегической развилке: **кто должен управлять государством — законно избранные органы государственной власти или самые богатые бизнесмены страны?**

Такие олигархи, как Б. Березовский и В. Гусинский, искренне полагали, что страной после выборов управляют они, они «наняли» Ельцина на работу в качестве президента. Их позиция сводилась к тому, что крупный бизнес должен управлять политиками, назначать и увольнять министров, определять, какая партия будет допущена к власти, какая политика должна проводиться. Крупный бизнес открыто потребовал приватизации власти.

Другой путь предполагал укоренение на российской земле институтов демократии, когда избрание президента, губернаторов, депутатов Госдумы и законодательных собраний регионов зависит не от олигархов, а от самих граждан. В условиях демократии все граждане должны быть равны перед законом, иметь равные права, и есть только один способ влиять на проводимую политику — объединяться в партии и убеждать сограждан в своей правоте.

Выбор в этой развилке оказался хронологически связан с аукционом по компании «Связьинвест». В нем власть и бизнес вступили в прямое противостояние. Суть спора была проста: достанется ли компания тому, кто предложит за нее больше денег на честном аукционе, или тому, кому она принадлежит «по понятиям». Позиция реформаторского крыла правительства (прежде всего А. Чубайса, Б. Немцова, О. Сысуева) была однозначна: приватизация «Связьинвеста» должна обеспечить отделение бизнеса от власти, формирование системы, при которой правила игры равны для всех.

Позиция влиятельной части олигархов оказывалась иной: это изменение правил игры, на которое они не согласны.

Березовский и Гусинский считали, что и этот аукцион должен носить формальный характер, победителем станет определенный заранее олигарх. Им возражали: пришли другие времена, на тендере победит тот, кто готов внести в бюджет большую сумму. В итоге владелец «Норильского никеля» В. Потанин предложил больше, Б. Березовский с В. Гусинским проиграли.

Аукцион по «Связьинвесту» был образцом честной, открытой, справедливой и законной приватизации. Его организаторы даже за минуту до получения результата не имели понятия о том, кто победит, такова была технология. Прямым подтверждением этого стали цифры: в ходе жестких конкурентных торгов и без того казавшаяся в то время фантастической стартовая цена в 1180 млн долларов (больше, чем все доходы от приватизации в любом предшествовавшем году) выросла до 1875 млн.

Для проигравших олигархов цена была даже больше, чем бизнес. Они считали своей важнейшей задачей во что бы то ни стало добиться победы над правительством. Была создана коалиция, включившая значительную часть олигархов, которые объединили свои политические, информационные и финансовые ресурсы, чтобы наказать организаторов аукциона и отнять «Связьинвест». Потрачены огромные деньги на взятки, подкуп работников спецслужб, на мощную информационную атаку с целью политически уничтожить министров-реформаторов. Эти события получили в дальнейшем названия «Первая банковская война» и «Битва при „Связьинвесте“».

Реформаторы понесли значительные потери, часть из них лишилась своих постов. Однако «Связьинвест» не был отдан Березовскому и Гусинскому, доходы бюджета от продажи его акций ушли на первоочередные государственные нужды. Было доказано, что наше государство может обеспечить равные условия для противостоящих бизнес-групп, не является их агентом, а способно встать над ними там, где это необходимо. Противостояние правительства и олигархов в 1997 году осталось в истории одной из первых успешных попыток изменения характера российского капитализма, отделения власти от собственности.

* * *

Между тем финансовая ситуация в стране оставалась сложной. Отказ с конца 1994 года от эмиссионного финансирования государственного бюджета привел к резкому снижению темпов роста потребительских цен (рис. 14). Однако ужесточение денежной политики в условиях политической борьбы было лишь в ограниченной степени подкреплено ужесточением бюджетной политики (рис. 15).

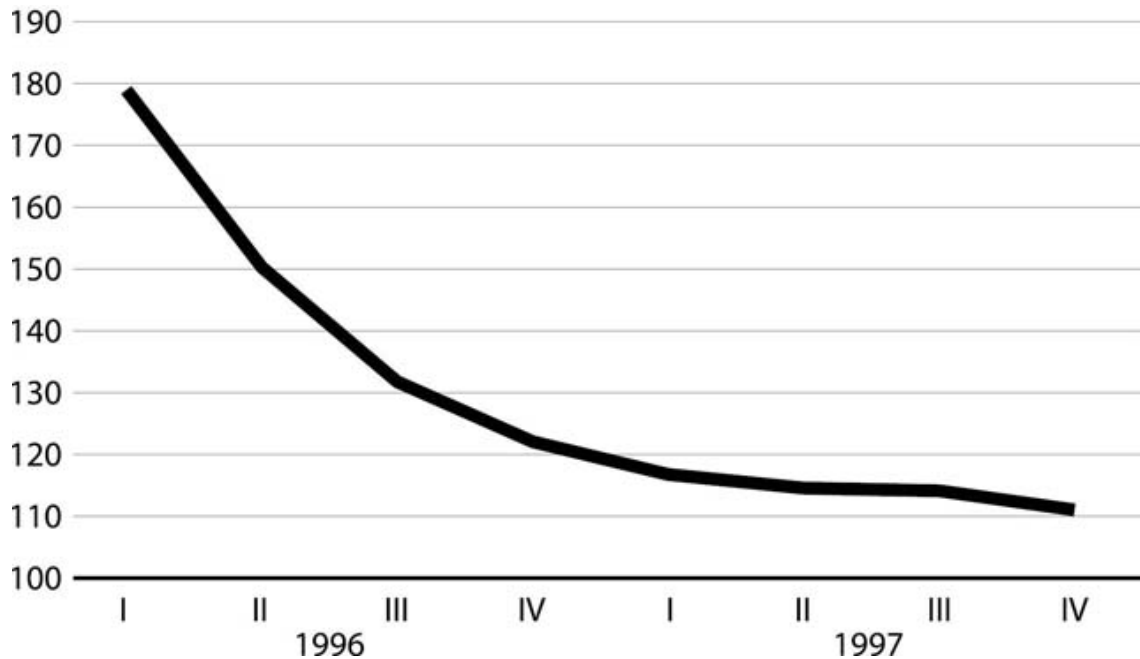


Рис. 14. Темпы роста потребительских цен в России в 1996–1997 годах, % к соответствующему кварталу предыдущего года

Источник: База данных ГУ — ВШЭ. —
http://stat.hse.ru/exes/tables/CPI_Q_CHI.htm

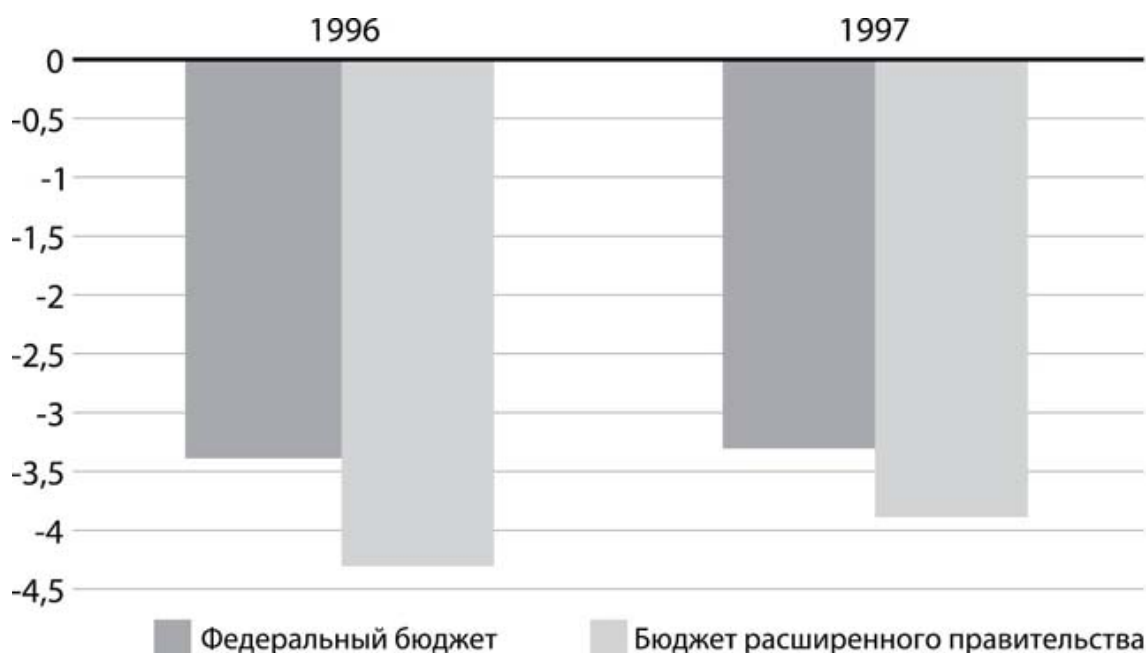


Рис. 15. Дефицит федерального бюджета и бюджета расширенного правительства в 1996–1997 годах, % ВВП

Источник: Росказна. — www.roskazna.ru

Сочетание жесткой денежной политики (поддержание стабильного курса рубля) и мягкой бюджетной (покрытие дефицита бюджета за счет рублевой эмиссии) — важная особенность всего экономического курса рассматриваемого периода. Хорошо известно, что это сочетание создает риски устойчивости финансовой системы. Однако оно было вынужденным, его причины уходят корнями в политическую плоскость. В формировании бюджетной политики ключевую роль играет парламент, утверждающий бюджет. Все это время он находился под сильным влиянием или полным контролем коммунистов. Основным вектором всех бюджетных баталий правительства и парламента было стремление последнего зависить расходы за счет необоснованного завышения доходов или увеличения дефицита бюджета из любых источников.

Политически этот вектор был беспроектным: на стадии формирования бюджета коммунисты выглядели как защитники интересов тружеников села, служащих социальной сферы, военно-промышленного комплекса и т. д., а на стадии выполнения (точнее, неизбежного невыполнения) этих расходов — как строгие критики провалов правительства, не сумевшего обеспечить взятые обязательства. Именно поэтому неизбежную слабость бюджетной

политики правительству и Центральному банку приходилось компенсировать дополнительной жесткостью денежной политики. Такую противоречивую политику, когда бюджет не сбалансирован и Минфин привлекает ресурсы Центрального банка для покрытия бюджетных расходов, нельзя продолжать долго. Рано или поздно доверие к устойчивости национальной валюты будет подорвано. Российские власти пытались решить это противоречие, наращивая государственный долг.

Эта тактика была рискованной, но единственно осмысленной. В 1997 году доля внутреннего государственного долга в ВВП России по международным меркам была скромной (табл. 7). К тому же начавшийся в 1997 году экономический рост давал надежду, что отношение долга и ВВП стабилизируется.

Таблица 7

Государственный внутренний долг России, США, Японии и Германии в 1996–1997 годах (на конец года), % ВВП

	Россия	Германия**	США*	Япония**
1996	18,2	57,9	67,3	100,5
1997	21,0	57,1	65,6	107,2

* *Federal public debt.*

** *General government debt (gross).*

*Источники: Данные по России — Минфин РФ; по США — US Office of Management and Budget (<http://www.whitehouse.gov/omb/budget/fy2010/assets/hist.pdf>); по Японии и Германии — МВФ. *World Economic Outlook*, April 2009.*

Экономический рост в России начался позже, чем в Восточной Европе. Это нетрудно понять, учитывая большую протяженность периода социалистического эксперимента в России, структурные диспропорции, связанные с милитаризацией экономики СССР. Но

в 1997 году этот рост стал реальностью (рис. 16). Отсюда энтузиазм инвесторов, готовность вкладывать деньги в Россию.

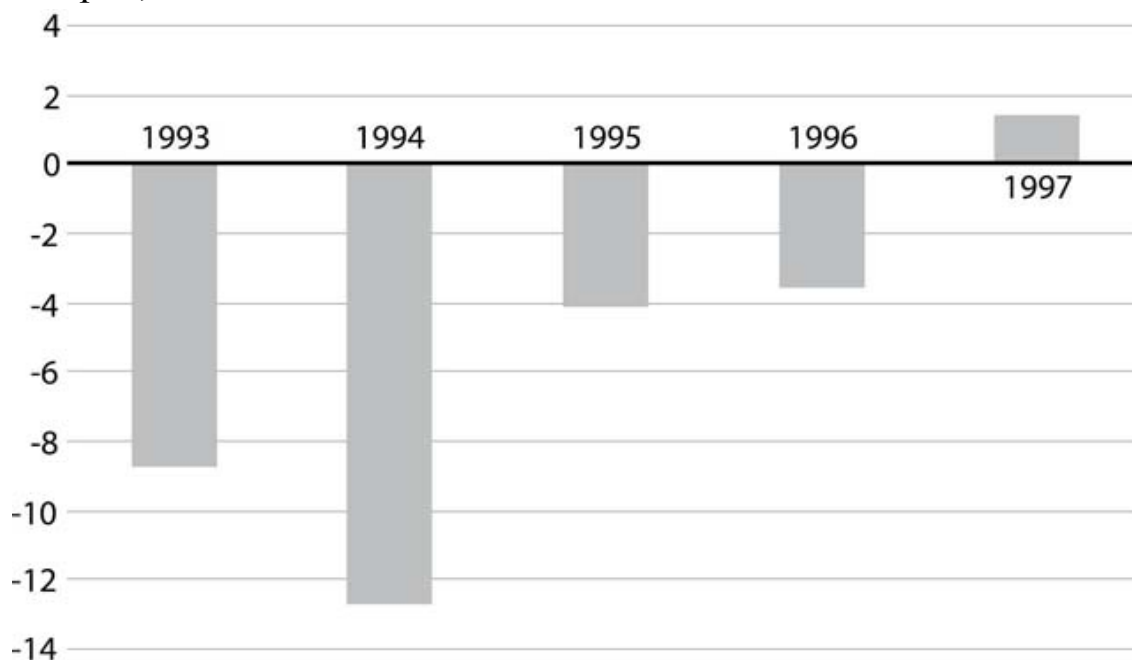


Рис. 16. Темпы экономического роста/спада в России в 1993–1997 годах, % к предыдущему году

Источник: МВФ — *World Economic Outlook*, April 2009.

В 1997 году процентные ставки по государственным краткосрочным обязательствам (ГКО) снижались (рис. 17). В реальном исчислении они приближались к нулевым. Зато кредитный рейтинг России к 1996 года постепенно стабилизировался^[39] (табл. 8).

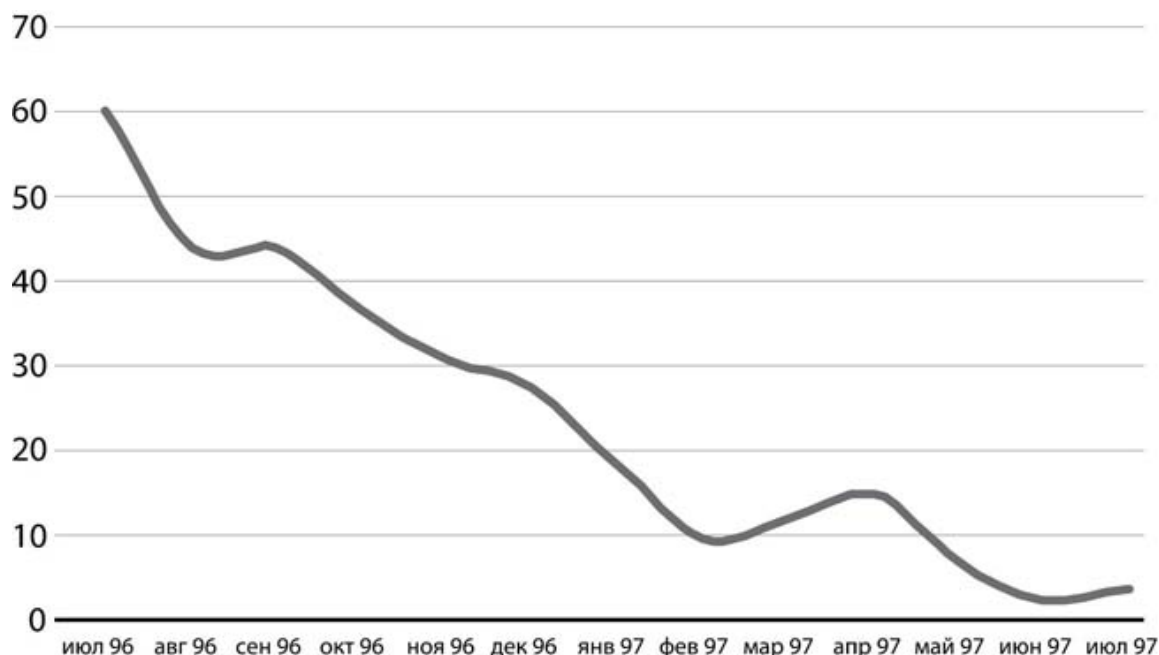


Рис. 17. Реальная процентная ставка по ГКО с июля 1996 года по июль 1997 года, %

Примечание. Реальная ставка по ГКО рассчитывается на основе темпов инфляции за предыдущие шесть месяцев в годовом выражении и равняется среднему доходу по ГКО на вторичном рынке для всех сроков обращения за вычетом изменений индекса потребительских цен за предыдущие шесть месяцев в годовом выражении. С сентября 1995 года по март 1996 года — среднему доходу по ГКО на вторичном рынке для всех сроков обращения за вычетом изменений индекса потребительских цен за предыдущие три месяца в годовом выражении.

Источник: Обзор экономики России. Основные тенденции развития, II квартал 1996 — IV квартал 1997 годов / Российско-европейский центр экономической политики. М., 1997, 1998. — http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/recep/RECP_index0.htm

Таблица 8

Кредитный рейтинг России по материалам Standard&Poor's в 1996–1999 годах

Дата	Рейтинг по международной шкале		Рейтинг по национальной шкале
	В иностранной валюте / Прогноз	В национальной валюте / Прогноз	
07.10.1996	BB-/ Стабильный/В	—/—/—	—
19.12.1997	BB-/ Негативный/В	—/—/—	—
27.05.1998	BB/ CreditWatch Негативный/В	—/—/—	—
09.06.1998	B+/ Стабильный/В	—/—/—	—
13.08.1998	B-/ Негативный/С	—/—/—	—
17.08.1998	CCC/ Негативный/С	—/—/—	—
16.09.1998	CCC-/ Негативный/С	—/—/—	—
27.01.1999	SD/ —/SD	—/—/—	—
07.05.1999	SD/ —/SD	CCC/ Стабильный/С	—

Источник: Standard&Poor's.

Однако сочетание мягкой бюджетной и жесткой денежной политики, открытость экономики, растущая зависимость отечественных финансов от притока или оттока капитала на развивающиеся рынки, зависимость платежного баланса страны от трудно прогнозируемых и изменявшихся в широком диапазоне цен на сырьевые ресурсы создавали риски устойчивости экономического роста, финансовой стабильности.

Таким образом, к концу 1997 года экономика, сохранявшая серьезные уязвимые для внешних факторов риски, тем не менее впервые с конца 1980-х годов вошла в зону экономического роста. По совокупности всех экономических и политических внутренних факторов Россия имела реальные шансы превратить начавшийся экономический рост в долговременный. Однако проблемы пришли, откуда их не ждали.

К середине 1990-х годов Юго-Восточная Азия считалась образцом экономического роста. Выражения «юго-восточное экономическое

чудо», «азиатские тигры» стали общим местом в газетных заголовках. Причинам такого многолетнего динамического роста, финансовой стабильности посвящено немало квалифицированных работ^[40]. Авторы некоторых публикаций обсуждали проблемы устойчивости экономического роста в этом регионе^[41], но и в них не было конкретного анализа возможности развития кризиса в нем.

Мировая экономика на протяжении последних 200 лет динамично менялась. Конфигурация финансовой и денежной систем, сложившаяся к моменту кризиса в Юго-Восточной Азии (отсутствие золотовалютного стандарта, плавающие курсы мировых резервных валют, открытые рынки капитала), сформировалась сравнительно недавно — в 1970–1980-х годах. Экспертное сообщество плохо понимало, как эта система работает, поэтому квалифицированные специалисты не сумели предвидеть ни мексиканский кризис 1994 года, ни кризис в Юго-Восточной Азии 1997–1998 годов^[42].

Важнейшим фактором изменения динамики экономического роста было резкое и неожиданное для большинства экспертов и инвесторов именение баланса притока-оттока капиталов в страны Юго-Восточной Азии (*рис. 18*). За ним последовали радикальные изменения темпов роста этих экономик (*рис. 19*).

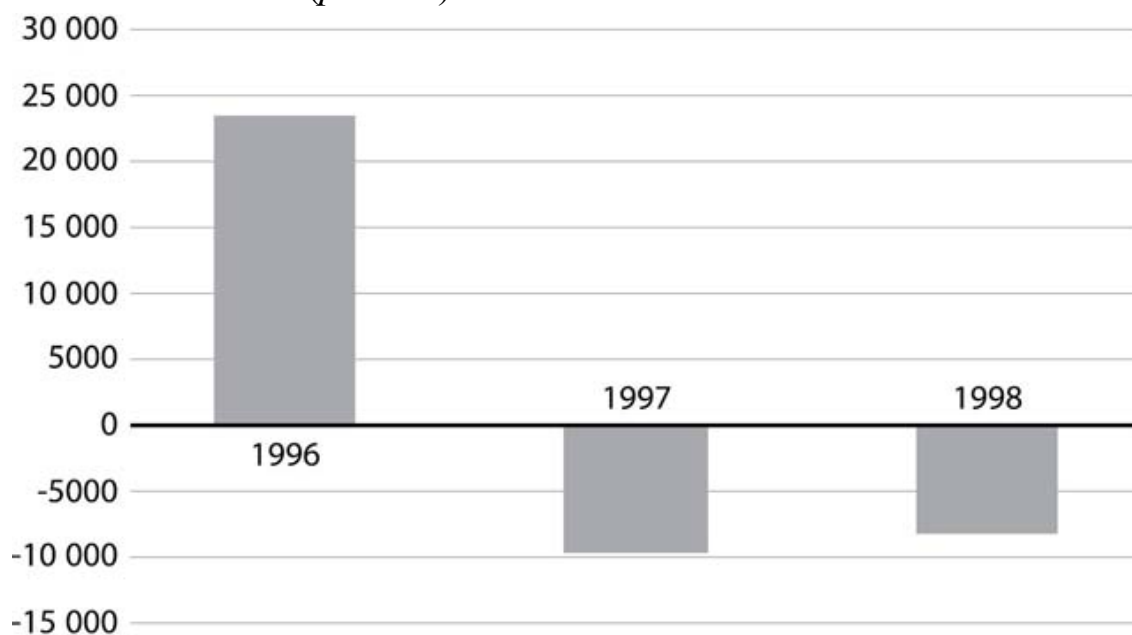


Рис. 18. Баланс притока/оттока капитала в Южную Корею в 1996–1998 годах, млн долларов*

** Баланс счета операций с капиталом и финансового счета.*

Источник: МВФ — IFS database, CD-ROM ed., June 2009.

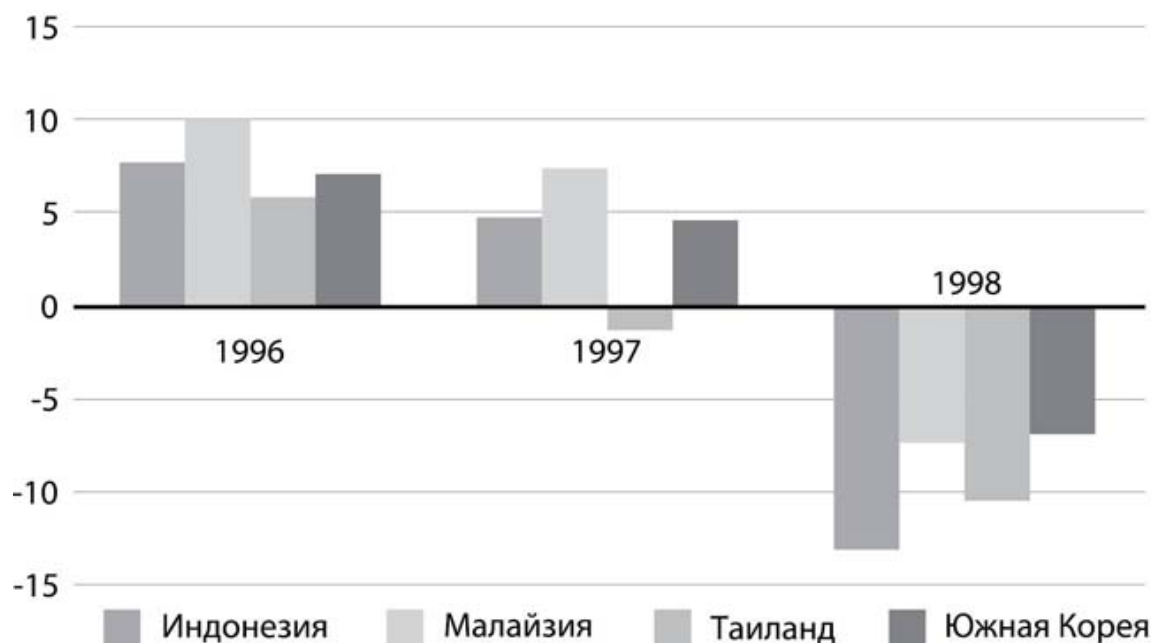


Рис. 19. Темпы прироста ВВП в Индонезии, Малайзии, Таиланде и Южной Корее в 1996–1998 годах, % к предыдущему году

Источник: Всемирный банк — World development indicators, 2009.

Инвесторы опасались, что происходившее в некоторых развивающихся странах могло распространиться на экономики сходных уровней развития. Они начали выводить финансовые ресурсы с таких рынков, принимая гипотезу, что проблемы, с которыми столкнулись страны Юго-Восточной Азии, могут распространиться на Латинскую Америку и постсоветское пространство. В таких ситуациях главные заботы участников рынка связаны не с долгосрочными перспективами той или иной экономики, а с сохранностью денег собственников. Временной горизонт ключевых решений становится коротким. Для стран, относящихся к категории развивающихся рынков и имеющих значительную краткосрочную задолженность, это создает непростые проблемы. Особенно это относится к странам, где финансовый и платежный баланс зависит от динамики цен на рынке сырья (рис. 20).

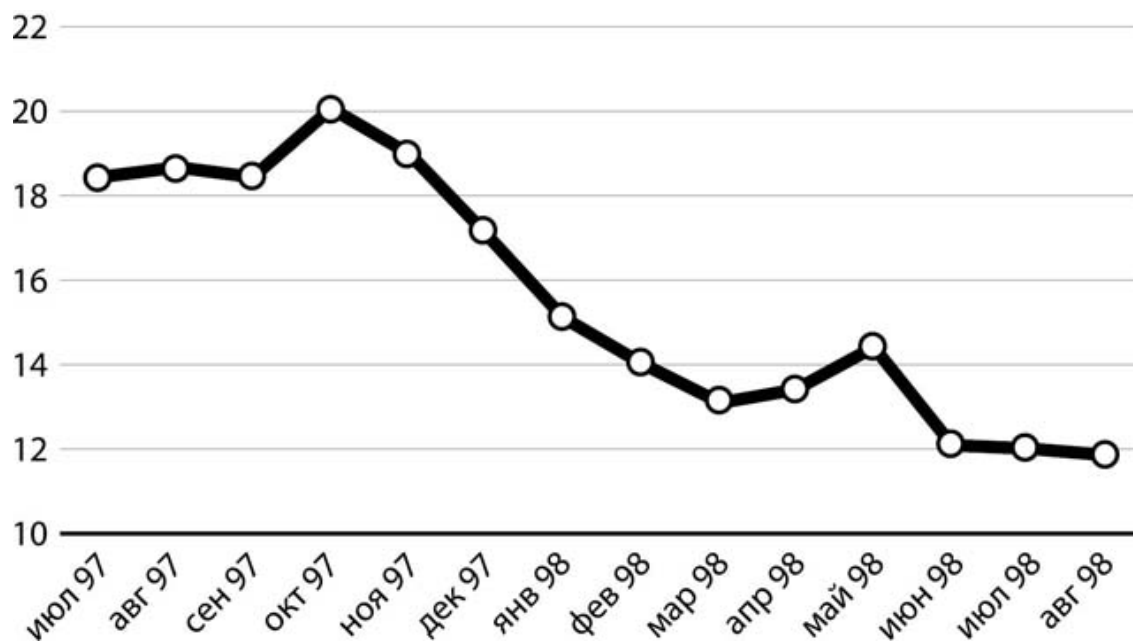


Рис. 20. Динамика цены на нефть марки Brent в июле 1997 — августе 1998 года, доллары за баррель

Источник: МВФ.

Инвесторам нетрудно понять, как происходящее на сырьевых рынках скажется на финансовых рынках. Отсюда их естественная реакция — вывод средств с наиболее рискованных рынков (рис. 21).

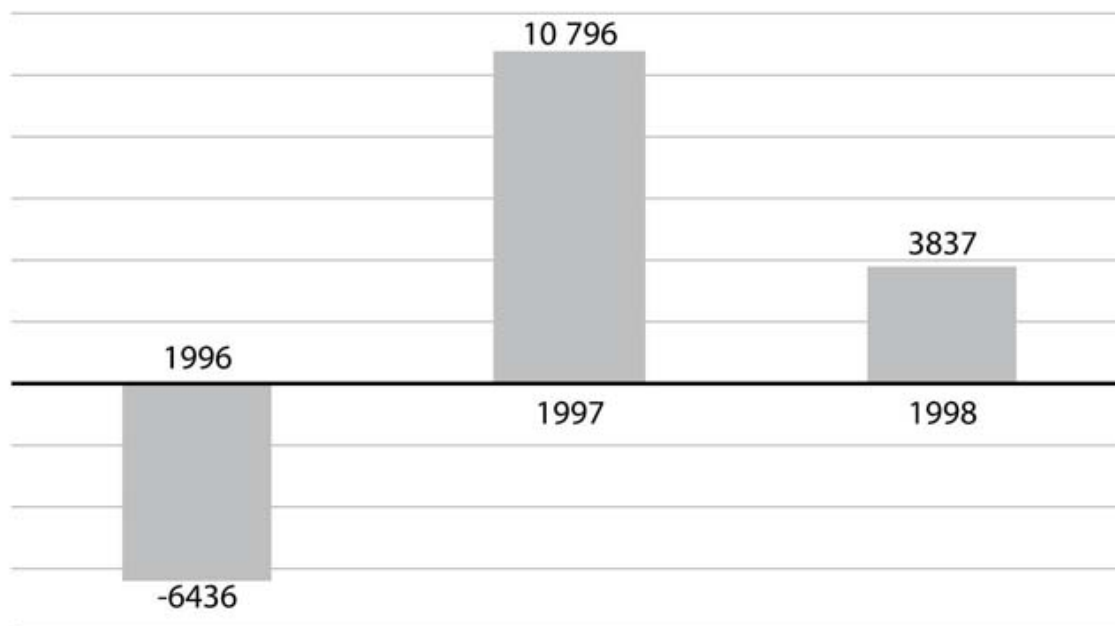


Рис. 21. Приток/отток капитала* в России в 1996–1998 годах, млн долларов

* *Баланс счета операций с капиталом и финансовыми инструментами.*

Источник: МВФ.

Начавшиеся позитивные тренды в российской экономике позволили, в частности, создать и нарастить золотовалютные резервы. В июле 1997 года в России они достигли 10,3 % ВВП (24,4 млрд долларов), в Бразилии — лишь около 7 % ВВП (63,8 млрд долларов) [43]. Тем не менее, обе страны входили в зону высоких экономических рисков, вызванных разворачивающимся кризисом в Юго-Восточной Азии.

Таким образом, едва сформировавшаяся российская рыночная экономика оказалась под двойным ударом — резкого снижения мировых цен на нефть и кризиса, начавшегося в Юго-Восточной Азии и перекинувшегося на Латинскую Америку. Кризис охватил более 20 государств. В Таиланде, Южной Корее, Филиппинах, Аргентине и Эстонии он привел к смене действовавшей власти. Причем в Индонезии и на Филиппинах был нарушен конституционный выборный процесс. В Индонезии в 1998 году и в Аргентине в 2001 году кризис сопровождался кровавыми столкновениями демонстрантов с властью, имелись раненые и погибшие (табл. 9).

Таблица 9

Мировой экономический кризис 1997–1999 годов

События	Страны
Произошли значимые экономические кризисы	Индонезия, Таиланд, Малайзия, Южная Корея, Гонконг, Япония, Сингапур, Филиппины, Россия, Казахстан, Литва, Эстония, Молдова, Бразилия, Аргентина, Чили, Колумбия, Боливия, Уругвай, Эквадор, Парагвай, Венесуэла
Из них в период или в результате кризиса оппозиция пришла к власти на выборах	Таиланд (1997), Южная Корея (1997), Филиппины (1998), Аргентина (1999), Эстония (1999)
Из них оппозиция пришла к власти на внеочередных выборах	Таиланд (1997)
Оппозиция пришла к власти без выборов (нормальный избирательный процесс был нарушен)	Индонезия (1998), Филиппины (2001)
Кровавые массовые столкновения с властью, имелись погибшие	Индонезия (1998), Аргентина (2001)

Источник: По материалам, предоставленным С. Жаворонковым и С. Шульгиным (ИЭПП).

В условиях изменившейся финансово-экономической ситуации, при падении цен на экспортные товары, составлявшие основу платежного баланса, возникла важная развилка: **радикально снизить курс национальной валюты или сохранить его относительную стабильность?**

Оба решения были рискованными. Радикальное снижение курса национальной валюты создавало угрозу стабильности банковской системы. Ведь при сочетании жесткой денежной и мягкой бюджетной политики банковская система гарантирует выполнение контрактов по валютным займам. Но при масштабной девальвации национальной валюты вернуть займы сложно. Решение о резком снижении курса национальной валюты означает, по сути, банкротство крупнейших частных банков: банковская паника, утрата населением значительной части вкладов, паралич системы кредитования реального сектора, остановка экономического роста. Причем в общественном сознании, тем более в политическом пространстве причиной такого катастрофического развития событий будут считаться сами действия правительства и Центрального банка по девальвации.

Но отказаться от девальвации рубля было тоже рискованно. Это создавало реальные риски утраты валютных резервов страны. Высокий спрос на валюту по выгодному для покупателей курсу, который вынужден поддерживать Центральный банк, быстро лишит его валютных резервов. Бразильские денежные и финансовые власти осознали этот вызов раньше российских. Они внесли коррективы в денежную и бюджетную политику почти сразу после начала кризиса в Юго-Восточной Азии.

Российские власти в то время были парализованы конфликтом между правительством младореформаторов и олигархами и, в отличие от бразильских властей, отреагировали на этот вызов позже. Последствия оказались серьезными: у инвесторов снизилось доверие к способности России выполнить свои финансовые обязательства.

В апреле 1998 года президент принял решение выдвинуть на должность председателя правительства С. Кириенко. Новое правительство хорошо понимало, что для защиты экономики от надвигающегося извне кризиса необходима жесткая программа мер,

которая была бы поддержана международными финансовыми институтами. Такая программа была оперативно разработана. В июне президент назначил своего представителя для проведения переговоров. Не вдаваясь в подробности, отметим самое важное: в сложных переговорах летом 1998 года удалось согласовать с Международным валютным фондом и Мировым банком пакет мер финансовой стабилизации и необходимые для этого ресурсы в размере 25 млрд долларов. Однако контролируемая коммунистами Госдума отказалась его принять^[44]. С политической точки зрения депутаты оказывались в ситуации двойного выигрыша: борясь с «закабалением России международным капиталом с помощью иностранных займов», они получали поддержку действий, которые неизбежно вели к экономической катастрофе, наносившей страшный удар по президенту и правительству и открывавшей коммунистам реальный путь к власти.

Инвесторы быстро поняли суть произошедшего и к началу августа 1998 года сделали вывод: надо скорее выводить деньги из России.

К 14–15 августа 1998 года стало ясно: если тенденции на финансовых рынках сохранятся, золотовалютные резервы будут исчерпаны, Россия, уйдя от подобной катастрофы в январе 1995 года, снова окажется в положении, в каком был СССР в ноябре 1991 года.

Возникла новая развилка: **отказаться от торможения инфляции и для погашения накопленного долга по ГКО вернуться к эмиссионному финансированию госбюджета или пойти на прямой дефолт по государственным ценным бумагам?**

При всей драматичности этих вариантов их следовало рассматривать предельно рационально в весьма сжатое и эмоционально насыщенное время.

Задолженность государства по ГКО-ОФЗ на 1 августа 1998 года составила 363 млрд рублей, что примерно равнялось запланированной сумме доходов федерального бюджета (*рис. 22*). В августе 1998 года правительство еженедельно занимало на рынке около 15 млрд рублей, из них 8 млрд рублей направлялись на погашение выпущенных ранее долговых обязательств, оставшиеся 7 млрд рублей — на здравоохранение, образование, социальные пособия, оборонные расходы, содержание государственных служб.

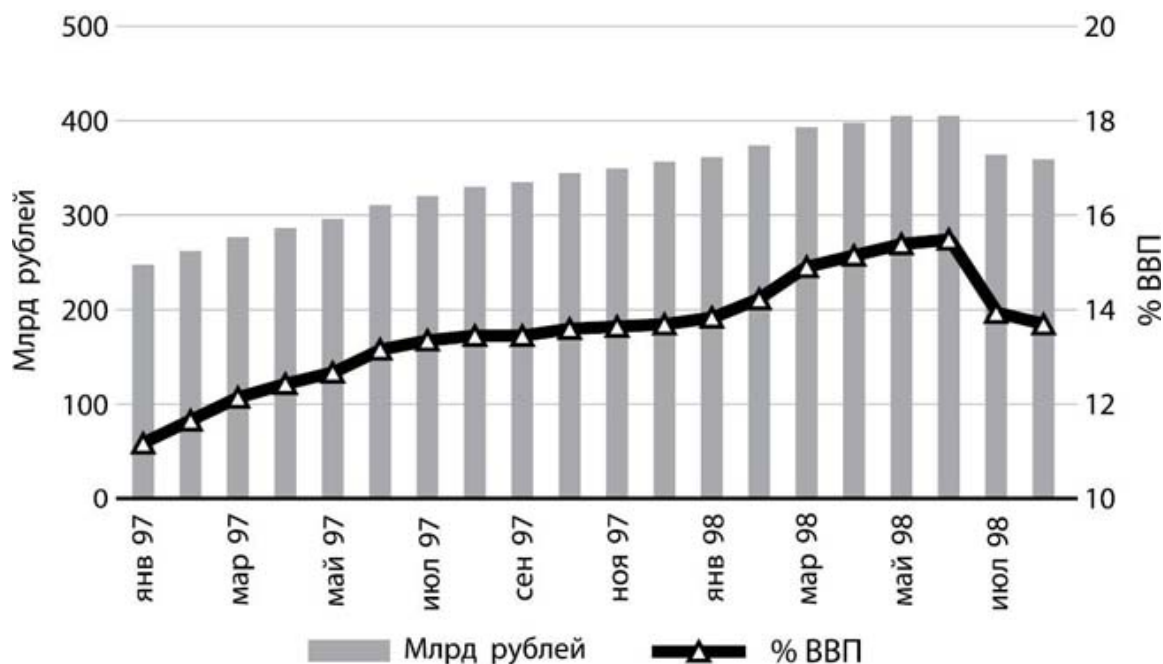


Рис. 22. Динамика государственного долга по ГКО-ОФЗ в январе 1997 — августе 1998 года

По оценкам ИЭПП, при эмиссионном финансировании погашаемых до конца 1998 года ГКО-ОФЗ прирост денежного предложения за август — декабрь 2008 года составил бы около 150 %, что разогнало бы инфляцию до уровня 10–12 % в месяц. Иными словами, прирост потребительских цен в 1998 году достиг бы 45–50 %, а в 1999 году — 120–140 %.

Не было уверенности, что при таком уровне инфляции производители сельскохозяйственной продукции согласятся поставлять в города продовольствие. Мировая экономическая история не вселяла оптимизма относительно того, что такая задача разрешима.

Был выбран второй вариант, также крайне неприятный и связанный с последствиями описанной выше вынужденной мягкой бюджетной политики 1995–1997 годов — дефолт по государственным ценным бумагам. Было ясно, что это решение нанесет удар по инвестиционной привлекательности российской экономики, стабильности банковской системы, сохранности вкладов населения. Но оно во многом повторяло опыт Южной Кореи, принявшей сходные решения в декабре 1997 года, оказавшиеся достаточно эффективными^[45]. Выбранный вариант поддержали мировые финансовые институты, в том числе МВФ. Решение о дефолте по ГКО и снижении курса рубля было

принято между 14 и 16 августа и объявлено 17 августа 1998 года. Более 90 % держателей государственных ценных бумаг в России согласились на предложенные властями условия реструктуризации^[46].

* * *

Кризис и дефолт августа 1998 года привел к немедленным тяжелейшим последствиям для населения и для всей экономики страны (табл. 10 и табл. 11).

Таблица 10

Потери от кризиса 1998 года

Потери	% ВВП
Общие потери экономики России	3,5
В том числе:	
Сокращение национальных сбережений за счет утраты капитала банковской системы	2,5
Обесценение вкладов населения и предприятий из-за неплатежеспособности банков и задержек платежей в условиях ускорения инфляции	0,7
Потери предприятий от кризиса расчетов	0,2
Потери бюджетной системы в результате инфляционного обесценения налоговых платежей, застрявших в неплатежеспособных банках	0,1

Примечание. Часть потерь российской банковской системы стала оборотной стороной выигрыша бюджета, переложившего на банки и население издержки по решению проблем бюджетно-долгового кризиса и резко сократившего расходы по обслуживанию государственного долга, благодаря замораживанию и реструктуризации ГКО-ОФЗ и дефолту по облигациям, выпущенным в рамках реструктуризации советского долга перед Лондонским клубом.

Источник: http://www.vedi.ru/o_cr/cr0015_r.htm 1999

Таблица 11

Последствия кризиса 1998 года

Резко ухудшилась платежеспособность банков, выросло число их банкротств. Если в первой половине 1998 года проблемные банки составляли около 30 % всех банков, то к 1 октября — почти 50 %, в них было сосредоточено около 40–45 % банковских активов. Число коммерческих банков за 1998 год сократилось на 13 % (с 1697 до 1476)

Уменьшились активы банков в результате обесценения ценных бумаг и увеличения доли сомнительной и безнадежной задолженности

в кредитных портфелях банков. Работающие активы банков сократились с 20 % ВВП в январе 1998 года до 15 % в январе 1999 года, а при снятии эффекта переоценки валютных кредитов — до 9,6 % ВВП

Население и предприятия изъяли существенную часть своих сбережений из банковской системы

Экономику поразили масштабный кризис расчетов, значительные потери понесли и предприятия, и бюджетная система

Потери банковской системы оценивались в 50–60 % банковского капитала, прямые убытки достигли 25–30%

Источник: http://www.vedi.ru/o_cr/cr0015_r.htm

В стране впервые за многие годы возродились панические настроения по поводу дефицита продуктов массового спроса^[47]. Угроза гиперинфляции и паралича продовольственного снабжения городов, которая ушла в прошлое в начале 1990-х годов, вновь стала активно обсуждаться (рис. 23).

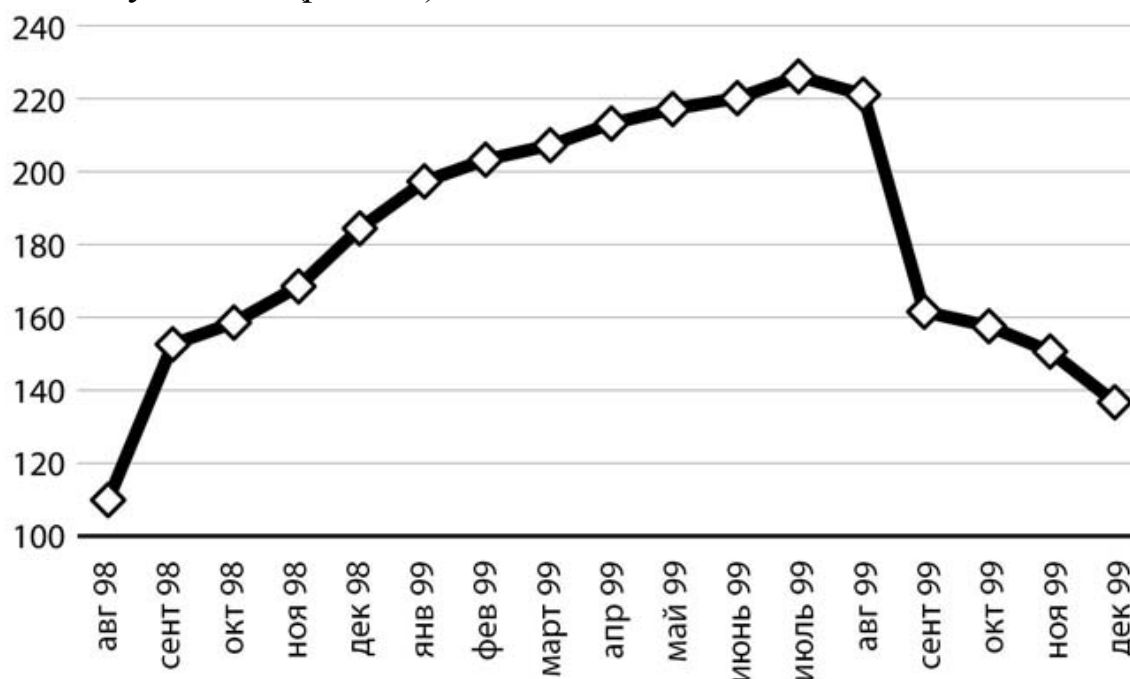


Рис. 23. Индекс потребительских цен в августе 1998 — декабре 1999 года, % к соответствующему периоду предыдущего года

Источник: База данных ГУ — ВШЭ. — http://stat.hse.ru/exes/tables/CPI_M_CHI.htm

Особенно болезненным было то, что больше всего от кризиса пострадал только начавший зарождаться средний класс — те, кто, поверив в новую экономику, начал свой бизнес. Сотни тысяч едва оформившихся частных собственников потеряли свой бизнес, миллионы граждан лишились работы.

Политическая плата за дефолт августа 1998 года была крайне тяжелой. Поддержка президента Б. Ельцина, заявившего за несколько дней до снижения курса рубля и дефолта, что снижения курса рубля не будет^[48], была подорвана, правительство «молодых реформаторов», возглавляемое С. Кириенко, отправлено в отставку. То же произошло и с руководством Центрального банка. Люди, с которыми руководители МВФ в середине августа оговаривали условия и программу финансовой стабилизации в России, договорились о финансовой помощи, оказались не у дел. Это де-факто снимало с руководства Международного валютного фонда принятые обязательства. Вернувшийся в Белый дом на короткое время в качестве исполняющего обязанности премьер-министра В. Черномырдин перед обсуждением его кандидатуры в Государственной Думе заявил о необходимости управляемой эмиссии, возврате к финансированию бюджетного дефицита за счет кредитов Центрального банка. Курс рубля по отношению к доллару рухнул (рис. 24).

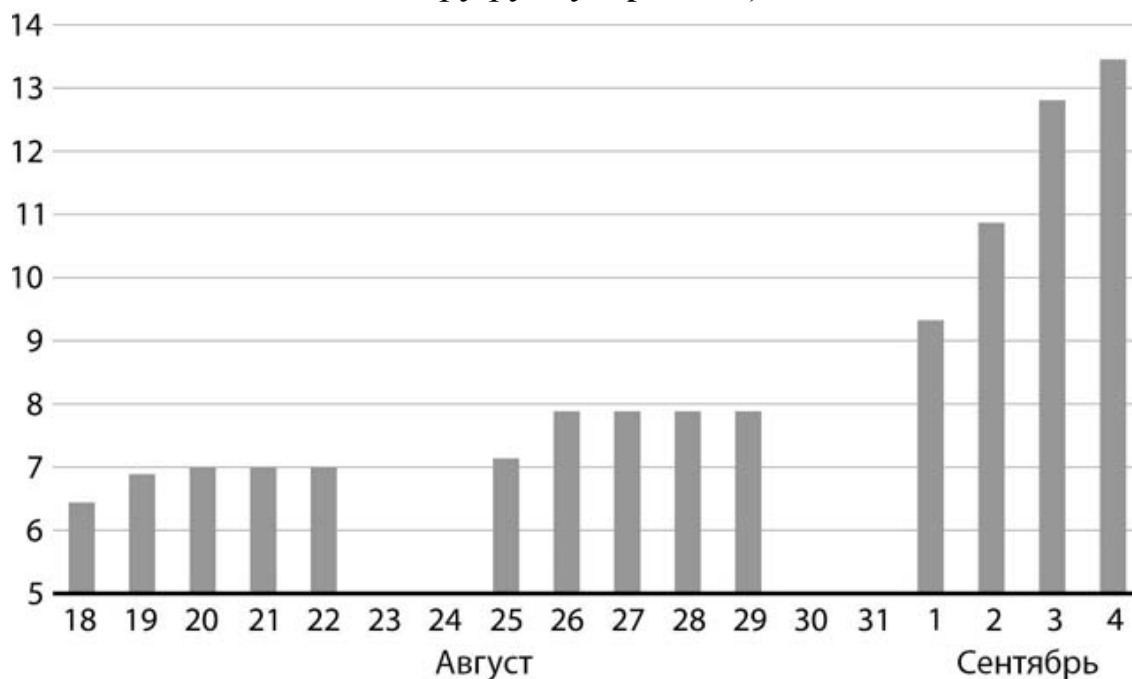


Рис. 24. Обменный курс рубля по отношению к доллару между 17 августа и 4 сентября 1998 года, рублей за доллар

Источник: ЦБ РФ.

В этой ситуации президент Б. Ельцин пошел на уникальный и крайне рискованный политический маневр: назначение первого в истории пореформенной России левого правительства во главе с Е. Примаковым. При всей персональной лояльности нового премьера президенту (в предшествующие 5 лет он назначался Б. Ельциным на ответственные посты руководителя Службы внешней разведки, затем министра иностранных дел), в правительство на ключевые посты были назначены умеренные левые, опиравшиеся на парламентское большинство коммунистов в Госдуме.

Страна вновь оказалась перед исторической развилкой: **возврат к социализму или продолжение построения рыночной экономики на основе частной собственности?**

СМИ были полны утверждениями о том, что кризис поставил крест на российских реформах, доказал их несостоятельность, что в России рыночные преобразования невозможны и надо искать особый третий путь. Высказывались прогнозы о грядущей национализации, возрождении Госплана, неумеренной денежной эмиссии.

Перед правительством встал выбор: **сделать то, что предлагало на протяжении многих лет парламентское большинство, то есть отказаться от поддержки МВФ и Мирового банка, вернуться к эмиссионному финансированию бюджета — что означало бы войти в режим гиперинфляции с ее предвидимыми последствиями, или же вернуться к консервативной финансовой политике, согласиться с тем, что инфляционный всплеск конца августа — сентября 1998 года снизит финансовые обязательства государства и создаст базу для последующего снижения инфляции?**

В этой развилке значительную роль вновь сыграл персональный фактор. Опытнейший политик Примаков при всех советах левых хорошо понимал, что в этот раз именно этим политическим силам и ему персонально придется отвечать за последствия.

Правительство Примакова не приняло предложения вернуть частную собственность государству, установить контроль над ценами, усилить денежную эмиссию. При минимальном объеме принятых решений оно удержало политическую стабильность в России на фоне

резкого снижения жизненного уровня и кризиса банковской системы. На практике после девяти месяцев пребывания Е. Примакова у власти страна имела профицит бюджета, договоренность с МВФ и Мировым банком о кредитах и ту же экономическую политику, что проводило прежнее правительство (рис. 25).

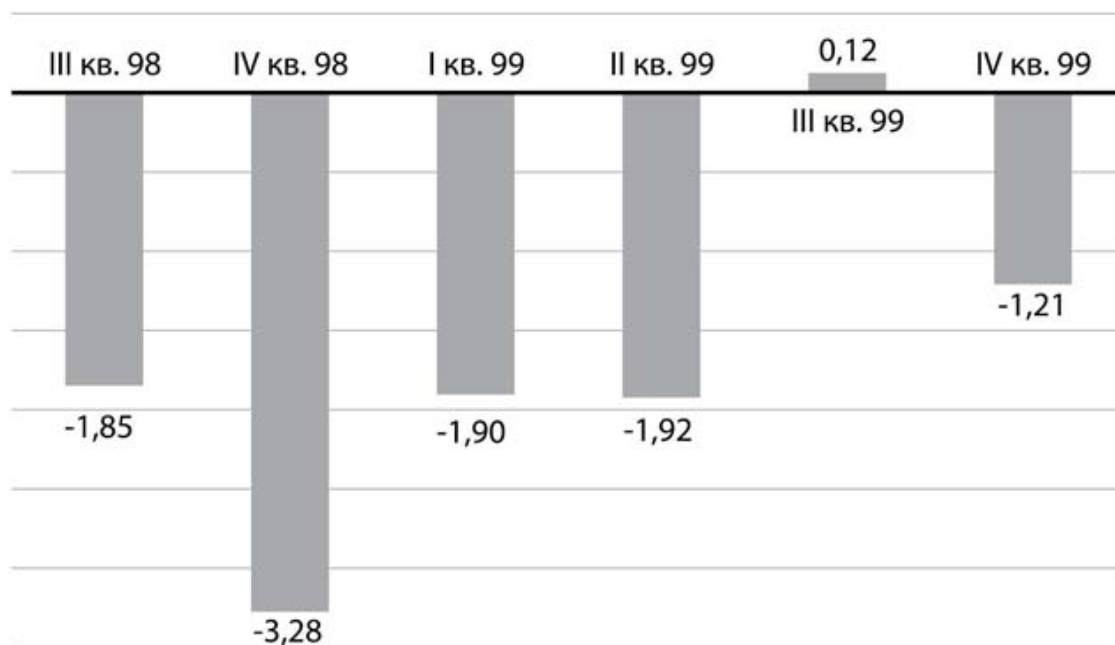


Рис. 25. Дефицит/профицит консолидированного бюджета РФ в III квартале 1998 — IV квартале 1999 года, % ВВП

Источник: Росказна.

Эксперимент по пребыванию левых осенью 1998 года у руля власти показал, что они не смогли развернуть страну назад, в «светлое советское прошлое». На практике было доказано, что и в России выход из кризиса и дальнейшее развитие экономики возможны только в условиях макроэкономической стабилизации и на основе частной собственности.

Левые, придя к власти в 1998 году, оказались не в состоянии реализовать ни один из своих лозунгов — ни национализацию промышленности, ни отмену хождения доллара, ни введение госконтроля за ценами. Этот исторический эксперимент показал: проведенные ранее рыночные преобразования задали рамки для принятия глобальных экономических решений. Левые не смогли вырваться за эти рамки.

Механизмы рыночной экономики достигли такой зрелости, что их реакция на кризис оказалась вполне адекватной. Разорвались неэффективные убыточные производства, а компании, способные расти и развиваться, росли и развивались. Долгосрочные последствия выбранной в результате дефолта развилки и последующие действия правительства Примакова привели к тому, что начавшийся в 1997 году и прерванный кризисом 1997–1998 годов экономический рост в России возобновился уже в начале 1999 года и оказался устойчивым на протяжении следующего десятилетия (рис. 26).

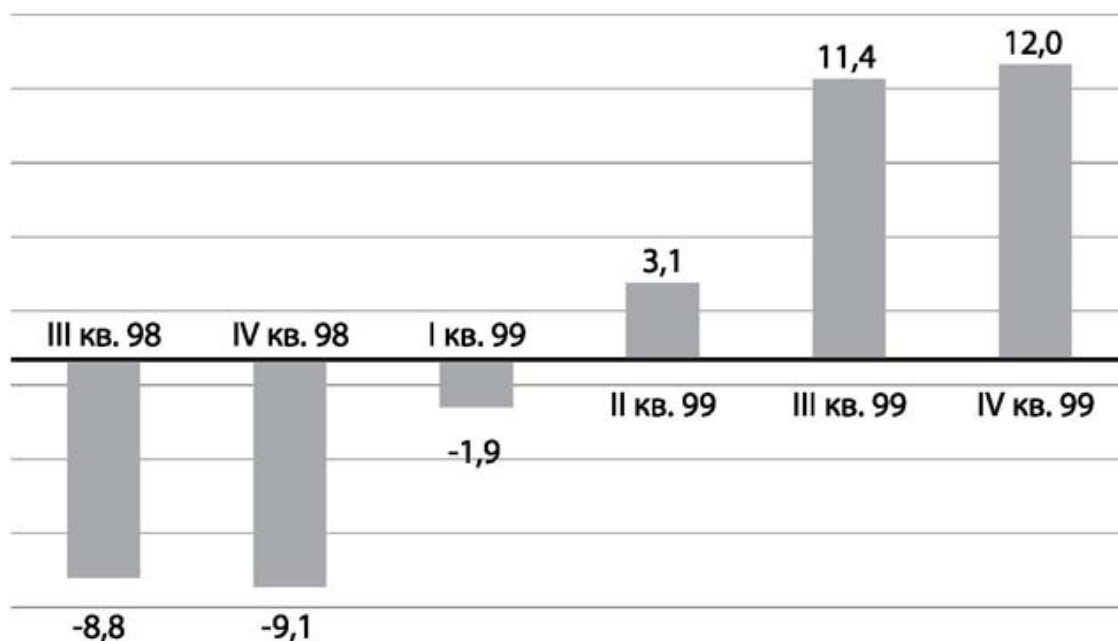


Рис. 26. Темпы прироста ВВП в III квартале 1998 — IV квартале 1999 года, % к соответствующему периоду предыдущего года

Источник: База данных ГУ — ВШЭ.

http://stat.hse.ru/exes/tables/GDP_Q_I.htm

Финансы страны стабилизировались (рис. 27).



Рис. 27. Баланс* федерального бюджета и бюджета расширенного правительства в 1998–2008 годах, % ВВП

* «-» — дефицит, «+» — профицит бюджета.

Источник: Росказна.

К весне 1999 года коммунисты, вдохновленные позитивной экономической динамикой, опираясь на парламентское большинство, пошли в решающую политическую атаку на Президента и вынесли на голосование вопрос об импичменте президенту Б. Ельцину^[49]. Ответ Ельцина был характерен для его политического стиля: он отправил в отставку правительство Е. Примакова. Голосование по импичменту президента для коммунистов кончилось неудачно. Имевшегося у них простого большинства оказалось недостаточно для получения конституционного большинства по поставленным вопросам. Ни по одному из пунктов обвинения не было набрано необходимых 300 голосов. За обвинение в развале СССР проголосовало 239 депутатов, за обвинение в событиях 1993 года — 263, за обвинение в развале армии — 241, за обвинение в войне в Чечне — 283, за обвинение в геноциде российского народа — 238. Таким образом, Ельцин блестяще завершил уникальный политический эксперимент по назначению и отставке левого правительства в России.

2000–2008 годы

Следующая развилка, которая широко обсуждалась в прессе, на наш взгляд, не была реальной. Она сводилась к вопросу, сочтет ли Б. Ельцин возможным и необходимым остаться президентом на третий срок. Мы были убеждены, что это невозможно. Это противоречило положениям Конституции, которую он одобрил, противоречило представлениям первого президента России о правах и свободах российских граждан.

После отставки правительства Примакова у Ельцина была свобода маневра в выборе кандидата в президенты. Почему он остановил свой выбор на В. Путине — вопрос, на который мог ответить лишь сам первый президент России. Однако то, что экономический рост в России, начавшийся в 1997 году, возобновился в середине 1999 года, когда премьерами были последовательно Е. Примаков и С. Степашин, — статистически доказанный факт.

Развилка, которая встала перед новым президентом, была предельно проста: **реализовывать экономические реформы, выработанные для второго срока президента Ельцина и не воплощенные в жизнь из-за недостаточной поддержки Госдумой или отказаться от них?**

Напомним фон, на котором приходилось делать выбор руководству страны: экономический рост в 1999 году лишь начал восстанавливаться после кризиса 1998 года (*рис. 28*). Это сегодня кажется, что устойчивость экономического роста, начавшегося в 1999 году, будет долгосрочной. В то время в этом мало кто был уверен^[50].

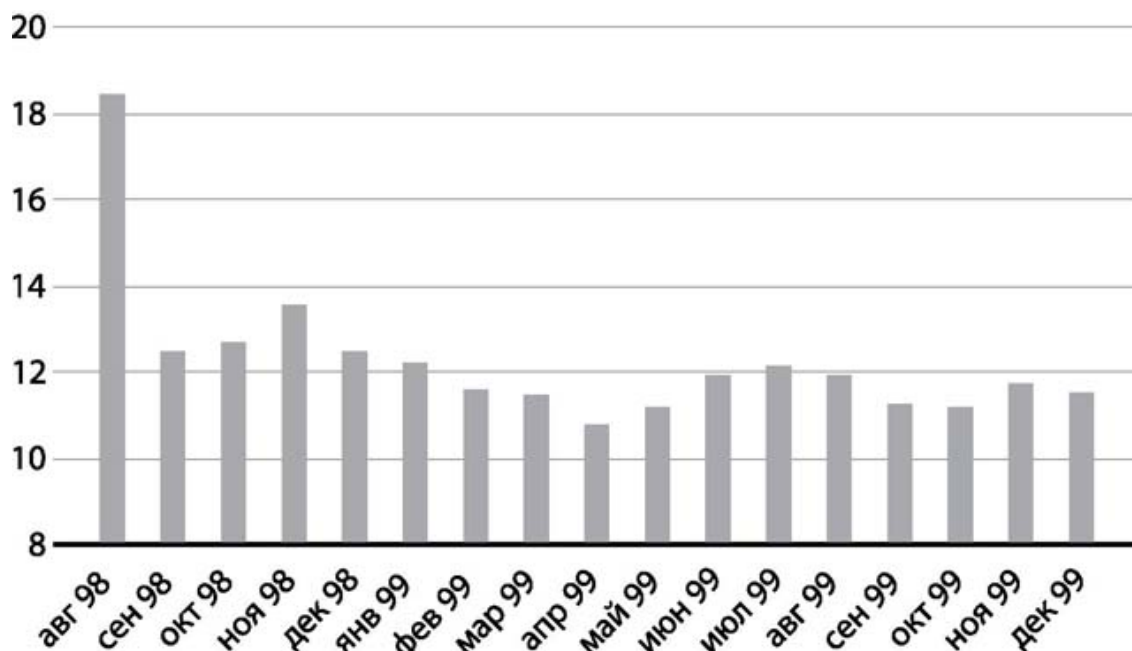


Рис. 28. Золотовалютные резервы РФ в августе 1998 — декабре 1999 года, млрд долларов

Источник: ЦБ РФ.

После дефолта 1998 года доступ к валютным кредитам был ограниченным. Обязательства по обслуживанию внешнего долга, которые придется выполнить в ближайшие годы, были велики. В этих условиях отказ от реформ, позволявших заложить основу финансовой стабильности и устойчивого экономического роста, был опасен для стабильности политической элиты, которая в конце 1999 — начале 2000 года пришла к власти в России. Она выбрала иной вариант: опираясь на парламентское большинство, реализовать экономические реформы. Преимуществом было то, что контуры этих реформ уже были проработаны для второго срока президентства Б. Ельцина.

Это налоговая реформа, включающая введение плоского подоходного налога, снижение налога на прибыль при ограничении набора льгот; реформа налогообложения доходов, связанных с природной рентой, упорядочение взимания экспортных пошлин на природные ресурсы; реформа фискального федерализма. Все доходы от налога на добавленную стоимость стали направляться в федеральный бюджет, а доходы от налога на доходы физических лиц — в региональные бюджеты. Элементами реформ стало оформление прав частного оборота на землю, создание Стабилизационного фонда,

позволяющего сгладить влияние колебаний цен на сырьевые товары на платежный баланс и бюджетную систему страны.

Всё это вместе с преобразованиями 1990-х годов заложило основу динамичного роста российской экономики в 2000–2008 годах, финансовой стабильности страны (*рис. 29* и *рис. 30*).



Рис. 29. Баланс федерального бюджета и бюджета расширенного правительства РФ в 1998–2010 годах, % ВВП*

* «~» — дефицит, «+» — профицит бюджета.

Источник: Росказна.

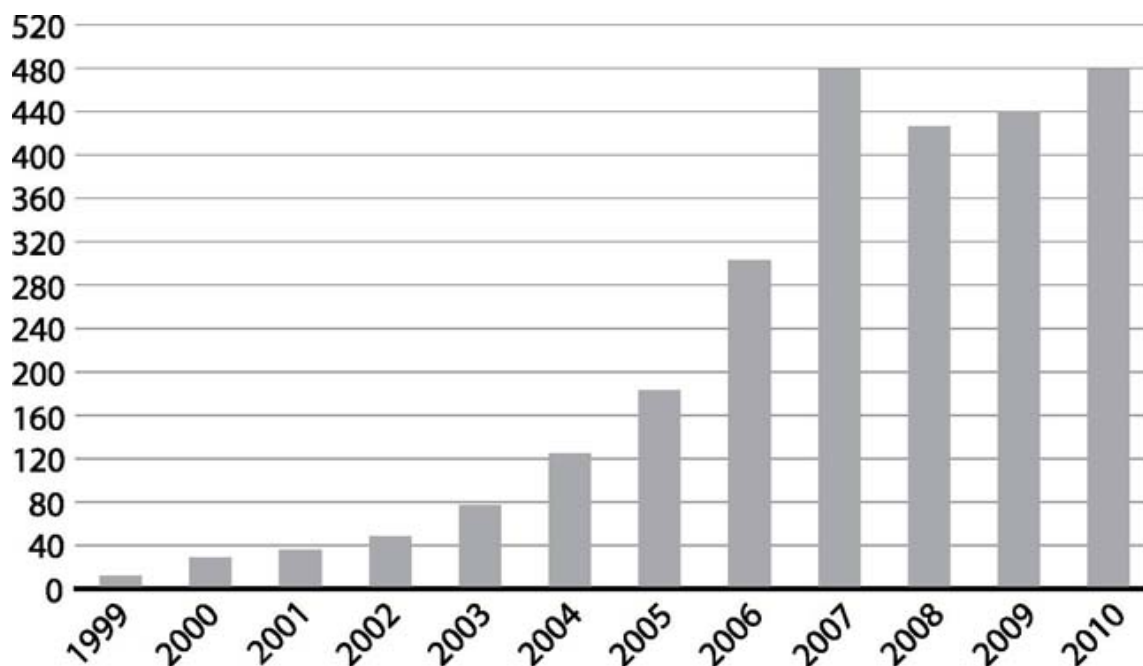


Рис. 30. Золотовалютные резервы России в 1999–2010 годах (на конец года), млрд долларов

Источник: ЦБ РФ.

К 2003 году стало ясно, что кризисные процессы, связанные с крахом советской экономики, позади, экономика динамично растет, ее финансовое положение устойчиво (*табл. 12*).

Таблица 12

Кредитный рейтинг России по материалам Standard&Poor's в 1999–2003 годах

Дата	В иностранной валюте / Прогноз	В национальной валюте / Прогноз	Рейтинг по национальной шкале
03.11.2003	BB/ Стабильный/В	BB+/ Стабильный/В	—
05.12.2002	BB/ Стабильный/В	BB+/ Стабильный/В	—
26.07.2002	BB-/ Стабильный/В	BB-/ Стабильный/В	—
22.02.2002	B+/ Позитивный/В	B+/ Позитивный/В	ruAA+
19.12.2001	B+/ Стабильный/В	B+/ Стабильный/В	—
04.10.2001	B/ Позитивный/В	B/ Позитивный/В	—
28.06.2001	B/ Стабильный/В	B/ Стабильный/В	—
08.12.2000	B-/ Стабильный/С	B-/ Стабильный/С	—
27.07.2000	SD/ —/SD	B-/ Стабильный/С	—
15.02.2000	SD/ —/SD	CCC+/ Позитивный/С	—
07.05.1999	SD/ —/SD	CCC/ Стабильный/С	—
27.01.1999	SD/ —/SD	—/—/—	—

Источник: Standard&Poor's.

На этом фоне свобода маневра российских властей в экономической, внутренней и внешней политике расширилась. Тема проблемы 2003 года, о которой столько говорили в начале 2000 года, ушла в прошлое^[51].

На первый план вышли два вопроса. Как выстраивать отношения с крупным бизнесом, с теми, кого в конце 1990-х годов называли

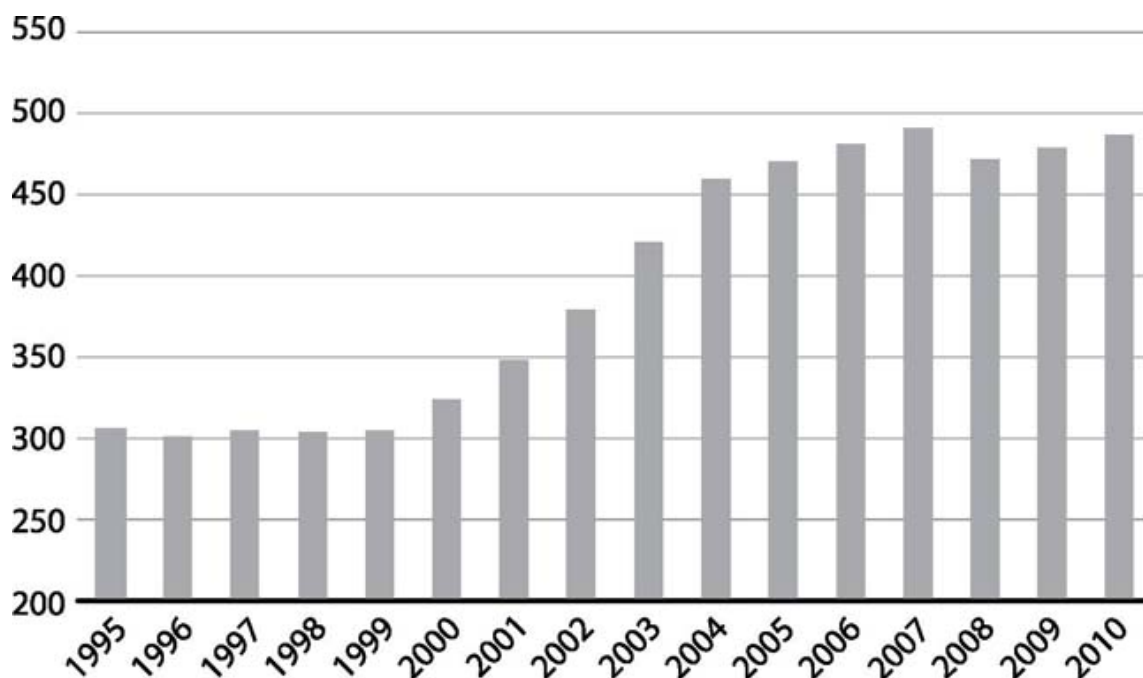
олигархами? И что делать с политической системой?

В начале 2003 года олигархи были еще очень влиятельны. Они контролировали думское большинство, без их поддержки было трудно провести законы, которые власть считала необходимыми, в том числе важные для бюджетного процесса. Российские олигархи приглашали экспертов, имевших опыт лоббирования в Конгрессе США. Они знали, как включить выгодные для крупного бизнеса поправки именно в те законопроекты, на которые президент не может наложить вето. Для Вашингтона это — столетняя практика. Но Москва — не Вашингтон. Здесь нет устоявшейся демократии налогоплательщиков. Отсюда — конфликт между руководством ЮКОСа и властью. За ЮКОСом — поддержка нефтяного лобби, серьезное влияние в Госдуме, за президентом — исполнительная власть, возможность использовать государственное насилие, чтобы решить проблему.

Суть проблемы была проста: **попытаться договориться, найти компромисс или пойти на конфронтацию.**

Обе стороны выбрали конфронтацию^[52]. Проблема была не в деньгах. И для власти, и для ЮКОСа деньги были второстепенным вопросом. Суть была в ином: кто главный в стране. По сути, это было повторением конфликта, который страна уже однажды прошла в 1997 году. Как было сказано выше, власть не должна отдавать свои законные полномочия бизнесу. Однако означает ли это, что в сложившемся противостоянии власть должна использовать методы селективного правосудия и сомнительного судопроизводства? Выбор властью именно такого способа борьбы вызвал резкий протест бизнес-сообщества, политических партий, общественности^[53].

Вслед за этим после активных действий правоохранительной системы, включая аресты, из страны выехали Березовский, Гусинский и другие крупные предприниматели. Однако до настоящего времени именно арест Ходорковского и последовавший за ним первый и второй судебные процессы вызывают активное неприятие российской и зарубежной общественности и ряда государств мира. Драматическими оказались не только долгосрочные политические, но и экономические последствия этих действий: в 2006–2007 годах произошла фактическая ренационализация значительной части нефтяной отрасли, после чего в стране добыча нефти, которая динамично росла после приватизации, стала снижаться (рис. 31).



*Рис. 31. Добыча нефти в России в 1995–2010 годах, млн тонн
Источники: Госкомстат СССР, Росстат.*

* * *

Для мировой экономики последних двух веков характерно сочетание беспрецедентного ускорения экономического роста и экономических циклов. В диапазоне примерно 5–10 лет экономический рост снижается, а иногда сменяется спадом в крупнейших экономиках мира. Этому предмету посвящено много литературы, но прогнозировать экономические кризисы эксперты пока не научились. Когда появилась сопоставимая макростатистика за сколько-нибудь продолжительный период, выяснилось, что периоды между более глубокими падениями производства существенно различаются и лишь в редких случаях равны 9–11 годам ^[54].

Для стран, платежный баланс, финансы которых зависят от колеблющихся в широком диапазоне цен на сырьевые товары, это создает риски. В случае замедления глобального экономического роста высока вероятность ухудшения состояния платежного баланса, возникновения бюджетного дефицита. Еще одна угроза — изменение направления потоков капитала. Краткосрочные инвестиции приходят на рынки стран, производящих сырье, цены на которое по историческим меркам высоки. Но происходит быстрый отток

инвестиций, когда экономический рост замедляется и цены на сырьевые ресурсы падают. Отсюда стремление руководства стран, экономика которых зависит от конъюнктуры сырьевых рынков, застраховаться от рисков, связанных с колебаниями темпов глобального экономического роста, конъюнктуры рынков сырьевых товаров^[55].

Падение мировых цен на нефть в 1985–1986 годах не было причиной краха советской экономики. Причины были более глубокими, связанными с выбранной на рубеже 1920–1930-х годов стратегией социалистической индустриализации. Но падение цен стало поводом, определившим острую фазу кризиса. Советский Союз никогда не формировал крупных валютных резервов. Об их создании в России в 1990-х годах говорить было трудно. Страна оправлялась от тяжелого кризиса, связанного с крахом советской экономики, вынуждена была обслуживать оставшийся в наследство от Советского Союза внешний долг. В 1997 году золотовалютные резервы постепенно возрастали, но после начала кризиса в Юго-Восточной Азии вновь стали сокращаться (рис. 32).

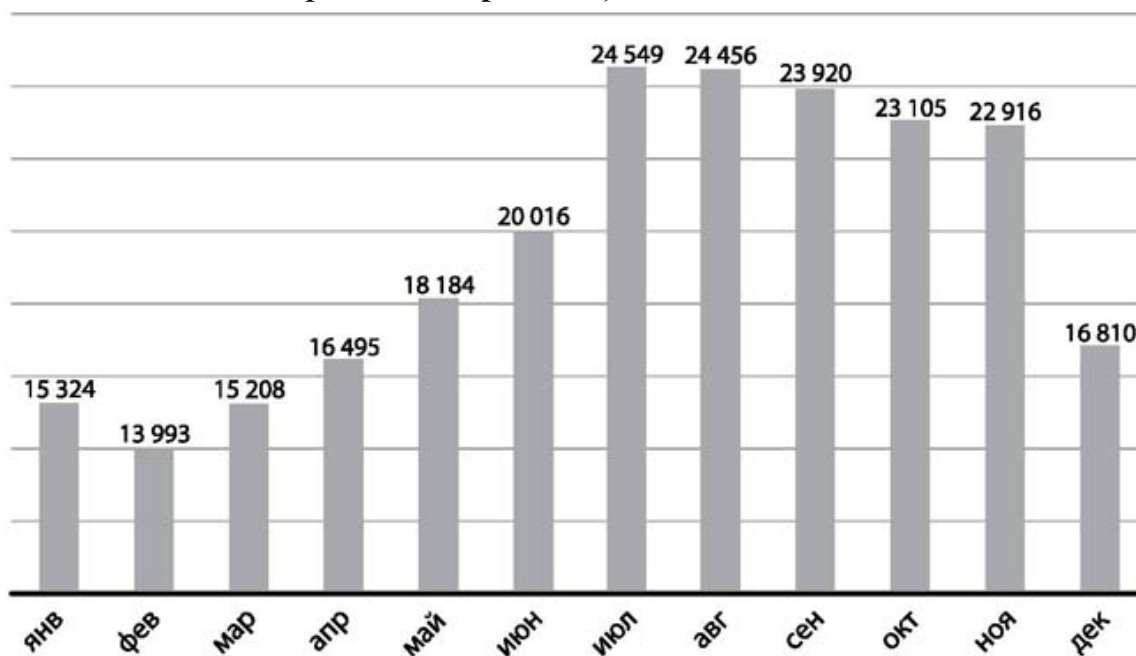


Рис. 32. Золотовалютные резервы России в 1997 году, млн долларов
Источник: ЦБ РФ.

Начало стабильного экономического роста в 1999 году, проведенная налоговая реформа, финансовая устойчивость поставили

перед российской властью вопрос: **создавать инструменты, позволяющие решать финансовые проблемы страны при неблагоприятной конъюнктуре на важнейшие экспортные сырьевые товары, или расходовать все бюджетные средства на текущие нужды?**

Дискуссия по этому вопросу была острой^[56]. Стабилизационный фонд РФ был создан на основании Закона «О внесении дополнений в Бюджетный кодекс РФ в части создания Стабилизационного фонда РФ» от 23 декабря 2003 года № 184-ФЗ, который вступил в силу 1 января 2004 года. Это произошло перед тем, как цены на важнейшие товары российского экспорта вышли на аномально высокий по историческим меркам уровень (рис. 33).



Рис. 33. Динамика цен на сырую нефть в 1970–2010 годах (в ценах 2000 года), доллары за баррель

Источники: IMF International financial Statistics; WTRG Economics. — <http://wtrg.com>

Аргументы в пользу создания Стабилизационного фонда, затем трансформированного в Резервный фонд и Фонд национального благосостояния (рис. 34), заключались в том, что страна не может зависеть от труднопрогнозируемых факторов, которые она не контролирует. Государство должно иметь финансовые резервы для

управления экономической ситуацией в условиях кризиса сырьевых рынков.

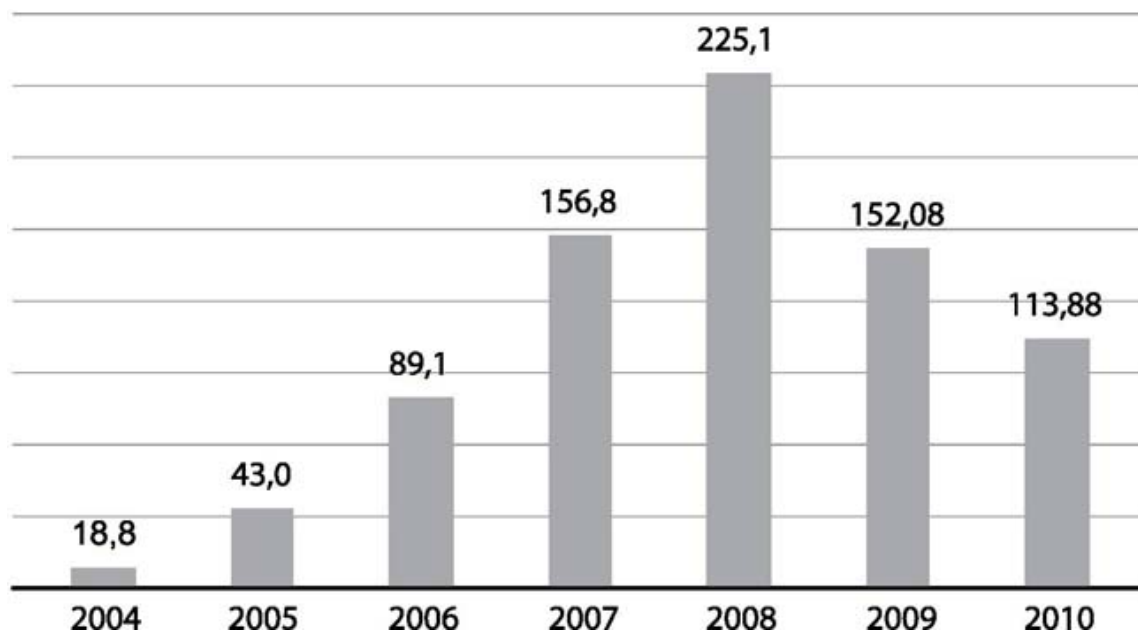


Рис. 34. Размер Стабилизационного фонда в 2004–2007 годах и совокупный объем Резервного фонда и Фонда национального благосостояния с 2008 года, млрд долларов

Источники: Минфин, ЦБ РФ.

Вплоть до 2007 года руководство страны поддерживало консервативную политику, за которую выступали денежные и финансовые власти. Она заключалась в том, что темпы роста расходов госбюджета не должны превышать рост валового внутреннего продукта (*рис. 35*). Но проводить такую политику в условиях аномально высоких цен на экспортные товары непросто. Слишком много было охотников получить доступ к средствам Стабилизационного фонда. Когда финансовая стабилизация, профицит бюджета, динамичный экономический рост, быстрый рост золотовалютных резервов (*рис. 36*) в условиях аномально высоких цен на нефть стали реальностью, в 2006–2007 годах оформилась новая развилка.

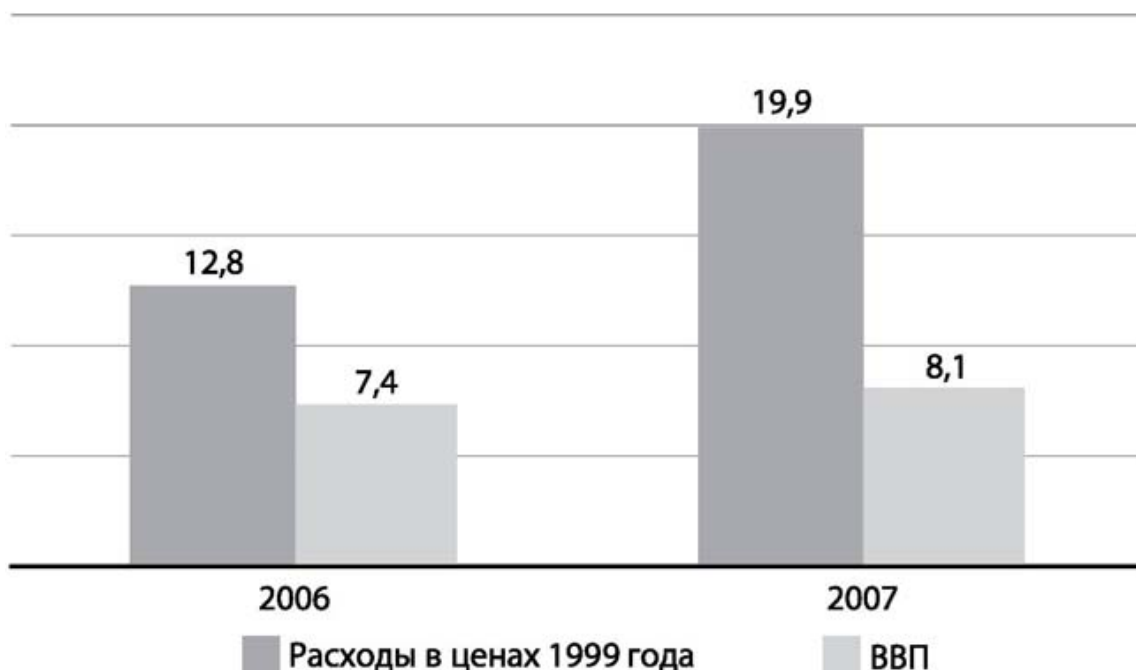


Рис. 35. Темпы роста расходов расширенного правительства РФ и ВВП в 2006–2007 годах в реальном исчислении, % к предыдущему году
Источники: Росстат, Росказна.

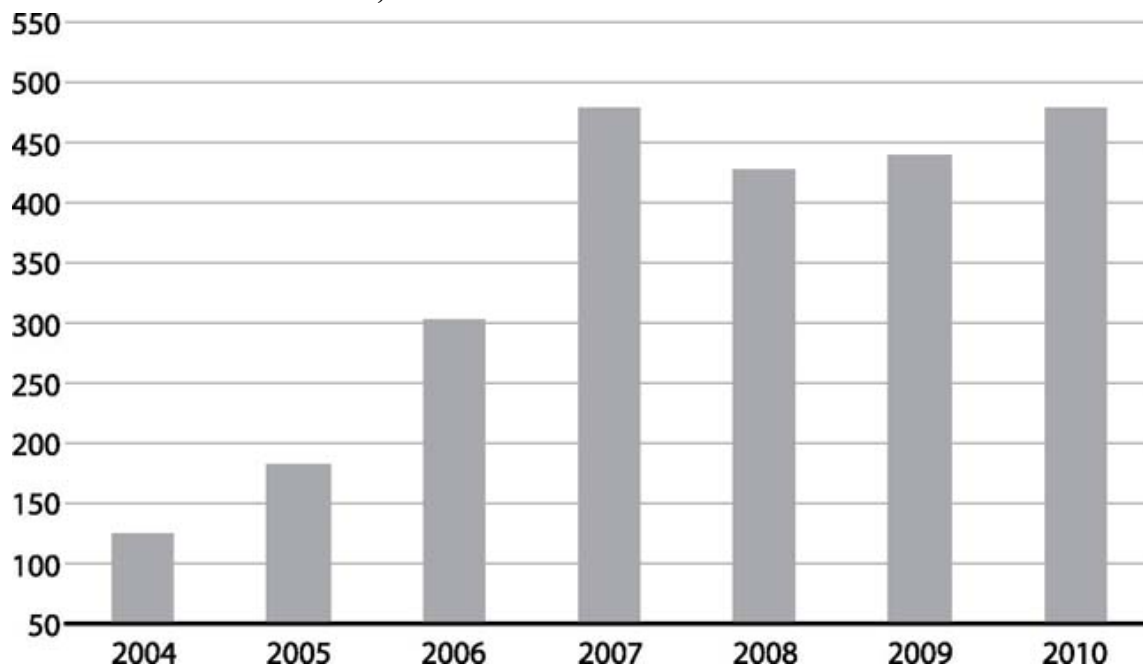


Рис. 36. Золотовалютные резервы России в 2004–2010 годах (на конец года), млрд долларов
Источник: ЦБ РФ.

Вот ее суть: следует ли продолжать политику накопления доходов от экспорта сырья, вкладывать их в ликвидные

международные активы, ограничивать рост бюджетных расходов, или нужно отказаться от этой политики и начать наращивать вложения в национальную экономику темпами, превышающими рост ВВП?

Решение было сделано в пользу второго варианта^[57]. Производственные мощности в стране ограничены. Их невозможно резко увеличить за несколько месяцев. Поэтому увеличение государственных расходов, произошедшее в 2007 году, привело лишь к ускорению инфляции (*рис. 37*). Один из каналов, связывающих темпы инфляции с перегревом экономики — рост дефицита квалифицированных трудовых кадров (*рис. 38*).

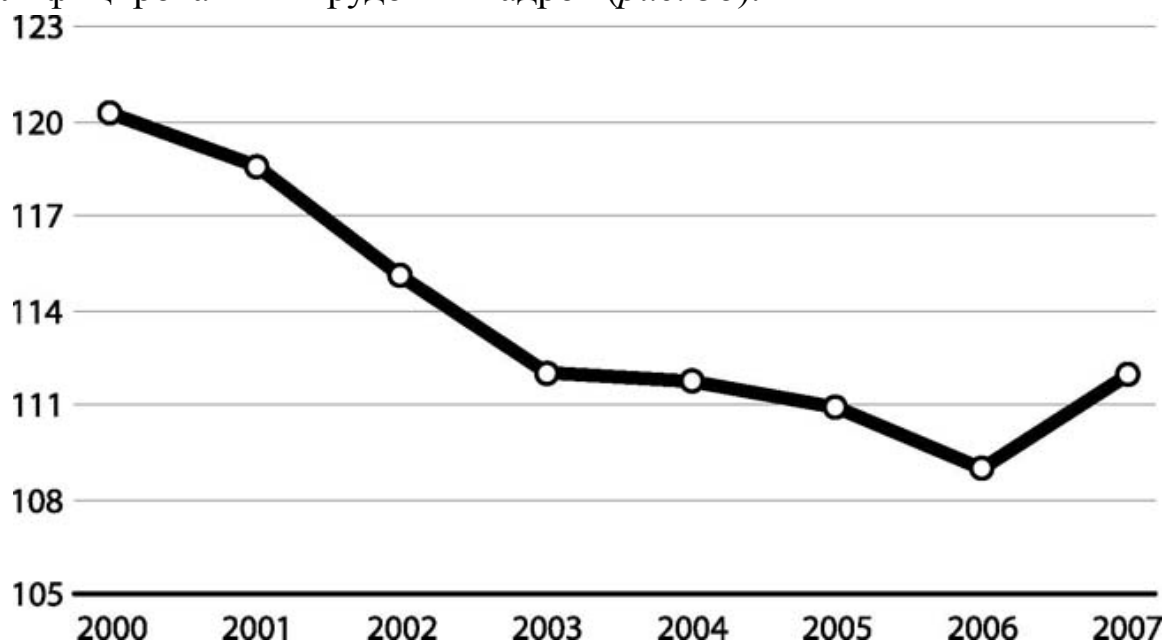


Рис. 37. Темпы инфляции в России в 2000–2007 годах, % к предыдущему году

Источник: Росстат.

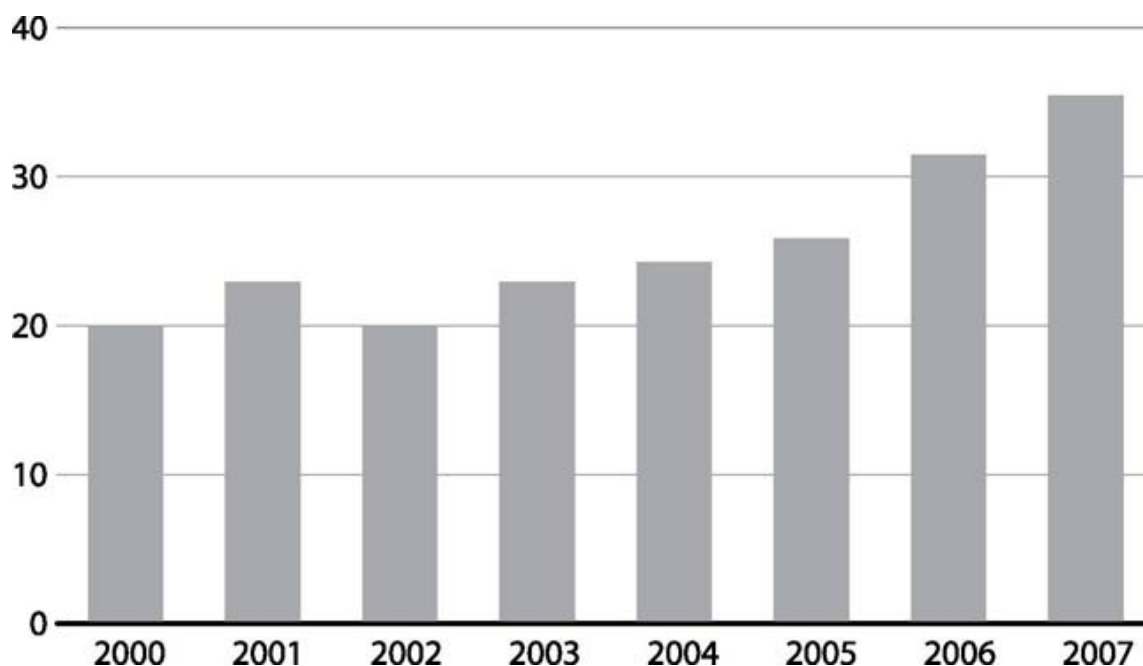


Рис. 38. Доля промышленных предприятий, считавших недостаток рабочей силы помехой росту выпуска в 2000–2007 годах (среднегодовые данные), %

Источник: Конъюнктурные опросы ИЭПП. — www.iet.ru

Попытка ускорить экономический рост за пределы уровня, который может обеспечить национальная экономика, была предпринята не в самое удачное время. Мир приближался к глубокому кризису экономического развития. Сегодня с этим мало кто спорит. Время, причины, масштабы экономического кризиса экспертное сообщество пока прогнозировать не может. Но то, что рано или поздно замедление глобального экономического роста произойдет, предугадать было нетрудно.

Значительная часть российского экспертного сообщества не соглашалась с необходимостью учета рисков замедления мирового экономического роста для экономического развития России^[58]. К сожалению, они оказались неправы. Кризис все-таки разразился и больно ударил по нашей стране. Национальное бюро экономических исследований США — наиболее авторитетная организация, определяющая, находится ли крупнейшая в мире американская экономика в состоянии рецессии, объявило осенью 2008 года, что американская экономика находится в состоянии рецессии с конца 2007 года (рис. 39–42).

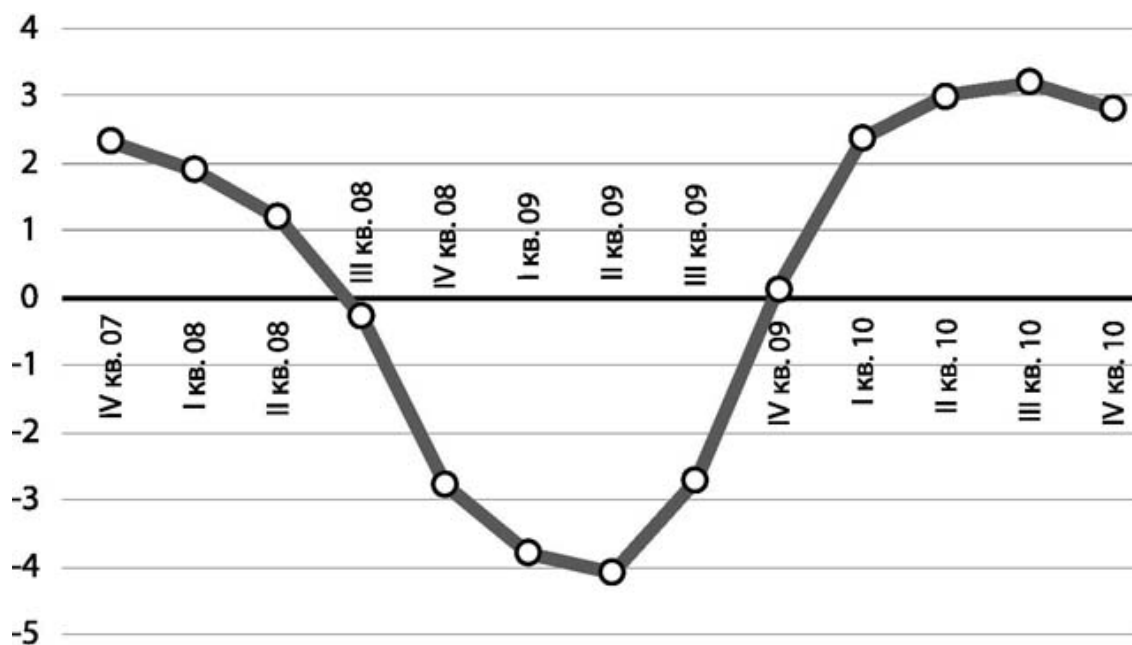


Рис. 39. Темпы прироста ВВП США в реальном исчислении в IV квартале 2007 — IV квартале 2010 года, % к соответствующему периоду предыдущего года

Источник: US Bureau of Economic Analysis. — <http://www.bea.gov>

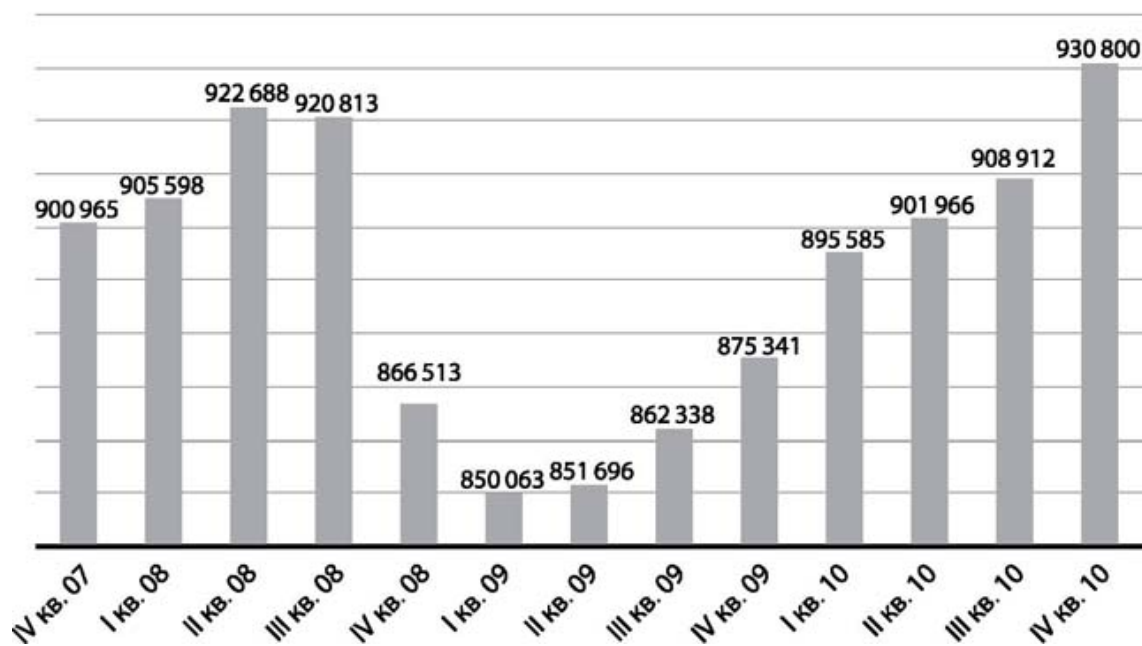


Рис. 40. Объем розничной торговли США* в IV квартале 2007 — IV квартале 2010 года, млн долларов

* Сезонно сглаженный

Источник: Federal Reserve Bank of St-Louis. — <http://research.stlouisfed.org/fred2/series/RSFSXMV/downloaddata?cid=6>

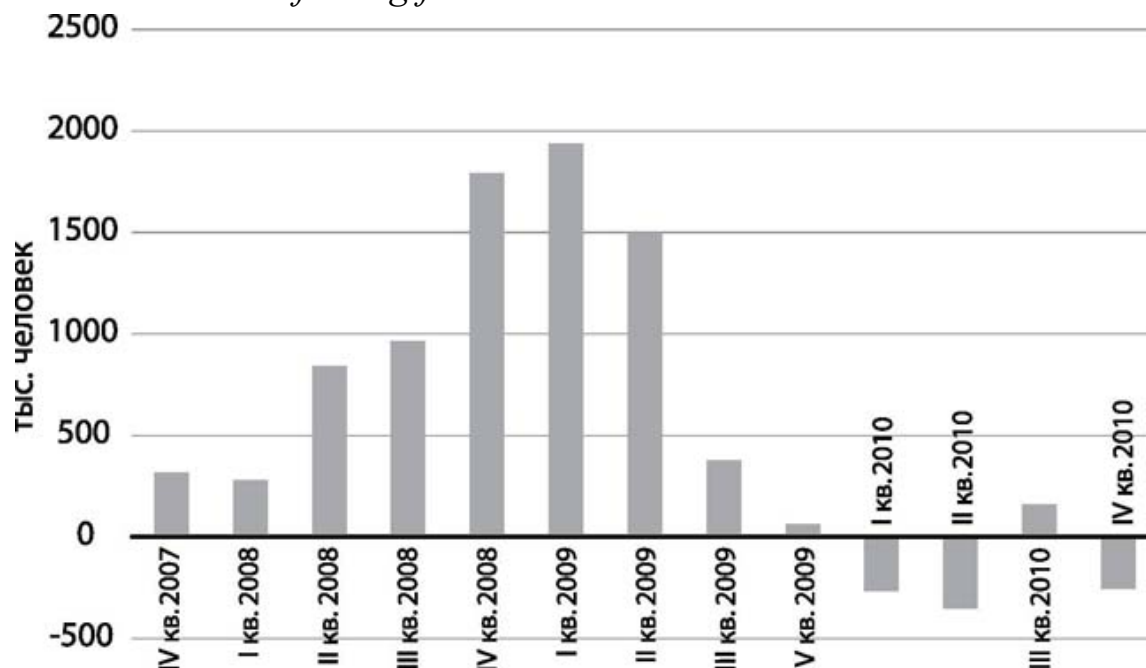


Рис. 41. Число жителей США*, обратившихся за пособием по безработице, в IV квартале 2007 — IV квартале 2010 года**, тыс. человек

* Скорректированное сезонно.

** Квартальные данные рассчитаны на основе опубликованных месячных данных.

Источник: Federal Reserve Bank of St-Louis. — <http://research.stlouisfed.org/fred2/series/UNEMPLOY/downloaddata?cid=12>

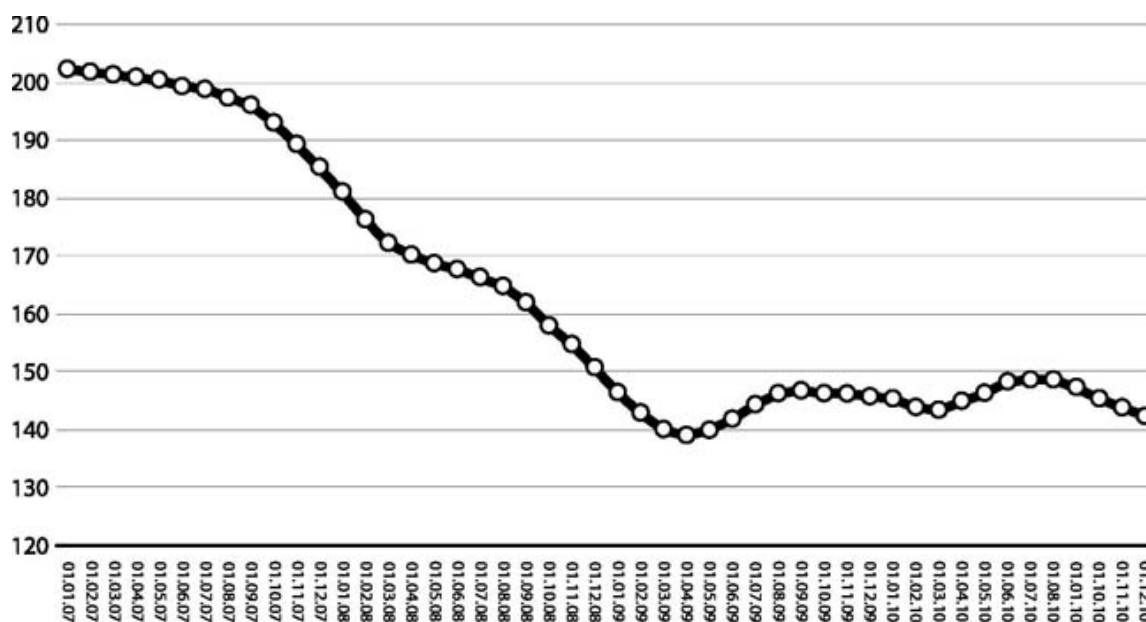


Рис. 42. Динамика цен на недвижимость в США* с января 2007 по декабрь 2010 года, %

* Индекс Кейса-Шиллера (январь 2000 года = 100).

Источник: Standard and Poors. —

http://www2.standardandpoors.com/portal/site/sp/en/us/page.topic/indices_csmahp/2,3,4,0,0,0,0,0,0,0,0,0,0,0,0,0,0,0,0,0.html

Предположение, что Индия и Китай способны обеспечить стабильность мировой экономики при замедлении или негативных темпах экономического роста США, Европы и Японии, практика не подтвердила (табл. 13).

Таблица 13

Прогнозы МВФ темпов мирового экономического роста на 2010 год, сделанные в 2008–2009 годах, оценка, выполненная в январе 2010 года, и факт 2010 года, % к 2009 году

2008

2009

2010

апрель июль октябрь ноябрь январь апрель июль сентябрь январь факт
(оценка)

3,8 3,9 3,0 2,2 0,5 -1,3 -1,4 -1,1 -0,8 -0,6

Источник: МВФ, *World Economic Outlook*, выпуски с апреля 2008 по июль 2009 года. — www.imf.org

Падение темпов роста мировой экономики отразилось на сырьевых ценах, важных для России (рис. 43).

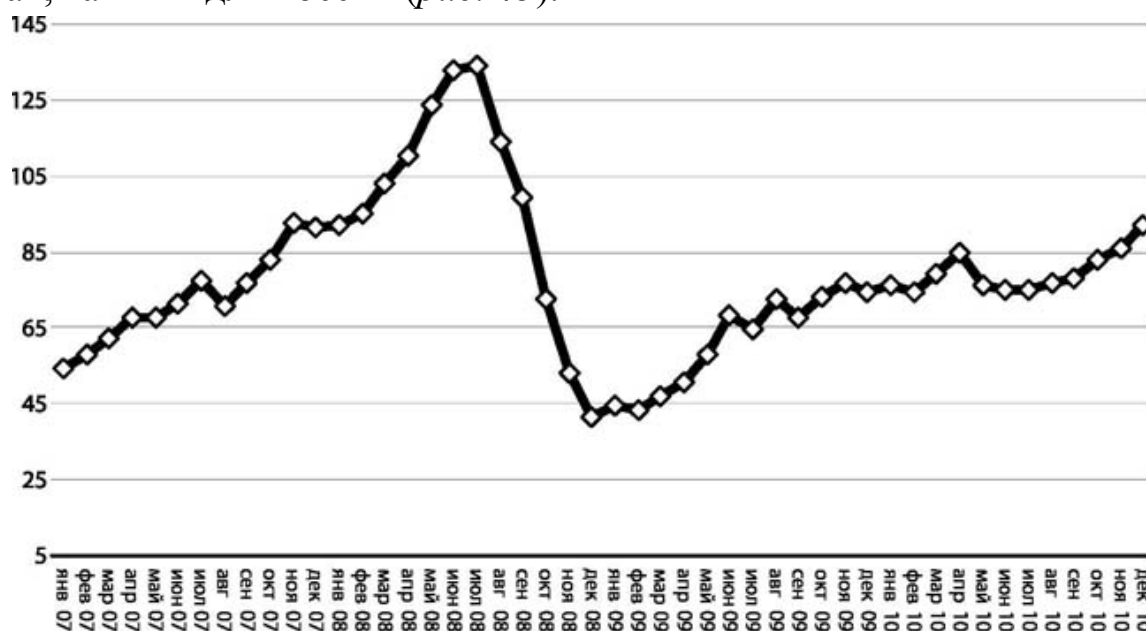


Рис. 43. Цена на нефть марки Brent в январе 2007 — декабре 2010 года, доллары за баррель

Источники: МВФ — *IFS database* (CD-ROM ed., June 2009);
Primary Commodity Prices database
(<http://www.imf.org/external/np/res/commod/index.asp>).

На изменение уровня сырьевых цен наложилось радикальное изменение направления потока капитала (рис. 44).

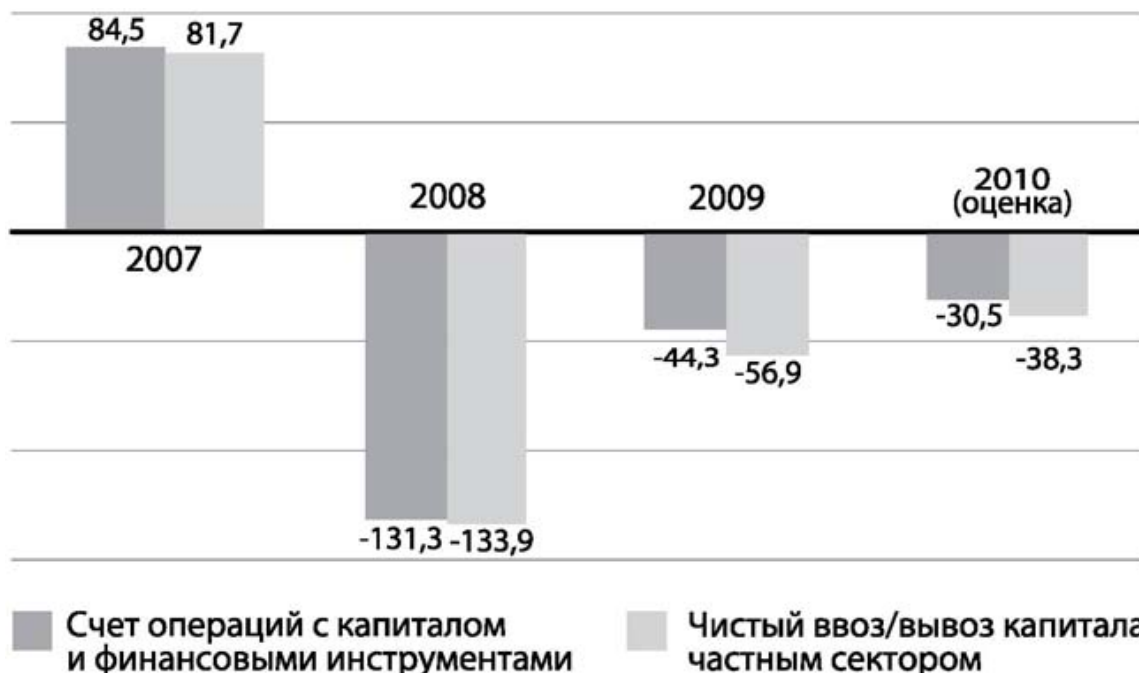


Рис. 44. Приток (+) / отток (—) капитала из России в 2007–2010 годах, млрд долларов

Источник: ЦБ РФ. — www.cbr.ru

Россия столкнулась с тремя взаимосвязанными вызовами: ухудшением состояния платежного баланса, сокращением бюджетных доходов и оттоком капитала. В отличие от Советского Союза российская экономика была лучше готова к этим вызовам. Сказались накопленные финансовые резервы и гибкость валютного курса.

Руководители государств, обладающих мировыми резервными валютами, вынуждены были прибегнуть к финансовой экспансии, наращиванию бюджетных расходов, связанных с поддержкой финансового сектора (рис. 45).

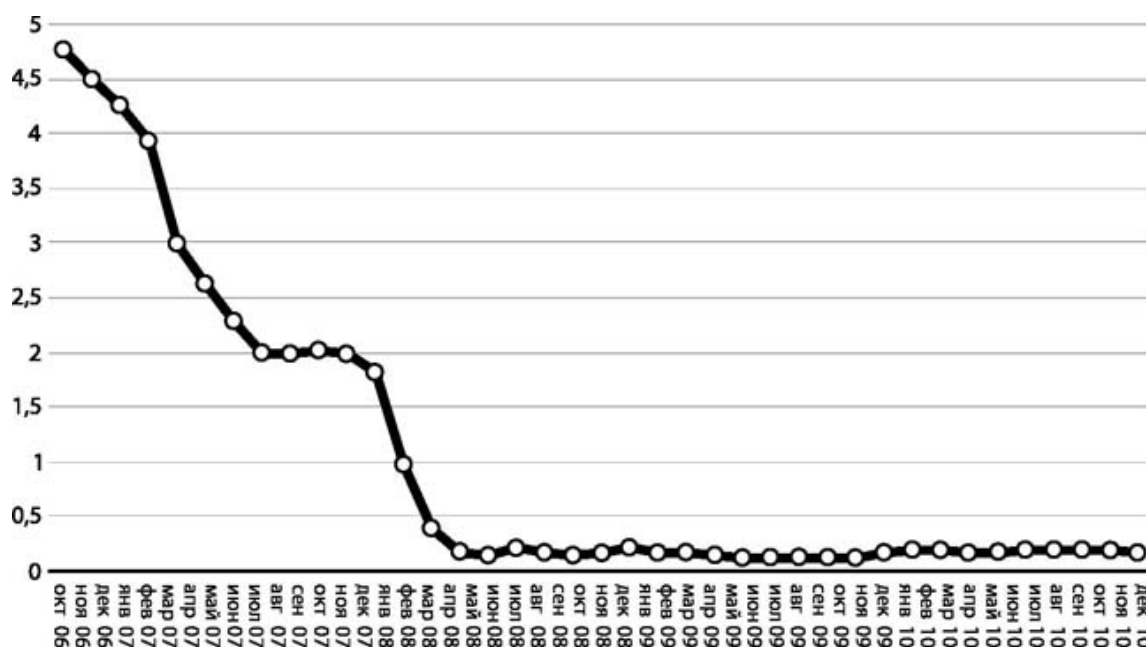


Рис. 45. Эффективная процентная ставка ФРС (по федеральным фондам) в октябре 2007 — декабре 2010 года, %

Источник: Federal Reserve, Federal Reserve Statistical Release. — <http://www.federalreserve.gov/releases/h15/data.htm>

В феврале 2008 года Конгресс США и администрация Дж. Буша приняли первый пакет государственных мер по стимулированию американской экономики в объеме 168 млрд долларов. В начале октября в связи с обострением глобального финансового кризиса Конгресс и Белый дом приняли пакет экстренных государственных мер по стабилизации финансовых рынков объемом в 700 млрд долларов^[59]. В феврале 2009 года Сенат США одобрил компромиссный план по стимулированию национальной экономики, предложенный администрацией президента Барака Обамы, в размере 787 млрд долларов^[60].

Власти Китая не легализовали рынок капиталных операций по национальной валюте, но начали обсуждать возможность такого шага. Они понимают, что в этом случае юань станет одной из ведущих мировых резервных валют. Китай пошел по пути стимулирования внутреннего спроса.

Российские власти оказались перед развилкой: **проводить политику стимулирования спроса или сосредоточиться на**

сохранении финансовой стабильности, устойчивости банковской системы?

Их позиция была асимметричной, но разумной. Рубль не является ведущей мировой резервной валютой и в ближайшие годы ею не станет. Российские финансовые и денежные власти приняли решение, что с осени 2008 года важнейшим приоритетом будет сохранение финансовой стабильности, устойчивости банковской системы, адаптация экономики к изменившимся условиям, сохранение валютных резервов. Результатом такого выбора явилось снижение курса рубля по отношению к основным резервным валютам (*рис. 46*) и повышение базовой процентной ставки Центрального банка (*рис. 47*). Процентная политика Центробанка была изменена лишь в январе 2009 года, после того как золотовалютные резервы России перестали сокращаться (*рис. 48*).

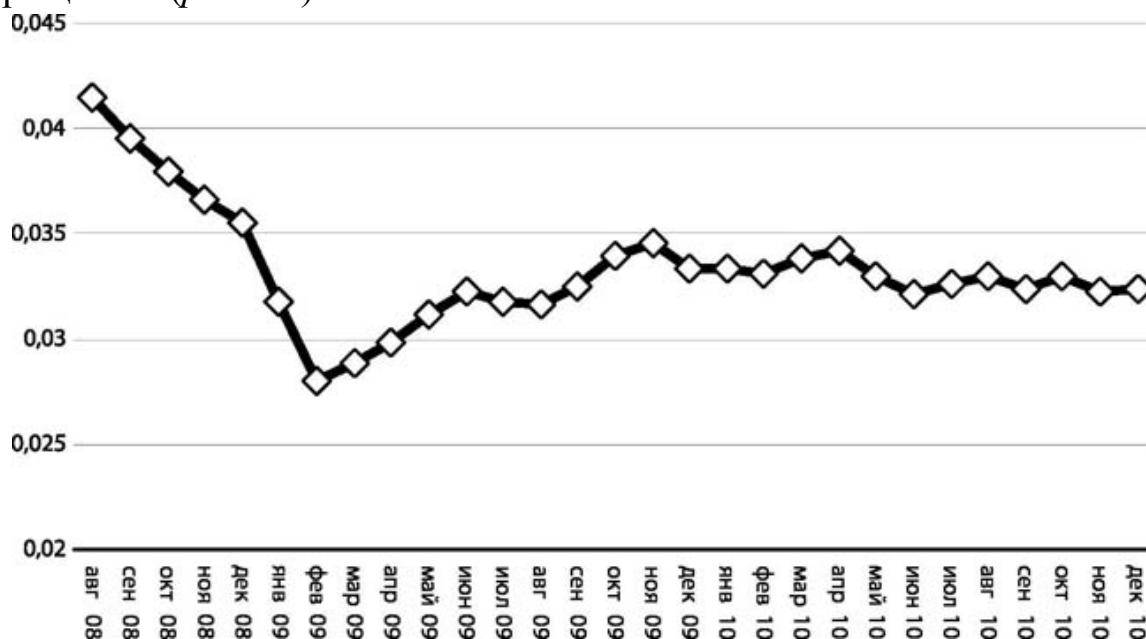


Рис. 46. Обменный курс российского рубля по отношению к доллару (средний за период) в августе 2008 — декабре 2010 года, рублей за доллар

Источник: ЦБ РФ.

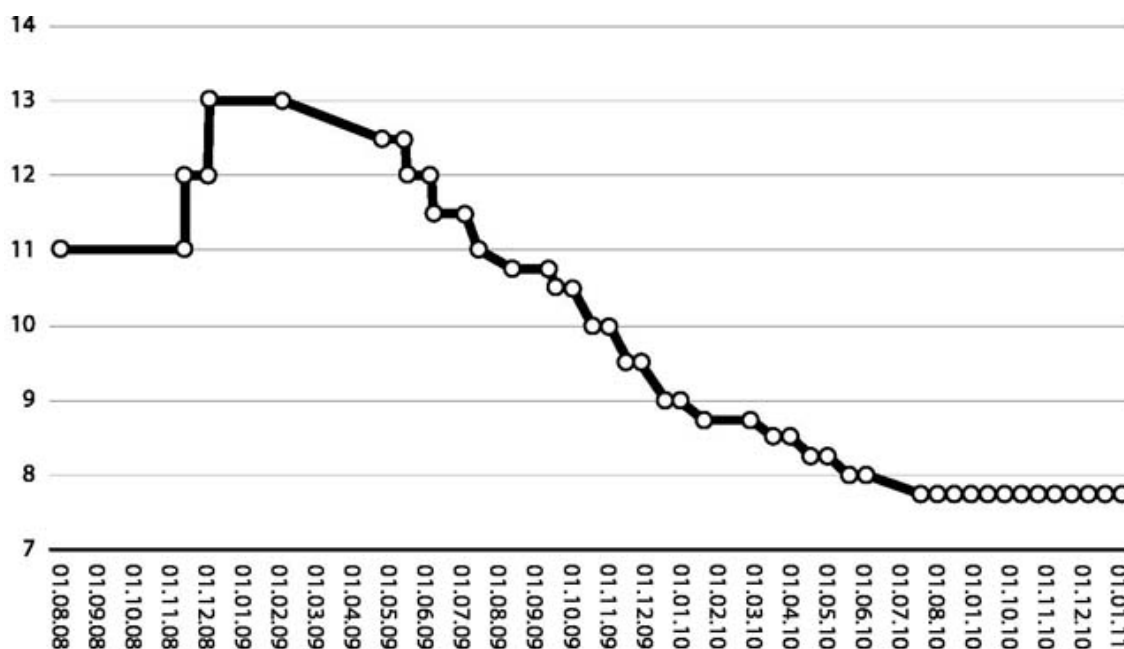


Рис. 47. Ставка рефинансирования ЦБ РФ в августе 2008 — январе 2011 года, %

Источник: ЦБ РФ.

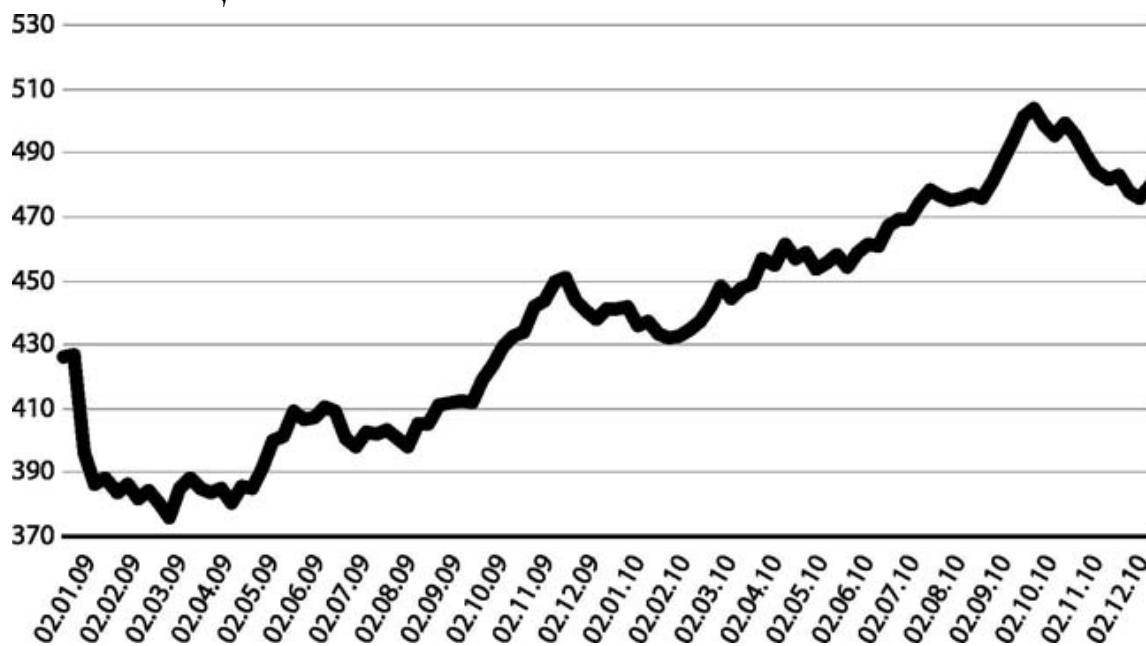


Рис. 48. Золотовалютные резервы России в 2009–2010 годах, млрд долларов

Источник: ЦБ РФ.

Эти меры позволили стабилизировать валютный курс, переломить тенденцию к ускорению инфляции (рис. 49). Справочно: с 1 по

7 сентября 2009 года индекс потребительских цен, по оценке Росстата, составил 100,0 %, с начала месяца — 100,0, с начала года — 108,1 %; в 2008 году с начала месяца — 100,1 %, с начала года — 109,8, в целом за сентябрь — 100,8 %.

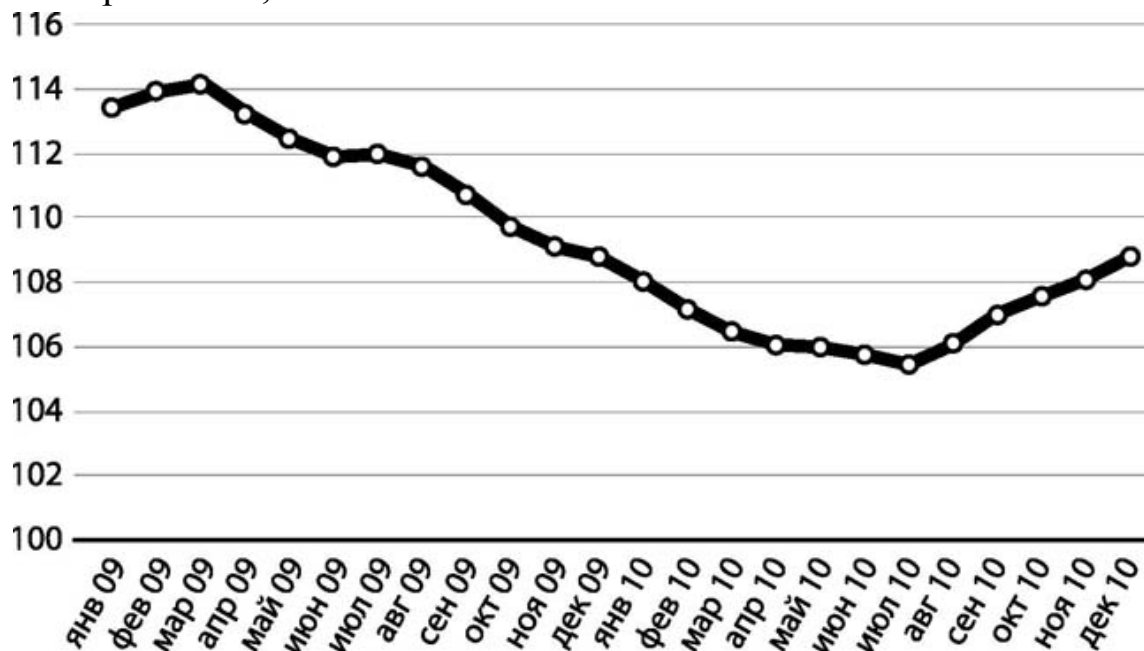


Рис. 49. Темпы инфляции в России в январе — декабре 2010 года, % к соответствующему периоду предыдущего года

Источник: Росстат.

Острого банковского кризиса удалось избежать. Но принятые решения были непростыми. Их первый результат — резкое изменение ситуации с производством, переход от режима динамичного экономического роста к его падению (рис. 50–52, табл. 14). Второй — радикальное ухудшение ситуации на рынке труда (рис. 53).

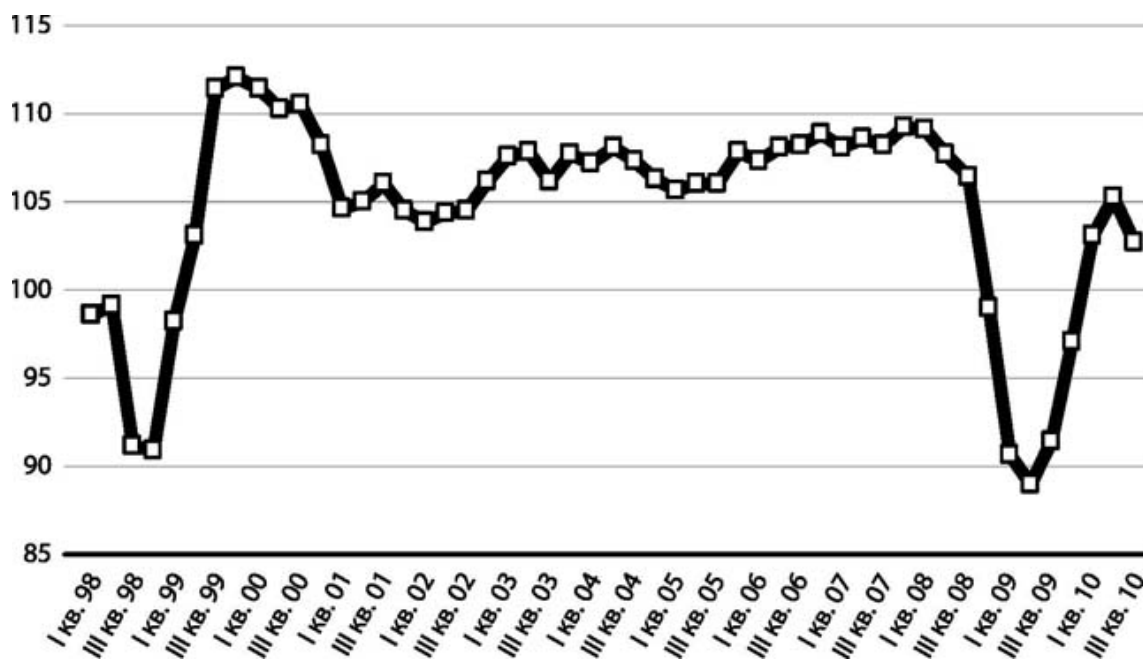


Рис. 50. Объем ВВП России в реальном выражении в I квартале 1998 — III квартале 2010 года, % к соответствующему периоду предыдущего года

Источники: Росстат, база данных ГУ — ВШЭ (http://stat.hse.ru/exes/tables/GDP_Q_I.htm).

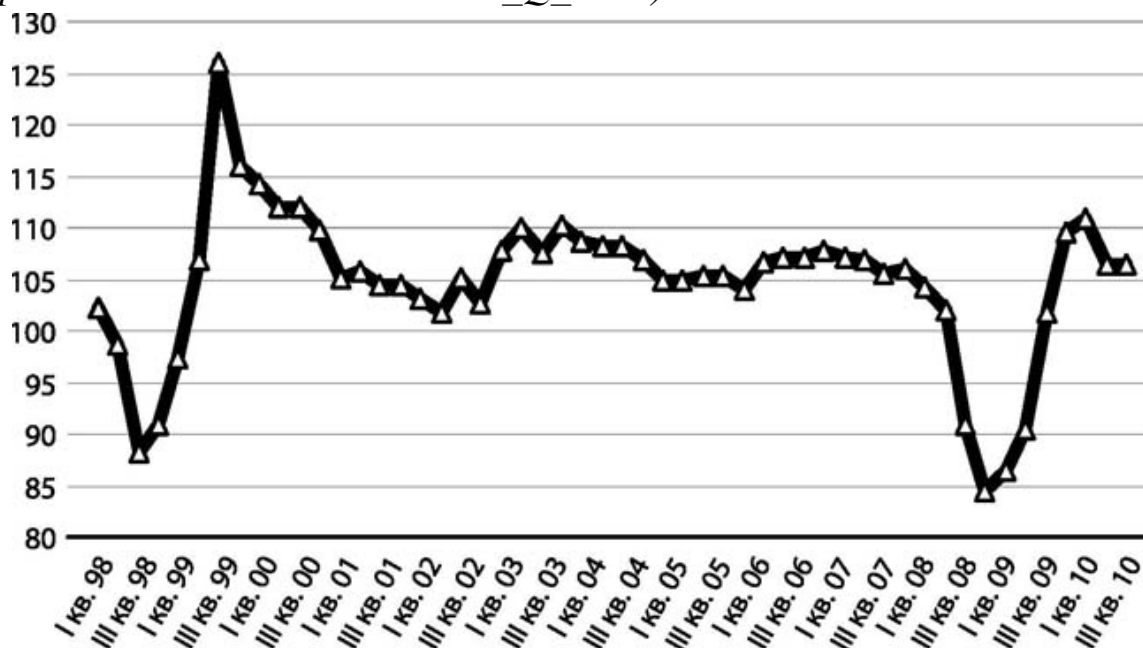


Рис. 51. Индекс промышленного производства в I квартале 1998 — IV квартале 2009 года, % к соответствующему периоду предыдущего года

Источники: Росстат, база данных ГУ — ВШЭ
(http://stat.hse.ru/exes/tables/IND_Q_I.htm).

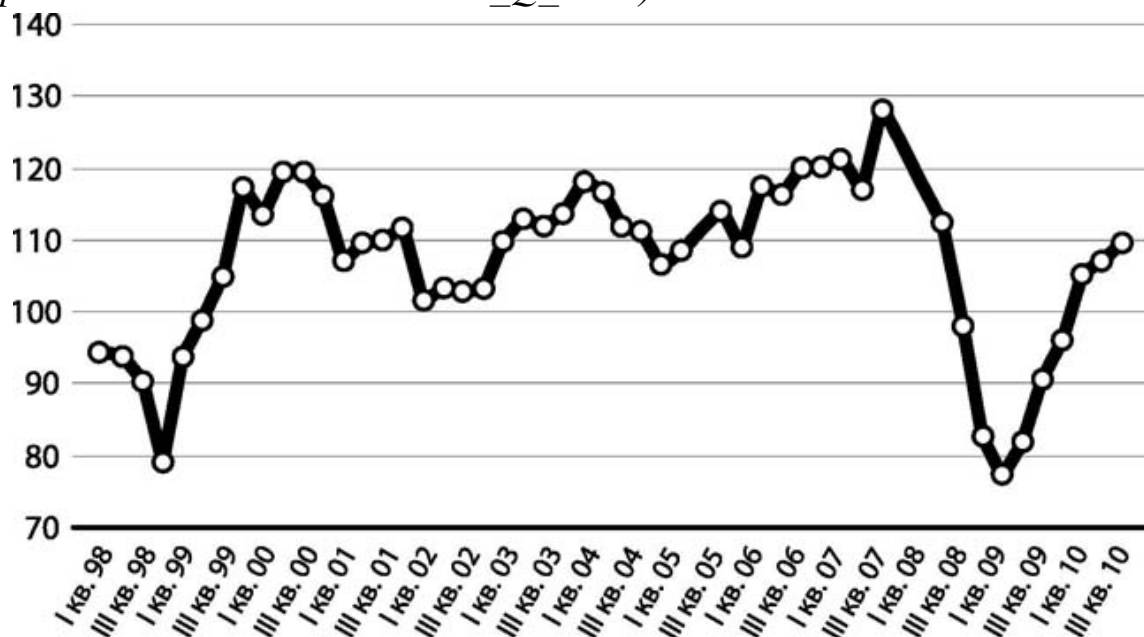


Рис. 52. Динамика инвестиций в основной капитал в I квартале 1998 — IV квартале 2010 года*, % к соответствующему периоду предыдущего года

* Оценка.

Источники: Росстат; база данных ГУ — ВШЭ
(http://stat.hse.ru/exes/tables/INVFC_Q_I.htm).

Таблица 14

Баланс бюджета расширенного правительства РФ в I квартале 2008 — IV квартале 2010 года, % ВВП

I кв. II кв. III кв. IV кв.

2008 11,2 10,0 12,2 -13,3

2009 2,7 -8,6 -3,5 -13,6

2010 2,5 0,3 -1,4 -14,0

Источники: Росказна, Росстат, Экономическая экспертная группа (<http://www.eeg.ru>).

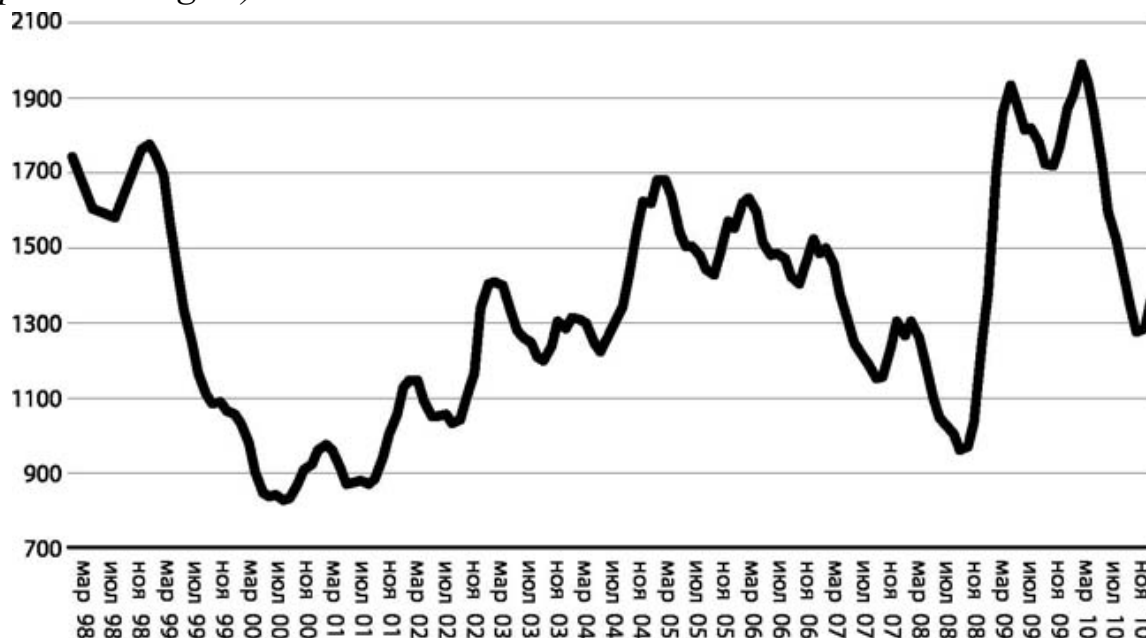


Рис. 53. Численность населения, получавшего пособие по безработице в марте 1998 — декабре 2010 года (на конец месяца), тыс. человек

** Данные за 1998 год: число лиц, имевших право на получение пособия по безработице.*

Источники: Росстат, Обзор экономики России. Основные тенденции развития. 1998. III / Пер. с англ. М.: Российско-европейский

центр экономической политики (RECEP), 1998. —
http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/recep/1998/4/rcpb199_840000work/rcpb199_840_000work010.htm

Развилки нашего времени

Сейчас^[61] перед российскими органами власти стоят три ключевые развилки. В отличие от всех, проанализированных ранее, они касаются не прошлого, а будущего России и их пока нельзя считать окончательно пройденными. Выбор по каждой из них окажет глубинное стратегическое влияние на судьбу нашей страны в следующие десятилетия.

Первая сводится к выбору: **можем ли мы решить для себя, что худшее позади, и отказаться от консервативной бюджетной и денежной политики, сконцентрировать усилия на развитии реального сектора? Или мы должны сохранять прежнюю денежную и кредитную политику и избранные осенью 2008 года экономико-политические приоритеты?**

Наше мнение, что отказ от консервативной бюджетной и денежной политики был бы для России безответственным и опасным.

Сегодня трудно прогнозировать, как будет развиваться глобальный кризис, как он повлияет на Россию. Принятые властями Соединенных Штатов, ведущих стран Евросоюза, Японии, Китая меры могут на несколько месяцев смягчить его воздействие на глобальную экономику. Но насколько эти усилия позволят дать устойчивые результаты, сказать трудно. Неясны масштабы проблем в банковской системе ведущих европейских стран. Непросто понять, как в первом полугодии 2010 года будут решаться проблемы с погашением корпоративных облигаций. Мало кто знает, насколько вероятен кризис по образцу «мыльного пузыря» в Китае. Если не знаешь, как будет развиваться кризис, надо исходить из худшего сценария. России, имеющей опыт валютной катастрофы, которая привела к краху Советского Союза, надо быть особенно осторожной.

Вторая развилка: **сможем ли мы построить инновационную экономику и встать в ряд конкурентоспособных высокоразвитых государств или Россия постепенно окажется в группе слаборазвитых стран?**

По сути, эта развилка стоит сегодня перед нашей страной в резко очерченной форме: **инновации или деградация?**

На каком историческом фоне она возникла?

При всей неэффективности советской экономики в ней были реализованы уникальные технологические проекты — атомный и космический. Каждый из них без преувеличения можно отнести к числу величайших научно-технических достижений человечества в XX веке. Однако ни тогда, ни позже советская экономика оказалась не в состоянии создать качественные высокотехнологичные изделия, нужные для граждан страны. Советские автомобили, телевизоры, радиоприемники, бытовая техника и т. д. практически всегда отставали по своим качественным параметрам от зарубежных аналогов.

И успехи, и провалы советских инноваций глубоко детерминированы базовыми свойствами советской экономики. Будучи тотально огосударствленной, она умела создавать спрос лишь там и тогда, где и когда у государства возникала в этом острая потребность. Почти всегда это было связано с глобальным геополитическим противостоянием и соответствующими проектами в оборонной сфере. В то же время исходящий от населения денежный спрос не мог быть значимым сигналом в советской экономике, он по своей природе не мог быть воспринят централизованной плановой экономикой. В этом смысле по мере развития мирового научно-технического прогресса отставание советской экономики становилось все более заметным.

С начала 1970-х годов советская наука вошла в период замедления развития, а затем и застоя. Несмотря на отдельные сохранявшиеся перспективные результаты, советские НИИ все больше превращались в символ неэффективного использования интеллектуального потенциала страны.

Не случайно первая инициатива М. Горбачева после избрания его генеральным секретарем ЦК КПСС формулировалась как концепция ускорения научно-технического прогресса, а в ЦК КПСС в июне 1985 года по этому вопросу прошло большое совещание, на котором с основным докладом выступил сам генеральный секретарь^[62]. Партийная элита ощущала, что советская экономика не воспринимает инновации, и необходимо что-то предпринимать. Разрабатывались различные программы, однако все попытки решить эту задачу оказались безуспешными.

В последующие 20 лет в условиях рыночных преобразований и открытой экономики некоторые отрасли деградировали, сократив

объемы выпуска транспортных средств, станков, текстильного оборудования, швейных изделий и др. Однако успешно развивались такие отрасли, как производство электрооборудования, металлургия, химия, нефтехимия, телекоммуникации, высотное домостроение. Агрегированный индекс промышленного производства России в 2008 году находился на уровне начала 1990-х годов (рис. 54).



Рис. 54. Темпы роста промышленного производства по отраслям

Источник: Росстат, www.rusnano.com

Производительность труда в России по паритету покупательной способности по сравнению с США практически не изменилась за 1990–2007 годы и составляет около 30 %.

В этот период происходила структурная перестройка экономики, позволившая стране сохранить уровень общего экономического развития, но также не давшая толчка для инновационного развития. По расчетам ГУ — Высшая школа экономики, доля предприятий, внедряющих инновации, в России не превышает 10–11 %, в то время как в развитых странах ЕС этот показатель достигает 70 %, а в менее развитых странах ЕС — 20–25 %^[63].

По данным Мирового экономического форума 2008–2009 годов, в рейтинге глобальной конкурентоспособности Россия находится на 51-м месте из 134 стран мира, при этом по рейтингу инновационной

активности — только на 48-м месте^[64]. Таким образом, серьезное отставание нашей страны в этой сфере от мировых лидеров, наметившееся еще в середине 1970-х годов, так и не удалось наверстать вплоть до настоящего времени.

Сам феномен успешных страновых инновационных моделей в мире укоренился и стал распространяться в последние двадцать лет, когда Россия решала историческую задачу построения рыночной экономики и запуска экономического роста. В числе первых к созданию инновационной модели развития экономики в начале 1960-х годов приступили США и справились с задачей к 1980-м годам. Тайваню, одному из лидеров в инновационном мире, на это потребовалось 25 лет, Израилю и Южной Корее — по 20 лет. В начале 1990-х годов финская экономика оказалась в катастрофическом положении из-за распада СССР и утраты роли советского «окна» в Европу. Однако сегодня Финляндия, раньше практически не обладавшая высокотехнологичными отраслями, в любом межстрановом сравнении признается одним из лидеров инновационной экономики.

В 2000-х годах экономический рост в России основывался на сырьевом драйвере, с хорошо известными ограничениями. Способна ли экономика такого типа перейти к новому качеству экономического роста в наших экономических, социальных, политических реалиях?

Важное условие для становления инновационной экономики — состояние науки и образования. Не ставя перед собой в данной работе задачу серьезного анализа, отметим, что ряд стран разворачивали работу по строительству инновационной экономики, имея существенно менее высокий уровень развития этих сфер, чем современная Россия (например, Южная Корея или Тайвань в начале 1990-х). Следует отметить и то, что в последние 5–7 лет эти отрасли в России получили значимую государственную поддержку. Многие вузы, в том числе в провинции, имеют исследовательское оборудование мирового уровня. Несмотря на сохраняющиеся нерешенные проблемы, они получили серьезный дополнительный импульс и для образовательного процесса, и для проведения исследований. В действующих в России обрабатывающих отраслях и в отраслях «новой экономики», в том числе в атомной промышленности, авиакосмической промышленности, энергомашиностроении,

телекоммуникациях, программировании и ряде других существует высокий уровень технологической и инженерной культуры, работает высококвалифицированный персонал. Таким образом, в этой области стартовые условия нашей страны для инновационного разворота не хуже, чем у многих стран, такой поворот совершивших.

Серьезные дискуссии разворачиваются в последнее время вокруг проблемы соотношения роли государства и частного бизнеса в построении инновационной экономики. Нам представляется, что в ответе на этот вопрос, было бы ошибочным уходить в крайние позиции. Выработывая российский баланс в данной дилемме, следует внимательно присмотреться и к мировому опыту, и к реальному состоянию этих институтов в нашей стране.

Вряд ли сегодня необходимо всерьез доказывать, что движение к инновационной экономике надо строить на рыночных ценностях, таких как частная собственность, конкуренция, общепринятые правила игры, долгосрочная макроэкономическая стабильность, низкая инфляция. Не существует ни одной успешной инновационной страновой модели в мире, доказавшей обратное.

Вместе с тем, роль государства в содействии инновационному процессу крайне важна. В Израиле по государственной программе Yozma была создана венчурная индустрия. Вклад государства — более 100 млн долларов. Там функционирует институт Главного ученого Министерства промышленности с ежегодным бюджетом порядка 500 млн долларов. В Южной Корее расходы государственного бюджета на поддержку инноваций в частном бизнесе составляют 1 млрд долларов. В Финляндии только по программам TEKES и SITRA выделяется 582 млн евро в год. В США по программе поддержки малого инновационного бизнеса SBIR государство расходует по 2 млрд долларов в год.

В каждой стране формируется своя инновационная модель. В Израиле большая часть инновационной экономики заканчивается на фиксации и последующей продаже прав на новую интеллектуальную собственность, там почти нет крупных фирм, нацеленных на производство высокотехнологичного продукта. В Японии и Южной Корее, напротив, не очень много малых инновационных бизнесов. В некоторых странах крайне слабы фундаментальные исследования, но есть инновационная экономика, ориентированная на новые

технологии. Выбирая цели и приоритеты инновационной политики, государство должно идти от реальности, в том числе от имеющегося задела и формируемого отечественного и мирового спроса. России предстоит найти свою модель, но очевидно, что одной из важнейших ее составляющих станет баланс вклада бизнеса и власти в инновационное развитие страны.

Ожидать серьезного вклада бизнеса в инновационное развитие невозможно без формирования необходимого для такого поведения правового поля. В России началось преобразование законодательства для стимулирования инновационной экономики, сделаны первые шаги. Однако масштаб задач в этой сфере потребует нескольких лет последовательной работы. Перечислим только наиболее важные сферы законодательства, нуждающиеся в изменениях, а то и в серьезной переработке.

Действующее корпоративное законодательство не адекватно потребностям развития инновационной экономики. В нем отсутствуют современные организационно-правовые формы для осуществления самой инновационной деятельности. Ни общества с ограниченной ответственностью, ни акционерные общества, ни товарищества не позволяют гибко маневрировать уставным капиталом, создавать соглашения, юридически обязывающие не только акционеров, но и менеджмент, а иногда и потенциальных потребителей разворачивающегося нового бизнеса. Без такой гибкости запуск многих стартапов просто невозможен. Отсутствуют и адекватные формы для формирования привычных мировому инновационному сообществу венчурных фондов. Предлагаемая нашим законодательством форма закрытых ПИФов неповоротлива, слишком зарегулирована, поскольку создавалась не для этой цели, а являлась лишь попыткой приспособить инструмент, созданный для привлечения средств мелких инвесторов, к инновационным потребностям.

Требуется изменить и налоговое законодательство. В предшествующие годы главным было перекрыть каналы уклонения от уплаты налогов при почти полном отсутствии механизмов стимулирования. Сегодня нужны гораздо более сложные конструкции для стимулирования инновационной деятельности и экспорта высокотехнологичной продукции. Принятые в конце 2010 года поправки, отменяющие налогообложение с прироста стоимости

капитала (capital gain) — правильное, но лишь одно из первых решений в этой сфере.

Нуждается в пересмотре и таможенное законодательство. Для таможи нередко экспорт 1 млн тонн зерна или биочипа с образцом органического материала — одно и то же. При такой регламентации пересечения границы невозможно взаимодействовать с миром инноваций.

Назрели радикальные перемены и в техническом регулировании. Надо признать, что действующий закон о техническом регулировании не работает. В России есть остатки советской системы техрегламентов, перемежающиеся новыми регламентами на молоко и еще пятью другими, принятыми в последнее время. Так можно жить, если экономический рост страны завязан на экспорт нефти. Но так нельзя работать, если стоит цель построить инновационную экономику.

Сегодня права на результаты исследований и разработок, проведенных при софинансировании из госбюджета, зачастую принадлежат государству. Глава 4 Гражданского кодекса разрешила передавать их гражданам — создателям новых технологий и продуктов, но бюрократическая реальность практически исключает такую возможность. Полагаем, что здесь нужно не разрешение, а принуждение государства к передаче такой собственности. Фактически эта интеллектуальная собственность продолжает оставаться государственной, то есть ничьей. Допускается лишь признание прав на нее юридического лица — исполнителя по государственному контракту. Чаще всего — это государственные бюджетные организации. Но стимулы, мотивы и предпринимательская активность таких неэффективных собственников хорошо известны. Для повышения результативности использования научных и инженерных разработок, по сути, нужна приватизация интеллектуальной собственности или «интеллектуальная амнистия».

Нужны поправки в миграционное законодательство. Первые шаги по его либерализации, принятые в 2010 году, позитивны. Однако необходимы более глубокие решения, переосмысливающие его концептуальную направленность: если в низкоквалифицированной трудовой иммиграции нам нужны ограничения, то в высококвалифицированной — стимулы. Не изменив этот порядок, нельзя модернизировать экономику.

Требует существенного пересмотра работа по созданию инфраструктуры инновационной экономики. Это касается как финансовой инфраструктуры (гранты, посевные, допосевные, венчурные фонды), так и нефинансовой (технопарки, бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий, технико-внедренческие зоны). Создание инфраструктуры немислимо без участия государства. По статистике в России тысячи технопарков, бизнес-инкубаторов, центров трансфера технологий, они есть в отчетах. Но их крайне мало в реальной жизни, часто они — просто не то, за что их выдают. Условия, в которых действуют эти организации, неадекватны поставленным целям. Значит, непригодны нормативная база и система контроля. Но построить инновационную экономику без соответствующей ей инфраструктуры невозможно.

Применительно к крупным, особенно монопольным, государственным компаниям считаем обоснованным принуждение их к инновациям. Государство дозрело до того, чтобы потребовать от них активности в этой сфере. Разумна идея принятия инновационных программ, аналогичных инвестиционным. У инвестиционных программ за 5–10 лет сложились методическая культура, организационные процедуры, соответствующие структурные подразделения. Осталось сделать шаг от инвестиций к инновациям, от роста — к изменению качества роста. В крупных государственных компаниях должны быть оформлены инновационные программы с ясными целями, бюджетом, сроками. Например, у нефтяников — повышение коэффициента извлечения нефти из пласта, у энергетиков — рост КПД генерации или снижение потерь в сетях. Под эти цели необходимо формировать целостные программы, пригодные для контроля.

С частным бизнесом такой подход не работает. Если частная компания делает что-то крупное в инновационной сфере, она вправе рассчитывать на поддержку государства. В последние годы едва ли не каждая крупная частная компания обращалась за помощью к государству, поэтому эту помощь обязательно следует обуславливать инновационными разработками. Такая логика бизнесу будет понятна.

Особое значение имеет региональная инновационная политика. Условия для инноваций возможны далеко не везде, возникновение целостной инновационной экосистемы — очень тонкий и

трудноуправляемый процесс, в котором финансовые и организационные условия не менее важны, чем среда и атмосфера, которые всегда регионализированы. В США половина всей высокотехнологичной инновационной экономики приходится всего на два штата: Калифорнию и Массачусетс. В России Томск и Казань уже сделали заявку на лидерство в инновационной экономике. Там работают десятки высококласных инновационных компаний с объемами продаж на сотни миллионов долларов. Их опыт надо изучать и продвигать.

Потребуются серьезные преобразования в структуре и функциях федеральных органов исполнительной власти. В нашем понимании, необходимо одно министерство, концентрирующее у себя функции штаба инновационной политики. Наиболее естественным было бы не создавать для этого новый орган, а дополнить полномочия Министерства экономического развития, преобразовав его, скажем, в Министерство экономики и инновационной политики. В дополнение к этому практически в каждом министерстве должен появиться заместитель с соответствующими подчиненными структурными подразделениями, ведущий инновационную тематику. Эту организационно-управленческую задачу государство обязано решить.

Таким образом, для инновационного разворота потребуется комплекс усилий государства и бизнеса в самых разных областях. Его придется совершать в условиях, когда развитию инновационной экономики в России препятствует плохая укорененность частной собственности, ее слабая защита. Налицо высочайший уровень коррупции, неэффективная судебная система, слабая конкуренция в большинстве отраслей и отсутствие конкуренции в политической системе, подконтрольность ведущих электронных СМИ государству. Но это не значит, что нельзя и не надо переводить страну на рельсы инновационного развития.

Парадокс в том, что и при таких условиях во многих регионах инновационная экономика есть. Возникшие с нуля в последние 10–15 лет компании «Данафлекс» из Казани, «Микран» из Томска, «Монокристалл» из Ставрополя, «Новомет» из Перми и многие другие сегодня работают на мировом инновационном уровне. У многих — значительная доля экспорта, объем продаж, уже превышающий 100 млн долларов, и темпы роста по 20–40 % в год. Они возникли

тогда, когда государство не ставило целью развитие инновационной экономики, а ставило ей барьеры. Но эти компании добились успеха.

Следует понимать, что инновации нужны прежде всего нам самим. Производители из других стран готовы продавать России всё. Новые Airbus и Boeing уже поставляются, Bombardier — на подходе, так что наш «Сухой» необходим нам самим для развития России.

Как бы ни были значимы задачи инновационной политики, стоящие перед государством, надо отдавать себе отчет в том, что основным драйвером инновационного развития в России может быть только частный бизнес. Государство может и должно формировать цели и приоритеты инновационной политики, создавать условия, стимулировать, продвигать, но само создание коммерческого инновационного продукта всегда останется прежде всего прерогативой частного бизнеса. В России он очень молод. Всего два десятилетия назад частнопредпринимательская деятельность каралась лишением свободы сроком от 3 до 8 лет. С тех пор российский бизнес из палаток переместился в современные, оборудованные по последнему слову техники сетевые торговые оптово-розничные компании. Он освоил средние, крупные и крупнейшие промышленные производства. В ряде отраслей наши бизнесмены конкурируют с глобальными компаниями. Российский бизнес на наших глазах прошел путь от «бабушек с носочками» по Указу Президента РФ «О свободе торговли» в 1992 году до крупных частных транснациональных компаний в современной обрабатывающей промышленности. Создание нового качества — инновационной экономики — и есть главный вызов, стоящий сегодня перед российским частным бизнесом.

Все это не означает, что не следует заниматься модернизацией политической системы. Ошибочно лишь искусственное противопоставление политической и экономической модернизации, и уж совсем неприемлемы логические конструкции по типу — «пусть сначала нам сделают демократическую политическую систему, а потом мы начнем создавать инновационную экономику». Если бы страна развивалась в этой логике, у нее и сегодня не было бы ни частной собственности, ни рыночной экономики.

Таким образом, для построения инновационной экономики в России необходимо существенно улучшить качество государственного управления и одновременно получить мощный

позитивный импульс от частного бизнеса. Оба этих важнейших института должны взять на себя решение новой исторической задачи, заново выстроить взаимодействие между собой. По сложности такая реформа сопоставима с преобразованиями, через которые наша страна прошла за последние 20 лет. Вместе с тем, она вряд ли их превосходит. При всех имеющихся проблемах, ни в политической, ни в экономической системе современной России нет блокирующего механизма, делающего невозможным позитивный ответ на этот вызов.

Развилку «деградация или инновации» предстоит пройти и решить задачу построения полноценной инновационной экономики мирового класса в обозримые сроки, отведенные нам историей, — примерно за 15–20 лет.

Третья развилка, стоящая сейчас перед российскими властями, имеет экономическую основу, но решение о выборе пути носит политический характер. Правящая элита России пришла к власти на фоне начавшегося восстановительного роста, когда базовые институты рыночной экономики были сформированы, общество с трудом, но адаптировалось к новым реалиям. За этим последовали 10 лет динамичного роста валового внутреннего продукта, роста реальных доходов населения. С 2004 года экономический рост был подкреплён расширением возможности бюджетного маневра, связанным с повышением цен на нефть (рис. 55).

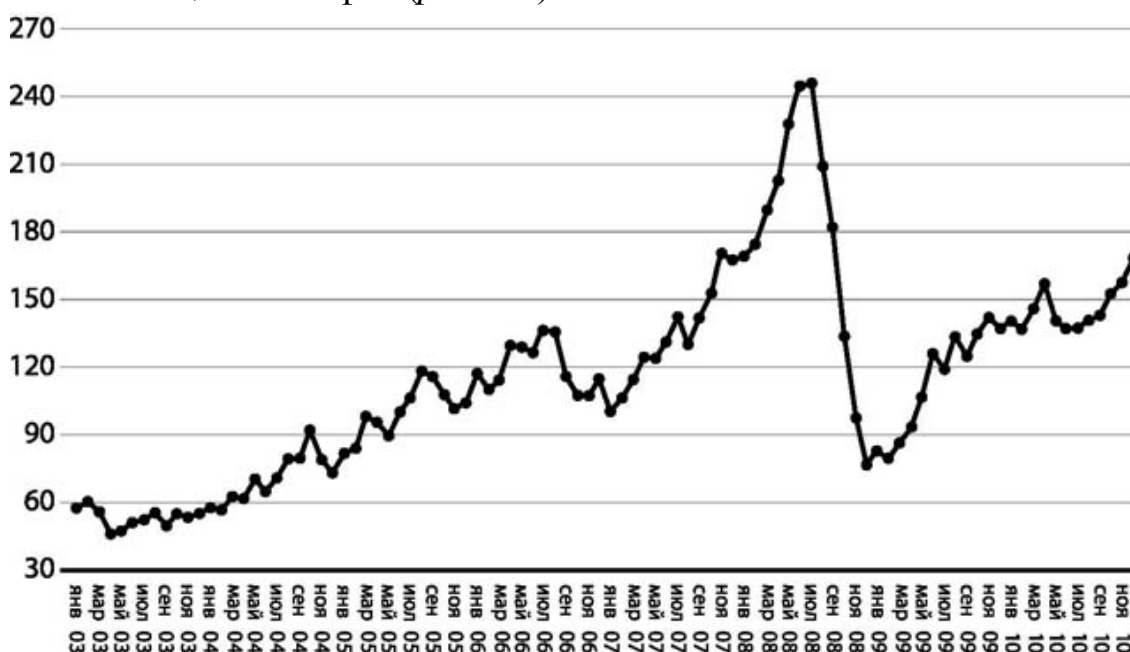


Рис. 55. Цена на нефть марки Brent в реальном исчислении* в январе 2003 — декабре 2010 года, индекс

* 2005 год = 100.

Источник: МВФ.

На этом фоне сохранять стабильность политического режима нетрудно. Надо сильно постараться, чтобы, когда реальные доходы населения 10 лет растут примерно на 10 % в год, руководство государства не было бы популярно. Но нынешняя ситуация, когда реальная заработная плата перестала расти и начала снижаться (рис. 56), в корне иная.

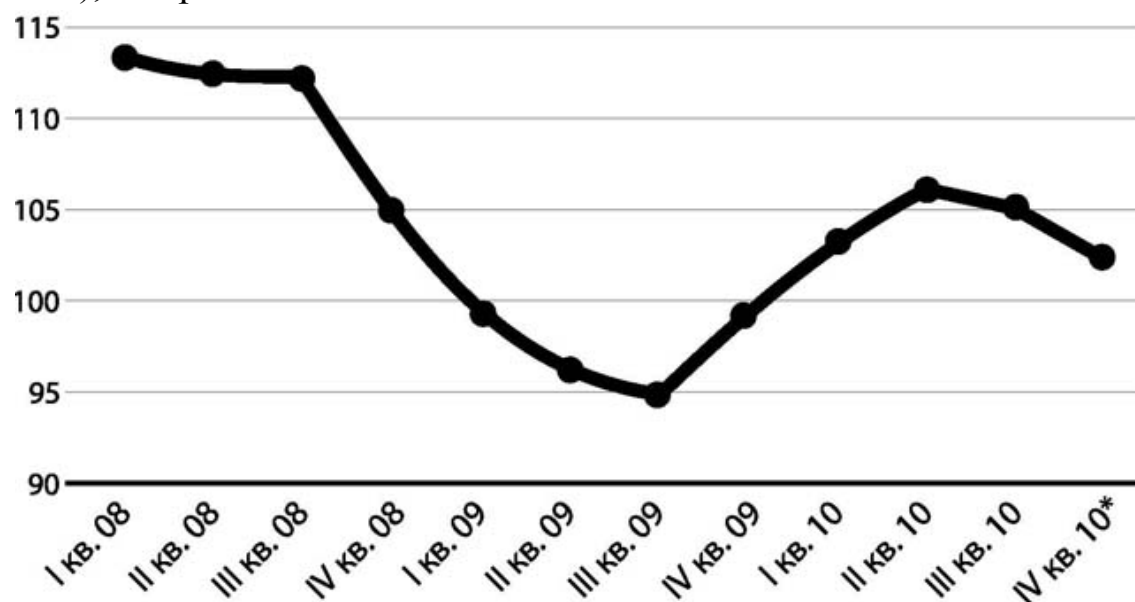


Рис. 56. Реальная заработная плата в I квартале 2008 — IV квартале 2010 года, % к соответствующему периоду предыдущего года

* Предварительные данные.

Источник: Росстат. — http://www.gks.ru/bgd/regl/B09_02/Main.htm

Для тех, кто руководит страной, бюджетные доходы которой зависят от сырьевых рынков, это новая и трудная развилка: **или ужесточение политического контроля, репрессий против несогласных, контроль за малотиражными СМИ, или постепенная демократизация режима, восстановление системы сдержек и противовесов во власти, свобода прессы, реальный федерализм.**

Первый путь в этой развилке ведет к новой революции. Двух революций, которые наша страна пережила в XX веке, на наш взгляд,

ей хватит. Мы не первая страна, которой предстоит сделать такой выбор. С того времени, когда Западная Европа постепенно выбрала именно второй путь, началось беспрецедентное ускорение экономического роста. Надеемся, что, столкнувшись с этой развилкой, российские власти сделают правильный выбор.

Примечания

1

Народное хозяйство СССР в 1956 году. Стат. ежегодник. М.: Государственное статистическое изд-во, 1957.

2

См.: Как ломали НЭП: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. В 5 т. / Под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2000. Т. 4.

3

Вот как характеризует положение, сложившееся к этому времени, Н. Хрущев: «Приведу некоторые цифры. В 1940 г. было заготовлено зерна 2225 миллионов пудов, а в 1953 году — лишь 1850 миллионов пудов, то есть меньше на 375 миллионов пудов. В то же время в связи с общим ростом народного хозяйства, значительным увеличением городского населения и ростом реальной заработной платы из года в год увеличивается расход хлебопродуктов. <...> Потребность зерна на экспорт увеличивается как по продовольственному зерну, так и по зернофуражным культурам, однако из-за недостатка зерна пришлось экспорт определить на 1954 год в количестве 190 миллионов пудов (3120 тысяч тонн), тогда как потребность в экспорте определялась в размере 293 миллионов пудов (4800 тысяч тонн)". (См.: Докладная записка Н. С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС 22 января 1954 года; Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Речи и документы. В 5 т. Т. 1. С. 85, 86.)

4

Неожиданно для Хрущева на Пленуме 1954 года с серьезными критическими замечаниями в адрес программы освоения целинных земель выступили ученые — специалисты в области засушливого земледелия. Ученые рекомендовали с самого начала освоения целины внедрять паровые севообороты, многолетние травы, сочетать зерновое производство с животноводством, применять мелкую пахоту; подчеркивали большое значение чистых паров. Хрущев полностью отверг эти рекомендации специалистов (профессор М. Г. Чижевская, опытник Т. С. Мальцев и др.), поддержав некомпетентные советы Т. Лысенко (президент ВАСХНИЛ). (См.: Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство страны // Отечественная история. 2000. № 1. С. 79.)

5

Н. Хрущев, посетивший Донбасс, на заседании Президиума ЦК КПСС 24 августа 1956 года, описывая сложившуюся ситуацию, исчерпывающе заметил: "Всё растаскивают". (См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1005. Л. 21–23 об. Цит. по: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. 2-е изд. Т. 1. С. 160.)

6

Замечания к последнему варианту "Общей концепции развития хозяйственного механизма предприятий и объединений". 30 июля 1985 года. Директор Института экономики АН СССР Е. И. Капустин — зампреду Госплана СССР академику Д. М. Гвишиани.

7

Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории // Избранные философские произведения. В 5 томах. Т. 2. М., 1956.

8

"Главное отличие состоит в том, что она опирается на принципиально новую экономическую доктрину. Движение к рынку прежде всего за счет государства, а не за счет простых людей. <...> Программа ставит задачу: все, что возможно, взять у государства и отдать людям. Есть серьезные основания считать, что возвращение народу значительной части собственности и ресурсов на различных условиях обеспечит их гораздо более эффективное хозяйское использование и позволит избежать многих негативных явлений в процессе перехода к рынку. Необходимо решительно сократить все государственные расходы, в том числе по скрытым от общества статьям. <...> Еще одна принципиальная особенность программы: люди должны не ждать чьих-то разрешений и указаний, а поступать в соответствии со своими интересами. Программа же показывает, как лучше и эффективнее действовать в этом направлении. Человек, заинтересованно читающий эту программу, может определить, что выгодно для него лично, и заранее решить, когда и что следует делать, что, от кого, в каком объеме и на каких условиях требовать для реализации своих экономических прав и интересов. <...> Таким образом программу можно рассматривать как программу реализации прав граждан на лучшую, более достойную жизнь". "Главные цели реформы — экономическая свобода граждан и создание на этой основе эффективной хозяйственной системы, способной обеспечить динамичное развитие народного хозяйства и достойный уровень благосостояния гражданам страны, преодолев отставания от других стран. <...> Важнейшей задачей государственной власти на всех уровнях и, в первую очередь, на республиканском и местном является обеспечение высокой степени социальной защищенности граждан, понимаемой, с одной стороны, как предоставление всем гражданам

равных возможностей в том, чтобы своим трудом обеспечить себе достойную жизнь, а с другой стороны, как государственная поддержка нетрудоспособных и социально уязвимых членов общества. <...> Значительно (до 20 %) сокращается финансирование Министерства обороны СССР и КГБ; в частности за счет резкого снижения закупок вооружения и военного строительства с сохранением на год средней зарплаты работникам предприятий-изготовителей. Сэкономленные материальные ресурсы направляются на свободную реализацию. Не менее 30 % экономии от сокращения расходов на эти цели обращается на повышение зарплаты офицерского состава и строительство жилья для военнослужащих, в том числе передислоцируемых в СССР из других стран и уволенных в запас". (См.: Программа "500 дней". — <http://www.yabloko.ru/Publ/500/500-4.html>)

9

"База расчетов — план бюджета на IV квартал 1990 г., предоставленный Министерством финансов СССР: доходы — 46,9 млрд руб., расходы — 62,5 млрд руб., дефицит — 15,6 млрд руб.

1. Сокращение расходов:

а) целевое сокращение: капитальных вложений — 20 %; операционных расходов — 30–50 %; военных расходов (на закупку военной техники) — 50–70 %; расходы на внешнеэкономическую деятельность (помощь и кредиты другим странам заморозить на квартал на уровне 0 руб.);

б) выделение "защищенных" статей: социально-культурные мероприятия; содержание правоохранительных органов; расходы по обслуживанию госдолга; расходы на проведение выборов народных депутатов СССР;

в) сокращение всех незащищенных статей на 10–15 %.

Результат: сокращение расходов союзного бюджета на 10 млрд руб.". (См.: Переход к рынку. Программа "500 дней". М., 1990. С. 221.)

"На Верховном Совете СССР прозвучал запрос народного депутата С. Белозерцева относительно "странных" передвижений воинских подразделений вблизи Москвы. 9–10 сентября были спешно приведены в боевую готовность, а затем пришли в движение Рязанский парашютно-десантный полк и части Тульской дивизии, Дивизия МВД им. Дзержинского, были переброшены части Псковской воздушно-десантной дивизии. Офицеры поначалу считали, что идет обычная подготовка, возможно, к параду или учениям. Но войска получили боеприпасы и технику. Хотя практика выдачи боевых припасов перед учениями практически не применяется: даже на учениях с боевой стрельбой боеприпасы, как правило, подвозятся на этап стрельбы. Сами солдаты были озабочены. Курсанты не верили, что переброшенная дивизия в бронежилетах, в касках, на боевой технике прилетела убирать картошку. Российское правительство оказалось не в курсе. Никто из депутатов, поехавших по частям, не был допущен до личного состава. Так развивались события, накануне объявленного на 16 сентября митинга в Москве. По данным народного депутата РСФСР В. Рюмина, и на самом митинге присутствовала переодетая в "гражданку" рота десантников из Подмосковья.

Министр обороны страны Д. Язов, выступая на сессии Верховного Совета СССР, назвал все приведенные факты вымышленными, однако подтвердил, что десантники действительно прибыли в Москву. Маршал вначале объяснил: рязанский и костромской полки прибыли для парада на Красной площади, а затем, не назвав больше ни одного соединения, заявил, что "действительно были учения"". (См.: Панкратов А. А кто-то подумал — учения идут... // Комсомольская правда. 26 сентября 1990 года; Панкратов А. А маршал ответил — учения идут. Только ясности в истории с маршем десантников по-прежнему нет // Комсомольская правда. 4 октября 1990 года.)

11

Один из авторов программы "500 дней" так описывал в январе 1991 года сценарий предположительного развития событий: "Не станет исключением и наша страна. Общие контуры антиинфляционной программы прогнозировать нетрудно. Пойдут вниз расходы государства на дотации, в первую очередь, на продукты питания. Резко упадет зерновой импорт. На низком уровне стабилизируются государственные инвестиции, капиталовложения предприятий, производство инвестиционной продукции. С оборонными расходами сложнее: здесь все зависит от того, кто и как будет такую программу реализовывать. Удастся ли стабилизировать экономику, сохранив ростки демократических и рыночных институтов, открытую миру внешнюю политику, курс на интеграцию в мировое хозяйство, или разгул безответственности, демагогии и анархии вновь уготовит нам путь в тупик тоталитарного режима и автаркии — борьба вокруг этой дилеммы станет главным содержанием экономической политики ближайшего будущего". (См: Коммунист. 1991. № 2.)

12

Соколов М. Литва: Шеварднадзе, между прочим, предупреждал...
// Коммерсант. 14 января 1991 года. № 2.

13

Михайлов В. (зав. Отделом национальной политики ЦК КПСС) —
в ЦК КПСС. О событиях в Литве. 11.01.1991. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 28.
Д. 31. Л. 1.

14

Соколов М. Литовский кризис: теперь все зависит от России // Коммерсант. 21 января 1991 года. № 3.

15

Щекочихин Ю. Неуправляемая армия? // Литературная газета. 16 января 1991 года. № 2.

16

Докладная записка А. С. Черняева от 15 января 1991 года. Фонд Горбачева. Арх. № 8780.

17

Известия. 26 августа — 2 сентября 1991 года. № 202–204, 207–209.

18

Известия. 29 августа 1991 года. № 206.

19

"2 сентября от имени президента СССР и лидеров десяти союзных республик (Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, России, Узбекистана, Украины, Таджикистана и Туркмении) президент Казахстана Назарбаев огласил заявление: распустить Союз и на паритетных началах сформировать структуры переходного

периода. От съезда требовалось одно: подтвердить конституционный акт, определяющий структуру переходных органов союзной власти — и мирно самораспуститься". (См.: Соколов М. Союз развалился республик свободных... // Коммерсант. 9 сентября 1991 года. № 36.)

20

Бывший заместитель председателя союзного правительства Л. Абалкин писал: "В начале октября (1991. — *Е. Г.*), находясь в США, я встретился с господином Гринспеном — руководителем Федеральной резервной системы США, одним из опытейших финансовых специалистов современности. Мы знакомы давно, хорошо понимаем друг друга и практически говорили на одном языке. Он спросил меня: "Понимаете ли вы, что остается всего несколько недель для того, чтобы предупредить финансовый крах?". Я ответил, что, по нашим оценкам, этот срок измеряется двумя месяцами. Собственно говоря, различался только способ выражения мысли: несколько недель или два месяца — это практически одно и то же". (См.: Абалкин Л. И. К цели через кризис. Спустя год... М.: Луч, 1992. С. 176.) Из записей Г. Шахназарова о заседании Государственного совета 16 октября 1991 года: "На заседании Госсовета об экономическом союзе докладывает Григорий Явлинский. Называет цифры: спад производства в 1991 году на 15 процентов, в 1992 году ожидается 23–25 процентов. [...] Остановка производства и рост цен в 2–3 раза создадут тупиковую ситуацию". (См.: Шахназаров Г. С вождами и без них. М.: Вагриус, 2001. С. 482.)

21

Акулинин В. И. (первый заместитель председателя Комитета СССР по закупкам продовольственных ресурсов) — тов. Силаеву И. С. в Комитет по оперативному управлению народным хозяйством страны. О закупках зерна на свободно конвертируемую валюту. 28.08.1991. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 163. Д. 1438. Л. 57.

22

Акулинин В. И. (первый заместитель председателя Комитета СССР по закупкам продовольственных ресурсов) — руководителю Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР тов. Силаеву И. С. Об объеме завоза в страну пшеницы и закупке соевого шрота. 27.09.1991. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 163. Д. 1439. Л. 75.

23

Из выступления Е. Гайдара на встрече глав правительств Содружества Независимых Государств: "Уважаемые коллеги! В качестве вступления несколько слово по механизму согласования нашей работы. Как мы договорились в Алма-Ате, особенно по предложению делегации Украины, наше Содружество не является ни государством, ни на государственном уровне. И если мы будем пытаться все вопросы, уровень координации по всем поводам вывести на единый уровень, приемлемый для всех республик, мы просто ни о чем никогда не договоримся, я этого очень боюсь.

Поэтому мне кажется, что мы должны подходить к согласованию наших политик максимально гибко. Кто может пойти на более тесную интеграцию, более жесткую координацию экономической политики в разных сферах, мы можем подписать более обязывающие документы.

Общая логика следующая. Мы сегодня не имеем возможность обеспечить устойчивость товаропотоков в рамках традиционной системы лимитов, фондов, нарядов и государственных заказов в силу ограниченной управляемости, по крайней мере, экономики на территории России. В республиках она частично более управляемая, в России в силу ее территорий мягкие методы управления, когда ты можешь, не доводя формально директивного госзаказа, тем не менее заставить предприятия делать то, что ты считаешь нужным, они работают очень плохо. Отсюда в России идут тенденции местной регионализации, формирования таможен на уровне территорий, на уровне областей, краев, которые очень опасны и могут парализовать вообще нашу способность проводить какую бы то ни было

экономическую политику, и в том числе выполнять какие бы то ни было обязательства, которые мы заключаем перед вами". (См.: Стенограмма рабочей встречи глав правительств Содружества Независимых Государств 24 декабря 1991 года. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 1. Д. 5386. 24.12.1991. Л. 1–79.)

24

Соглашение о совместных мерах в отношении ядерного оружия. (См.: Постановление Верховного Совета РСФСР "О ратификации соглашения о создании Содружества независимых государств" от 12 декабря 1991 года № 2014–1.) О выводе тактического ядерного оружия к 1 июля 1992 года на центральные предзаводские базы для его разукomплектования под совместным контролем см.: Давыдов В. Ф. Распад СССР и нераспространение ядерного оружия // США: экономика, политика, идеология. 1992. № 3(267). С. 25, 29; Рогов С. М. Поворотный пункт в ядерной конфронтации // США: экономика, политика, идеология. 1992. № 1 (265). Об озабоченности западных аналитиков, порой переходящей в прямую панику, судьбой российского тактического ядерного оружия в случае краха Советского Союза см.: Милхоллин Г., Уайт Д. Развал советской ядерной мощи — благо или угроза? // Международная жизнь. 1992. № 1. С. 43–55.

25

12 декабря 1991 года Россия вышла из состава СССР, денонсировав решением своего парламента Союзный договор 1922 года. Результаты голосования: за — 161 (65,2 %), против — 3 (1,2 %), воздержалось — 9 (3,6 %), голосовало — 173 (70,0 %). (См.: Бюллетень № 21 совместного заседания Совета Республики и Совета Национальностей, IV сессия Верховного Совета РСФСР, 12 декабря 1991 года.) 26 декабря в Кремле прошло последнее заседание одной из палат Верховного Совета СССР — Совета Республик, на котором

приняли Декларацию, констатирующую прекращение существования СССР как государства и субъекта международного права № 142-Н.

26

"В стране в ближайшее время может сложиться чрезвычайная ситуация со снабжением населения хлебопродуктами, а животноводства — концентрированными кормами. Ежемесячно на эти цели расходуется около 8 млн тонн продовольственного и фуражного зерна. По состоянию на 1 марта с.г. остатки его в государственных ресурсах (без учета семян) оцениваются по расчетам специалистов в количестве около 13 млн тонн, из них почти половина находится в Казахской ССР. Это означает, что запасы продовольственного зерна (кроме Казахстана, где его хватит до нового урожая) будут исчерпаны в конце марта. Уже сегодня крайне тревожное положение с обеспеченностью мукой. При необходимых нормативных ее запасах в 30 дней в Азербайджанской ССР и Армянской ССР они составляют 6 дней, Грузинской ССР — 7, Таджикской ССР — 8, ССР Молдова и Киргизской ССР — 9 дней. Менее чем на 10 суток запасы муки в г. Москве, Ивановской, Тульской, Нижегородской, Тюменской, Свердловской, Читинской, Камчатской и некоторых других областях.

Не решают хлебную проблему поступления зерна по импорту. В январе — марте с.г. завезено импортного зерна только 3,7 млн тонн при намечавшихся поставках 12,4 млн тонн. Неоднократные поручения руководства страны по усилению отгрузки товарного зерна из Казахской ССР, а также ускорению поставок его по импорту ощутимого влияния на изменение ситуации не оказали". (См.: Акулинин В. (Отдел агропромышленных отраслей) тов. Павлову В. С. О возможности чрезвычайной ситуации со снабжением населения хлебопродуктами, а животноводства — концентрированными кормами. 18.03.1991. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 163. Д. 560. Л. 16.)

27

См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 50. М.: Изд-во политической литературы, 1962. С. 85.

28

Из ответа В. Соловова, тогда заместителя председателя Центробанка РСФСР, Ф. Лукашову (народному депутату РФ): "В связи с Вашим запросом на имя Вице-премьера Правительства Российской Федерации Шумейко В. Ф. по просьбе последнего Центральный банк Российской Федерации сообщает, что со стороны компетентных органов Российской Федерации каких-либо разрешений на проведение Украиной широкомасштабной эмиссии рублей не давалось. После того, как Центральному банку Российской Федерации стало известно о кредитной эмиссии, проведенной национальным банком Украины, были предприняты соответствующие меры по защите интересов денежной системы России от последствий такой эмиссии, в частности, с 1 июля был введен режим межбанковских расчетов, не допускающий неограниченного выпуска рублей, эмитированных на Украине, на счета в банках Российской Федерации". (См.: Архив ЦБ. Д. 5136. 20.10.1992. Л. 40.)

29

Dornbusch R. Post-communist Monetary Problems: Lessons From The End of the Austro-Hungarian Empire. San Francisco, California: Press, Institute for Contemporary Studies, 1994.

30

Выступление Е. Т. Гайдара на заседании правительства РСФСР 15 ноября 1991 года. (См.: Стенограмма заседания Правительства РСФСР 15 ноября 1991 года. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 1. Д. 5383. 15.11.1991. Л. 6–13.)

31

Ю. Лужков в ноябре 1991 года докладывал: "Правительство Москвы доводит до Вашего сведения, что снабжение населения продовольственными товарами продолжает оставаться критическим... Из-за недостаточности ресурсов в объеме 40 тыс. тонн и прекращения отгрузки масла животного с Украины, Эстонии, Латвии и Молдовы торговля им осуществляется периодически, остатки масла животного отсутствуют. По союзному контракту закуплено по импорту 20 тыс. тонн масла животного. Необходимо весь закупленный объем направить в Москву. <...> В январе 1992 г. Москва может остаться без продовольствия". — Лужков Ю. М. (премьер Правительства Москвы) — Бурбулису Г. Э. (первый заместитель Председателя Правительства РСФСР). ГАРФ. Ф. 410 Оп. 1. Д. 4818. 22.11.1991. Л. 197–198; Информация из Читинской области: "Выделено муки по 260 гр. на человека. Это ниже нормы военного времени, ситуация с обеспечением хлебом критическая". — Тихоньких В. (председатель Бaleyского районного Совета народных депутатов) Ельцину Б. Н. (Президент РСФСР) и Силаеву И. С. (Председатель Совета Министров РСФСР). ГАРФ. Ф. 527 Оп. 7. Д. 9134. 09.08.1991. Л. 320.

32

"Стационарный бандит" на пути к стабилизации // Сегодня. 22 апреля 1995 года.

33

"Мы обязаны действовать с ювелирной точностью" // Известия. 15 декабря 1995 года.

34

Съезд ассоциации российских банков // Коммерсант. 25 мая 1995 года.

35

К этому выводу подталкивал и польский опыт. Лех Валенса, без сомнения харизматичный политик, не взявший на себя при этом ответственность за самую тяжелую часть реформ в Польше в условиях, когда выборы 1994 года проходили на фоне уже очевидного динамичного роста польской экономики, победить не сумел.

36

Ясин Е. Г. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ. М.: ГУ — ВШЭ, 2002. С. 437.

37

Treisman Daniel. "Loans for shares" revisited. national bureau of economic research working paper series, Working Paper 15 819. — <http://www.nber.org/papers/w15819>, March 2001.

38

Википедия. Президентские выборы в России. 1996.

39

Примечание редакции. Этот факт получил высокую оценку специалистов. В 1997 году журнал "Euromoney" на основе экспертного опроса ведущих финансистов мира признал А. Чубайса лучшим министром финансов года. —
<http://www.euromoney.com:80/Article/1005909/Finance-Minister-of-the-Year-Chubais-forces-the-pace.html?p=2>

40

Kihwan Kim. The 1997–1998 Korean Financial Crisis: Causes, Policy Response, and Lessons. Singapore, July 10–11, 2006; Crafts N. East Asian Growth Before and After the Crisis. IMF Working Paper 98/137, September 1998; Kochhar K., Loungani P., Stone M. R. The East Asian Crisis: Macroeconomic Developments and Policy Lessons. IMF Working Paper 99/28, August 1998; Berg A. The Asia Crisis: Causes, Policy Responses, and Outcomes. IMF Working Paper 98/138, October 1999; Balino T. J.T., Ubide A. The Korean Financial Crisis of 1997 — A Strategy Financial Sector Reform. IMF Working Paper 99/28, March 1999; Jong-Wha Lee, Borensztein E. Financial Crisis and Credit Crunch in Korea: Evidence from Firm Level Data. IMF Working Paper 00/25, February 2000.

41

P. Krugman. The Myth of Asia's Miracle. Foreign Affairs, 73:6, (November) December 1994. P. 62–78.

42

Энтов Р. М. Некоторые проблемы исследования деловых циклов // Финансовый кризис в России и в мире / Под ред. Е. Т. Гайдара. М.: Проспект, 2009. С. 6–39.

43

ЦБ РФ (www.cbr.ru); МВФ (IFS, CD-ROM ed., April 2009).

44

С. Кириенко отметил, что изначально пакет стабилизационных законопроектов предусматривал доход в размере 102,2 млрд рублей. Однако принятые Госдумой правительственные законопроекты могут принести, по словам премьера, только 37,8 млрд рублей. Чтобы сбалансировать и компенсировать потери от непринятых парламентом антикризисных законопроектов, правительство было вынуждено действовать путем принятия указов президента и постановлений кабинета. (См.: Известия. 22 июля 1998 года.)

45

Kim Kihwan The 1997–1998 Korean Financial Crisis: Causes, Policy Response, and Lessons. — <http://www.imf.org/external/np/seminars/eng/2006/cpem/pdf/kihwan.pdf>; Balino T. J.T., Ubide A. The Korean Financial Crisis of 1997 — A Strategy Financial Sector Reform. IMF Working Paper 99/28, March 1999; Jong-Wha Lee, Borensztein E. Financial Crisis and Credit Crunch in Korea: Evidence from Firm Level Data. IMF Working Paper 00/25, February 2000.

46

Златкис Б. Депозитариум // Приложение к журналу "Рынок ценных бумаг". 2006. № 11. С. 33–34.

47

Все товары подорожают // Коммерсант. 18 августа 1998 года. № 150; Каледина А. Магазинам плевать на Бориса Федорова // Коммерсант. 19 августа 1998 года. № 151; Каледина А. Спрос на товары растет вместе с ценами // Коммерсант. 26 августа 1998 года. № 156; Каледина А. Пенсионерам остался только хлеб // Коммерсант. 27 августа 1998 года. № 157; Каледина А. Назад в будущее // Коммерсант. 28 августа 1998 года. № 158; Каледина А. И снова уе // Коммерсант. 29 августа 1998 года. № 159; Каледина А. Продуктов пока хватает // Коммерсант. 1 сентября 1998 года. № 160; Есипов В., Смирнов А. Санкт-Петербург может остаться без хлеба // Коммерсант. 4 сентября 1998 года. № 163; Каледина А. Дефицит // Коммерсант. 5 сентября 1998 года. № 164.

48

Тимакова Н., Брутман С. Все идет как надо — президент отдыхает // Коммерсант. 15 августа 1998 года. № 149.

49

Камышев Д. Лицо импичмента // Коммерсант. 14 мая 1999 года. № 80; Дума пойдет на поводу у президента // Коммерсант. 14 мая 1999 года. № 80; Камышев Д. Эпидемия в Думе // Коммерсант. 15 мая 1999 года. № 81; Репортаж из Государственной Думы // Завтра. 18 мая 1999 года.

50

Наиболее вероятным правительство и Центральный банк считают пессимистический вариант роста ВВП, денежной массы и доходов населения. (См.: Черкасов Д., Никольский А. Чисто арифметическое убийство // Известия. 6 октября 1999 года.); "Расчеты независимых экспертов и специалистов Минэкономики показывают, что при таких условиях по итогам 1999 года можно ждать роста на 7–8 %, а в следующем — не более чем на 1,5 %. Причем весьма вероятен переход на отрицательную динамику уже с середины будущего года". (См.: Кириченко Н. Бюджет переходного периода // Известия. 13 октября 1999 года.)

51

"Проблема 2003" года состоит из трех основных факторов — внешний долг, износ основных производственных фондов и демографический спад. Именно в 2003 году Россия должна будет выплатить долги на общую сумму 17 млрд долларов. Также к 2003 году ожидается значительный износ основных производственных фондов. В первую очередь, речь идет об инфраструктуре. И третья основная угроза — демографический спад, связанный с резким старением населения страны". (См.: Россия уже борется с "проблемой 2003 года". Lenta.ru: В России. — <http://lenta.ru/russia/2000/09/12/bug2003/>) "Суть проблемы такова: уровень изношенности основных средств к 2003 году достигнет критической отметки, за которой страну ждет обвальная волна техногенных катастроф, сбоев энерго- и теплосетей, разрушения зданий и сооружений, аварий на транспорте... Надо отметить, что в 2003 году обещают разразиться сразу три грозы: к рассмотренному в этой статье амортизационному кризису добавляется прогнозируемое специалистами обострение демографической ситуации в России плюс приходящееся тоже на этот год наступление срока платежей по внешним государственным долгам". (См.: Жилкина М. Прогнили... // Русский полис. 2002. № 8. С. 46–47.)

52

Платон Лебедев был арестован 2 июля 2003 года. (См.: Бутрин Д., Сапожников П., Герасимов А., Скоробогатько Д. Пришли за ЮКОСом // Коммерсант. 3 июля 2003 года. № 114.) Михаил Ходорковский был арестован 25 октября 2003 года. (См.: Лепина М., Тополь С., Романов В., Воронов К. Сидеть // Коммерсант. 27 октября 2003 года. № 196.)

53

<http://www.newsru.com/Russia/25oct2003/rspp2.html>

54

Энтов Р. М. Некоторые проблемы исследования деловых циклов / Финансовый кризис в России и в мире / Под ред. Е. Т. Гайдара. М.: Проспект, 2009. С. 6–39.

55

Норвежский государственный пенсионный (старое название — нефтяной) фонд был создан в 1990 году. 1 января 2006 года он был преобразован в Норвежский государственный пенсионный фонд — Глобальный (The Government Pension Fund — Global (formerly The Government Petroleum Fund) и Норвежский государственный пенсионный фонд — Норвегия (The Government Pension Fund — Norway (formerly The National Insurance Scheme Fund). На 30 июня 2009 года его размер составил 395 млрд долларов (около 2,4 трлн норвежских крон), или порядка 90 % ВВП (оценка); в 2008 году — более 370 млрд долларов (примерно 2,1 трлн норвежских крон), или примерно 82 % ВВП. (См.: Министерство финансов Норвегии. —

<http://www.regjeringen.no/en/dep/fin/Selected-topics/The-Government-Pension-Fund.html?id=1441>; Википедия. —
<http://www.regjeringen.no/en/dep/fin/Selected-topics/The-Government-Pension-Fund.html?id=1441>; Стат. служба Норвегии. —
<http://www.ssb.no>)

56

См. например: Посткоммунистическая Россия в контексте мирового социально-экономического развития. Научные труды № 26. М.: ИЭПП, 2001; Дробышевский С., Золотарева А., Кадочников П., Синельников С. Перспективы создания стабилизационного фонда в РФ. Научные труды № 27Р. М.: ИЭПП, 2001; Короп Е. Стабилизационный фонд. Каким он должен быть? Стабилизационный фонд будет либо политическим, либо его не будет вообще. — <http://www.finiz.ru>. 04.02.03

57

См: Глазьев С. Выступление на заседании, посвященном поиску способов использования средств Стабфонда. 16.06.2006. — <http://www.rodina.ru/article/show/?id=532>; Глазьев С. Стабилизационный фонд России во многом липовый. — <http://www.rusk.ru/newsdata.php?idar=170> 221; Николаева Е. Правительство и Минфин не поделили Стабфонд. 26.02.2006. — <http://www.finiz.ru/economic/article989> 698; Копейкин продолжил заочный спор с Кудриным о Стабфонде. 03.2006. — <http://www.finiz.ru/ournews/article991> 599; Стрельцов Е., Николаева Е. На что потратить Стабфонд. 10.03.2006. — <http://www.finiz.ru/economic/article992> 831

58

"...рецессии в США нет и, весьма вероятно, в 2008 году уже не случится. Когда Гайдар заговорил о рецессии в январе 2008-го, ее вероятность рынком фьючерсов оценивалась в 80 %. Тогда я рискнул высказать свое несогласие с прогнозом Гайдара и предположил, что рецессии, скорее всего, не будет. За прошедшие 6 месяцев рецессия не наступила. Более того, вероятность ее наступления сегодня оценивается куда более скромно — всего в 19 %, что в полтора раза ниже ее значения в августе прошлого года, когда начинался ипотечный кризис"; "...в июле прошлого года цены на нефть составляли 70 долларов за баррель, в июле нынешнего — 140. Для России мировая конъюнктура стала неоспоримо благоприятнее, чем была год назад". (См.: Илларионов А. Как либерал нелибералу. 01.08.2008. — <http://www.izbrannoe.ru/43508.html>)

59

http://www.rian.ru:80/us_news/20081124/155800218.html

60

Международные сопоставления ВВП в Европе в 1990 году. ЕЭК ООН, Женева. 1994; Lean Russia: Sustaining economic growth through improved productivity / McKinsey, April 2009.

61

Примечание редакции: этот текст был написан Е. Гайдаром в ноябре — декабре 2009 года.

62

http://postsov.rsux.ru/chronicl/1985/11_06.shtml

63

Кузминов Я. Рост экономики РФ в условиях кризиса зависит от инноваций // РИА Новости. 12 ноября 2008 года. — http://www.rian.ru/crisis_news/20081112/154880151.html

64

World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2008–2009. P. 289. — <https://members.weforum.org/pdf/GCR08/GCR08.pdf>